

Махназ Фаттахи

ФАРАНГИС

Воспоминания Фарангис Хейдарпур

Москва
2020

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)
Ф27

Фаттахи, Махназ

Ф27 Фарангис / пер. с перс. З. Керимовой – М.:
ООО «Садра», 2020. – 272 с. – (Военная проза).
ISBN 978-5-907041-52-3

16+

Фарангис Хейдарпур родилась в курдской семье на юге Ирана. Энергичная и волевая девочка всегда была помощницей родителей и опорой для многочисленных братьев и сестер. И когда началась война и иракские войска вторглись на иранские земли, мужество Фарангис помогло ей выстоять, защитить своих близких и прославиться на всю страну.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

ISBN 978-5-907041-52-3

9 785907 041523

© ООО «Садра», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	4
Предисловие	9
Глава 1	15
Глава 2	40
Глава 3	57
Глава 4	66
Глава 5	90
Глава 6	105
Глава 7	126
Глава 8	144
Глава 9	171
Глава 10	193
Глава 11	210
Глава 12	242
Эпилог	267

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ирано-иракская война – один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского лидера Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше мятежный революционный Иран. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могли, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда иранский народ в едином порыве поднимется на защиту своей страны. Иранцы чуть ли не голыми руками воевали против вооруженного до зубов агрессора, но ни отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война, продолжавшаяся восемь лет, с сентября 1980 по август 1988 года, унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а ее главным итогом стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о событиях тех лет, сами

сражались на передовой – именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и – самое главное – глубочайший духовный подтекст. В годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так и из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное – помнить...

ФАРАНГИС

В вашем городе живет храбрая женщина, которая, защищаясь, смогла взять в плен врага и повергла наземь силы агрессора. Помните это всегда и дорожите этим!

*Обращение аятоллы Хаменеи
к народу города Гилянгарб,
октябрь 2011 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недалеко от парка «Ширин» в городе Керманшах стоит памятник женщине с топором в руках. Каждый раз при взгляде на этот памятник я думала о том, как было бы хорошо познакомиться с ней поближе и пообщаться. Люди говорили, что бесстрашная Фарангис, увековеченная в скульптуре, живет в селении рядом с городом Гилянгарб¹ и крайне неохотно делится своими воспоминаниями. Я отдавала себе отчет в том, что интервью с ней – затея труднореализуемая, но все же меня не покидало желание написать ее биографию. Даже трехчасовая поездка в селение из Керманшаха не являлась для меня непреодолимым препятствием.

В конце концов с помощью одной из своих подруг я смогла найти телефон и адрес Фарангис и однажды в сопровождении моих близких, преисполненная гордости от мысли о том, что познакомлюсь с этой великой женщиной, я отправилась утром в селение Гурсефид и к полудню доехала до ее дома. Увидев Фарангис, такую высокую и сильную, я сразу подумала, что она выглядела намного величественнее, чем ее памятник.

Люди говорили правду: Фарангис действительно не хотела давать никаких комментариев и не хотела, чтобы ее снимали на камеру.

¹ Гилянгарб – населенный пункт на юго-западе провинции Керманшах в Иране.

– Я уже очень много раз давала интервью и часто появлялась в документальных фильмах и на многочисленных фотографиях, – говорила она. – Но что это дало?

Уже многократно упоминавшаяся в книгах Фарангис, памятник которой несколько лет стоит в городском парке, сетовала на то, что теперь о ней никто не помнит и она погрязла в пучине житейских проблем и трудностей. Она не хотела рассказывать о своих воспоминаниях, ссылаясь на то, что все они и так состоят из мыслей и историй, о которых она уже не раз говорила.

– Но меня интересуют все ваши воспоминания, начиная с детства и заканчивая сегодняшним днем, – не сдавалась я.

– Это невозможно! – рассмеялась Фарангис.

Несгибаемая убежденность Фарангис была поколеблена лишь тогда, когда она узнала, что мое детство схоже с ее детством и также связано с войной. Гора Чагалванд, которая была видна из окна дома Фарангис и о которой у нее было множество воспоминаний, стала особой причиной нашего с ней сближения. Я часто слышала об этой горе от своего отца, который четыре года в той местности сражался с иракскими войсками. Не сумев сдержать слез во время своих рассказов о воспоминаниях отца, я заметила, что глаза Фарангис также наполнились слезами. У нас было общее горе, которое сблизило нас и позволило мне добиться разрешения Фарангис приходить к ней каждый день и записывать ее воспоминания.

Всё же поначалу Фарангис неохотно рассказывала о себе. Ее благородные поступки не представляли для нее особой важности, и, когда я говорила ей о том, что каждое мгновение и каждая секунда ее жизни для меня имеют особенную ценность, она лишь смеялась и отвечала:

– Я ведь не совершила ничего выдающегося. Любая женщина, которая была бы на моем месте, сделала бы то же самое.

Каждая встреча с ней давала мне понять, что она не просто женщина, которая однажды убила иракского солдата, а другого взяла в плен: на самом деле она совершила множество действий, которые по своей значимости и силе сравнимы друг с другом.

Дорога к Фарангис отнимала у меня много времени и сил. Часто после трехчасовой поездки до селения Гилянгарб я меняла машину и еще полчаса ехала до деревни Гурсефид. Порой, проделав такой путь и приехав домой к Фарангис, я обнаруживала, что она не может дать мне интервью, так как принимает гостей или занята какими-то личными делами. В те дни мне приходилось без нового материала возвращаться домой, но иногда удавалось брать интервью у дочери Фарангис, Сохейлы. Сохейла помогала мне как настоящий друг и убеждала Фарангис быть более сговорчивой. В итоге совместными усилиями нам удалось уговорить ее более охотно и детально рассказывать о своем детстве.

Помню, как многократно, несмотря на городское предупреждение не выходить из дома из-за сильной песчаной бури, я ездила к Фарангис и записывала ее воспоминания. Меня очень пугала мысль о том, что из-за множества трудностей я оставлю свою работу незаконченной. Однако, когда в октябре 2011 года я услышала речь лидера Исламской революции аятоллы Хаменеи о важности сохранения воспоминаний этой женщины из Гилянгарба, я ощутила прилив сил, и мое желание продолжать заниматься этим делом стало еще сильнее. После того выступления довольно многие литературные деятели заявили о готовности написать ее биографию. Когда я спросила об этом у самой Фарангис, она сказала мне, что к ней приходили несколько человек с целью задать вопросы, но вынуждены были уйти ни с чем. Она отказывала всем, доверившись лишь мне, поэтому моя цель была для меня очень четко обозначена, и я всем

сердцем стремилась достичь ее. На протяжении трех лет, которые я провела в поездках в селения Гурсефид и Авезин, я брала интервью не только у самой Фарангис, но и у ее родственников и односельчан.

За все те годы я увидела множество ветеранов войны, о которых никто не помнил и которые вынуждены были до последнего находиться в условиях, казалось бы, не закончившейся для них войны. Местное население жило на усеянных минами землях, восстановлением безопасности которых никто не занимался. Каждый день эти люди теряли кого-то из своих близких.

По нашему уговору с Фарангис я планировала заняться интервью с ее братьями, но, к сожалению, за три года нашей совместной работы скончался сначала ее брат Рахим, а затем – Джаббар. После смерти братьев Фарангис очень сильно заболела. В тот момент я думала о словах своего учителя господина Сарханги, сказавшего, что вместе с этими героями постепенно уходит и память об истории. Память, которой являются сами люди, пережившие годы войны, и для нас представляет огромную важность вопрос фиксации воспоминаний этих людей, пока не стало совсем поздно.

Самая тяжелая часть работы наступила тогда, когда я узнала о том, что в отделе документальных фильмов очень мало материалов. Война и нищета стали причиной того, что у Фарангис не было хоть каких-либо фотографий времен детства или юности. Даже у ее братьев не осталось никаких материалов и документов. Фарангис объясняла это тем, что в годы войны измученные, лишенные элементарных средств к существованию люди думали лишь в том, как накормить своих детей. В то время ситуация была настолько тяжелой, что люди переезжали с места на место, бросая вещи, представлявшие собой лишний груз. Они были вынуждены прощаться со своей памятью.

В нашу последнюю встречу Фарангис сделала мне трогательный подарок. Она ходила к подножию горы и принесла оттуда для меня душистый горный чай. Я сразу почувствовала его аромат, который впоследствии навеки стал для меня ассоциироваться с воспоминаниями Фарангис. Она открыла для меня занавес и впустила в свою личную жизнь и память, что представляло для меня особую ценность.

Через три года совместной работы мемуары Фарангис, начиная с самых первых дней войны и до ее окончания, были полностью готовы. Эта книга является своеобразным сосудом, наполненным историями войны, и я искренне благодарна судьбе за то, что мне выпала честь написать об этой отважной львице.

Благодарю Всемилостивейшего Бога за то, что Он даровал мне возможность написать о Фарангис, благодарю за то, что на протяжении всей нашей работы Он не обделял меня Своим вниманием и заботой, облегчал мои трудности, вселял надежду и наделял волей для того, чтобы завершить начатое дело. Выражаю свою искреннюю благодарность тем людям, которые оказывали мне поддержку: моему дорогому учителю господину Сарханги, который, узнав о моем проекте, произнес слова напутствия, ставшие впоследствии для меня стимулом; госпоже Лейле Мунфариди и ее мужу, которые показали мне дом Фарангис; Сохейле, дочери Фарангис, за существенную помощь в записи мемуаров; господину Салману Хасанпуру, главе фонда «Шахид»; главе муниципалитета города Гилянгарб господину Фарамарзу Акбари; госпоже Шейде Нурбахш, главе отдела по делам женщин муниципалитета Гилянгарба; Ходабахшу Хасани, одному из дорогих ветеранов и главе фонда «Шахид» города Гилянгарб во времена Ирано-иракской войны; дорогим жителям селений Авезин, Гурсефид и города Гилянгарб.

Также выражаю свою искреннюю благодарность всем тем, кто не оказал помощь в работе, став причиной того, что я обрела еще большую решимость в своем деле.

*Махназ Фаттахи,
лето 2014 г.*

ГЛАВА 1

Мама часто говорила мне:

– Какой же ты сорванец! Ты как будто по ошибке пришла в этот мир девочкой, а должна была родиться мальчиком! Девочка должна быть тихой, стыдливой, мягкой, а ты совсем не такая!

Всякий раз, когда я проявляла непослушание, она повторяла:

– Фарангис, не делай так, чтобы на свете не нашлось мужчины, который бы согласился взять тебя в жены. Девочка должна быть скромной и терпеливой!

Меня всегда раздражали подобные мамини наставления, и я не видела ничего плохого в том, чтобы не быть мягкой и нежной, и в том, чтобы, надев шальвары, превратиться в пастуха. Я получала большое удовольствие, пугая девочек по ночам, и хохотала над мальчиками, которых запугивала до дрожи, когда они из детского любопытства приходили на кладбище.

Позвольте мне рассказать вам о своей жизни с самого начала. С раннего детства при каждой возможности я бегала к своему любимому месту – горе Чагалванд. Я приходила к ее подножию, а затем стремглав мчалась на вершину, не оглядываясь по сторонам. Желание осмотреться появлялось лишь тогда, когда я добиралась до самого верха, где всё вокруг казалось таким маленьким и незначительным. На вершине горы

я садилась на валун и сквозь пальцы смотрела на наше селение.

Однажды я заметила какую-то суету в селении. Семья моего дяди отчего-то была радостно возбуждена и что-то праздновала. Так и не поняв, в чем дело, я в недоумении спросила у своей двоюродной сестры:

- Что происходит? Куда все так торопятся?
- Мы собираемся в паломничество в Кадамгах.
- А мы тоже поедем с вами? – с надеждой спросила я.
- Думаю, что нет.

От такого ответа на моих глазах выступили слезы. Дядюшка нанял фургон дяди Фармана, на котором все собирались ехать. Эта машина была самой большой в нашем селении и могла вместить много людей. Мы с соседскими детьми всегда любили бегать за ней, совершенно не заботясь о том, что после этой веселой пробежки все с ног до головы покрывались дорожной пылью.

Пока дядина семья в спешке готовилась к поездке, я сходила с ума.

- Вы все едете? – переспрашивала я.
- Да! – отвечали мне родственники. – Мы едем в Чам имама Хасана!

Чам имама Хасана считался священным в наших краях местом, где, согласно местному поверью, ходил одиннадцатый имам Хасан аль-Аскари. В том месте соорудили святыню.

Больше не в силах терпеть такую несправедливость, я побежала домой и закричала:

- Все едут в паломничество! Мы тоже ведь едем?!
- Мама беспокойно и раздраженно ответила мне:
- Все едут потому, что у них есть деньги! А мы на что поедем? Откуда у нас деньги?

Ее слова были подобны ледяной воде, которой окатили меня с головы до ног. Увидев мое ошеломленное состояние и наполненные слезами глаза, мама смягчилась.

– Я и сама больше тебя хочу поехать... Но как нам с пустыми руками пускаться в путь? Мы должны иметь деньги на аренду машины и на еду.

Больше ничего не добавив, она отвернулась и ушла. Я уселась на крыльце и, обняв колени, исподлобья смотрела на счастливых, веселящихся девочек, которые готовились к поездке. Как же мне хотелось поехать с ними! От злости и негодования мне лишь оставалось проглатывать комок, который неустанно подкатывал к горлу.

Издали увидев, в каком состоянии я пребываю, ко мне подошел отец и обеспокоенно спросил:

– Что случилось? Что с тобой, Руле¹?

Стоило отцу прикоснуться к моей голове и приласкать меня, как, не выдержав, я расплакалась.

– Не плачь. Будь сильной.

– Все уезжают в Кадамгах. Я тоже хочу поехать, – выдала я сквозь слезы.

Услышав мой ответ, отец вздрогнул и долго ничего не говорил, но затем сказал:

– Не переживай, Руле. Наш Бог Всемогущий.

Я так и сидела на крыльце дома, наблюдая за собирающимися в поездку, и думала: «Пусть уж лучше машина дяди Фармана сломается! И никто никуда не поедет!».

Не знаю, сколько я там просидела, но отец, наблюдавший за мной некоторое время издали, с улыбкой направился ко мне.

– Фаранг! Иди готовься! – крикнул он, не доходя. – Быстрее собери вещи, чтобы не отстать!

Я не поверила своим ушам, но папа тогда смог как-то найти деньги для моей поездки, хотя в то время это была для нас довольно большая сумма. Вид сломленной и расстроенной дочери был для него гораздо важнее денег.

¹ Руле – дорогой, дорогая (курдский диалект).

Он отдал оговоренную сумму водителю машины и часть денег вручил моему дяде. Мама тем временем подготовила для меня еду и одежду.

Я видела, как растроганный отец радовался тому, что у него получилось отправить меня в поездку. Помню его глаза и как он уголком ткани своего головного убора вытирал слезы, которые текли по его щекам. Моему счастью не было предела, я беспрестанно прыгала и кричала всем:

– Я тоже еду в паломничество! Я тоже еду вместе с вами!

Когда наступило время отправляться в путь, я пошла к машине и села вместе со всеми. Отец попросил родственников проследить за мной и быть рядом. Взрослые договорились о том, что водитель по очереди заберет несколько групп, и мы тронулись в путь под всеобщие выкрики салавата¹. В тот момент я обернулась назад, посмотрела в окно и радостно помахала папе, стоявшему у стены и наблюдавшему за тем, как мы отъезжаем.

Машина была битком набита людьми, и мы сидели, прижавшись друг к другу, с нетерпением ожидая долгожданного прибытия. В пути, увидев купол святыни, к которой мы направлялись, все снова стали повторять салаваты. Чам имама Хасана был окутан зелеными деревьями, красными и розовыми цветами, воздух был свежим и чистым, а неподалеку журчал источник. Вокруг святыни виднелись величественные горы и необъятные зеленые луга. Мне не верилось, что рядом с нашим домом есть такое красивое место, напоминавшее райские сады.

Выйдя из машины, мы сразу побежали к кристально чистой речке, дно которой покрывали необычные и красивые камни. Напившись из горного источника и умыв-

¹ Салават – молитва, благословляющая Пророка Мухаммада и его род (*прим. пер.*).

шись, мы сели в тени деревьев, расстелили скатерть и, немного передохнув, отправились совершать паломничество. Хотя это был мой первый опыт, я знала, что в таких местах нужно вести себя тихо, уважительно и подобающе.

– Расскажите свои просьбы Всевышнему, – сказала нам тетя Гаухар, жена дяди. – Имам тоже помолится о том, чтобы ваши желания исполнились.

У меня было множество желаний, и, не зная, с какого начать, я решила по очереди перечислять, перебирая на пальцах каждое из них.

– Боже, прошу тебя исполнить все мои просьбы! – шептала я.

Сначала я помолилась за своего отца, а затем за всех остальных близких. Молитвы мои не заканчивались, пока я не отвлеклась на внутреннее убранство и отделку святыни. Особенно привлекли мое внимание кусочки зеркал, которыми были покрыты стены. Заметив, что я начала отвлекаться, тетя Гаухар подозвала меня к себе:

– Фаранг, подойди сюда. Я тебе кое-что покажу.

Направляясь к ней, я увидела прикрепленную к стене монетку и с недоумением взглянула на тетю.

– Вот, – сказала она, протягивая мне монету, – если у тебя есть заветное желание, загадай его и прикрепи монету к стене. Если не упадет, то оно обязательно исполнится.

Попытавшись прикрепить свою монету к стене и немного подождав, я обнаружила, что она не упала. Радости моей не было конца, мне казалось, что уже тогда исполнились все мои желания. Мои двоюродные сестры тоже начали прикреплять свои монеты к стене, и их успех вызывал у всех нас безудержную радость и ликование.

Через некоторое время мы вышли в сад, где полностью отдались ребячеству. Мы принялись бегать, плескаться в ручье, сбивать камушками лягушек, которых было там очень много, и не переставали смеяться. Еще

никогда в жизни я не видела такого красивого и цветущего зеленого сада, дарившего всем столько радости.

– Пойдемте собирать речные ракушки! Прыгайте в воду и ищите их! Если найдете, ваши желания сбудутся! – крикнула нам тетя.

Закрыв глаза, я не раздумывая сунула руку в воду и изо всех сил пыталась найти заветную ракушку. Неожиданно схватив что-то со дна реки, я показала свой улов тете и спросила:

– Это и есть ракушка?

– Нет, – улыбаясь, ответила она. – Снова окуни руки в воду и скажи: «Ангел, ангел, словно мама ты мне!». Тогда ангел поможет тебе найти ракушку.

Я снова начала плескаться руками под водой и выкрикивать:

– Ангел, ангел, словно мама ты мне! Помоги мне найти ракушку!

Снова вытащив горстью что-то из воды, я остановилась.

– Вот! – воскликнула тетя. – Вот это – ракушки!

– Девочки! – обрадовалась я. – Посмотрите, сколько ракушек я нашла!

Никто не мог поверить, что я собрала так много, а я безостановочно выкрикивала заветные слова и каждый раз доставала новую порцию ракушек.

– Так нечестно! – кричали девочки. – У Фарангис большие руки, а у нас маленькие!

– Хорошо! – хохотала я. – Пусть и ваши руки будут такими же большими! Смотрите, сколько я собрала!

Вместе с остальными детьми мы резвились в реке и плескались.

– Будьте осторожны! – периодически выкрикивал нам дядя.

– Дядя! Дядя! Посмотри на меня! – кричала я ему в ответ. Мне так хотелось, чтобы он видел, как я счастлива.

Тогда мне казалось, что я попала в рай. Как же не хотелось, чтобы это удовольствие заканчивалось! Когда к вечеру взрослые начали собирать вещи, сердце мое сжалось. Я так не хотела покидать это место, что до последнего момента смотрела из окна машины на бескрайние луга и поля, думая о том, когда еще мне выпадет возможность приехать в эти края.

По дороге домой я уснула, а проснувшись, различила в темноте наше селение Авезин и отца, который стоял, поджидая меня. Он поздоровался, обнял меня и провел рукой по моей голове, а затем по своему лицу, чтобы прочувствовать благодать того святого места, откуда я пришла, потом сказал:

– Руле, да примет Всевышний твое паломничество!

Слезы потекли по щекам и длинной бороде отца. Мне было больно видеть его таким, и я думала, как было бы хорошо, если бы и у него получилось поехать с нами. Я бы смогла разделить с ним лучший день в моей жизни.

* * *

Мне было 10 лет, когда однажды дома раздался голос отца.

– Йа Аллах! Йа Аллах!

Услышав эти слова, я поняла, что у нас гости, и поспешила предупредить об этом маму. Она тут же надела платок и отправилась во двор встречать пришедших. У дверей стоял отец в сопровождении двух незнакомых мужчин.

– Кто эти люди, папа? – шепотом спросила я.

– Это наши родственники, дорогая, – улыбнулся отец. – Просто ты еще никогда их не видела.

– А из какого они села?

– Издалека, – махнув рукой в сторону, ответил отец. – Они приехали к нам из Ирака.

В тот день я еще не понимала, почему отец все время улыбался, разговаривая со мной.

Вечером мама приготовила курицу, а наши гости до самой ночи сидели с отцом и о чем-то тихо разговаривали, лишь изредка поглядывая на меня.

Утром, когда мама накрывала на стол, я заметила, что лицо у нее грустное и заплаканное. Наливая гостям чай, мама плакала, и слезы капали ей на руки.

– Мама, что-то случилось? – беспокоенно спросила я.

Я не могла понять, что такое страшное могло случиться, что мама так безмолвно и обреченно плачет. Заметив меня, мама лишь резко отвернулась и ничего не ответила.

– Что случилось? – снова повторила я.

– Руле, ничего не случилось, – ответила она, не поворачиваясь ко мне лицом. – Просто прошу тебя молиться.

Она молча принялась без остановки мыть стаканы, один за другим, а затем резко обернулась, подбежала ко мне, обняла и стала очень горько плакать. Я еще никогда не видела маму в таком состоянии, нечасто она меня так обнимала. Сердце мое заколотилось от понимания того, что случилось что-то очень плохое.

Отец со своими гостями, которых, как я позже выяснила, звали Акбар и Мансур, был в гостиной. Они долго о чем-то беседовали, и, не удержавшись от любопытства, я встала за дверью, чтобы подслушать их разговор.

– Этой девочкой я дорожу как своими глазами, – говорил отец.

– Не волнуйся, мы ведь все же родственники, будем внимательны к твоей дочери. Мы тоже желаем ей только счастья.

– Я не знаю... Мне нужно подумать. Я и здесь могу выдать ее замуж.

– Можешь, – закашляв, ответил мужчина, – но в таком случае твоя дочь всю жизнь будет вынуждена на

кого-то работать. Не лучше ли, чтобы она была в безопасности, будучи хозяйкой своего собственного дома?

Наступило недолгое молчание, которое прервал один из гостей.

– Человек, за которого мы хотим выдать ее замуж, очень хороший. Какая разница: иракец он или иранец? Важен характер этого человека. Ради счастья дочери советуем тебе принять это предложение.

Отец продолжал находить какие-то оправдания и отговорки, а я стояла за дверью, как вкопанная, не понимая, как мне реагировать на услышанное. Я не знала, радоваться или, наоборот, беспокоиться. Я бывала на свадьбах и часто с девочками играла в невесту, но чтобы самой стать невестой... Об этом я еще никогда всерьез не думала. В голову сразу пришли тысячи мыслей, и я поняла, почему моя бедная мамочка так переживала и плакала.

После того как гости уехали, родители решили общаться друг с другом, а я не осмеливалась показываться перед ними и лишь ждала их вердикта. В те времена у девочек моего возраста не принято было спрашивать о замужестве. Они впервые знакомились со своими женихами лишь в день заключения шариатского брака.

Я играла во дворе с соседскими девочками, когда меня позвал отец:

– Фарангис, – сказал он, – иди приготовься. Нам нужно кое-куда съездить.

– Но куда?

– Я... – закашлял отец, – мы поедem в Ирак. Я хочу выдать тебя замуж. Собери свои вещи, пожалуйста. Завтра мы должны выехать в путь.

Сказав это, отец ушел, а я, в оцепенении стоя на месте, услышала раздавшийся из комнаты плач мамы. Своим разговором со мной папа хотел показать маме, что его решение окончательно.

Я не знала, что мне делать, мне хотелось возразить отцу и сказать, что мы с девочками еще не доиграли во дворе, что завтра нам нужно выставить наших куколок, а затем мы собирались поиграть с мальчиками. Но я так и не смогла ничего ему сказать...

Ночью я долго не могла уснуть и, уложив рядом с собой куклу, долго на нее смотрела. Лишь из-за постоянных требований мамы поспать я закрывала глаза, но каждый раз, украдкой их открывая, замечала, что она тоже не спит. Грусть мамы навевала тоску на меня, и мне тоже очень хотелось плакать. Она тихонько вытирала слезы своим покрывалом и неотрывно смотрела на меня. Я посмотрела на спящих рядом братьев и сестер и подумала: «Неужели я их больше никогда не увижу?».

Утром я проснулась от голоса мамы:

– Фарангис, вставай. Просыпайся, милая.

Она выглядела очень грустной и угрюмой, лицо было красным и отекившим от ночного плача и бесконечных мыслей. Пытаясь меня разбудить, она одновременно собирала сверток с вещами.

– Мамочка, я не поеду в Ирак, – неожиданно сказала я.

– Да накажет их Аллах! – взорвавшись, крикнула мама. – Не знаю, чего еще они хотят от нас! Фарангис, дорога, подойди ко мне.

Я подошла к маме и увидела у нее в руках ткань.

– Это тебе. Я купила для твоей свадьбы. После нее ты будешь надевать этот платок. Меня уже не будет рядом, поэтому запоминай.

Прижав платок к груди и снова горько заплавав, она положила его в сверток к остальным вещам. Подарок мамы мне тогда очень понравился, и по своей детской наивности я стала думать о том, как же все-таки хорошо, что я стану невестой, ведь я смогу надевать такой красивый платок.

«Наверное, мне еще сошьют красивое платье под этот платок, – думала я. – И еще подарят красную курдскую ткань, которой покрывают голову невест».

– Фаранг! – раздался голос отца. – Вставай! Поешь чего-нибудь, чтобы мы уже могли отправляться в путь.

Я поела, выпила свой любимый утренний сладкий чай и отправилась к отцу, который, взяв меня за руку и избегая смотреть на маму, направился к выходу, где нас уже ожидали Акбар и Мансур.

– Не волнуйся, – сказал Акбар, обращаясь к моей матери. – Мы будем ухаживать за твоей дочерью больше, чем за нашей собственной.

– О мусульмане! – не сдержавшись, в слезах закричала мама. – Чего вы от нас хотите? Почему вы уводите от меня моего ребенка?!

– Фарангис, пойдем, – посмотрев на меня и все еще крепко держа за руку, сказал отец. – Мы должны идти.

Я положила свою куклу у двери и обняла сестер и братьев, которые, столпившись за дверью, смотрели на нас и плакали. Поцеловав меня, мама еле держалась на ногах; она прислонилась к стене и в слезах сползла на пол от бессилия. Я тоже не могла сдержаться и плакала, пока родственники один за другим подходили ко мне и прощались.

Отец шел впереди, держа в руках маленький чайник, немного хлеба и выцветшую сумку, которую он всегда брал с собой, когда ездил за покупками в город. Я же держала небольшой сверток, который дала мне мама. За дверями нашего дома стояли мои подружки, которые ждали, когда я приду поиграть.

– Фаранг, ты куда? – в недоумении спрашивали они, ступая за мной.

– Ты хочешь стать невестой? – спросил один из мальчиков.

– Да, – ответила я. – Мама сказала, что я хочу стать невестой, и еще она подарила мне очень красивый платок.

– Значит, ты больше не придешь поиграть с нами? – безнадежно спросила одна из девочек.

Сзади раздавались всхлипывания и стоны мамы, которая кричала:

– Пропади все пропадом! Я не допущу этого! Они хотят отобрать у меня дочь! Я умру без нее!

Горестный мамин голос, ее плач и потрепанный вид сжимали мое сердце, и я тоже не могла перестать плакать. Небеса слышали ее искренние материнские мольбы и молитвы.

– Не плачь, – успокаивали все маму. – Такова судьба твоей дочери. Все дочери рано или поздно должны выйти замуж.

– Я же не прошу, чтобы она вообще не выходила замуж, – не успокаиваясь, плакала мама. – Я лишь хочу, чтобы она жила рядом, а не так далеко.

По виду отца я понимала, что он все еще в сомнениях, он то плакал, то погружался в раздумья, но в итоге принял решение и посадил меня в машину. Вместе с ним и другими мужчинами мы отправились в путь. Я заметила, что у каждого из них при себе были пистолеты. Несколько раз я оглядывалась назад и смотрела на маму, которая не могла успокоиться и беспрестанно плакала, смотря на меня. Сердце разрывалось при виде ее страданий. В тот день я вообще не думала о себе, мне и в голову не приходило возразить своим любимым родителям, которые, как я была уверена, хорошо знают, что для меня лучше. Я хотела лишь слушаться их и делать все так, как нужно, чтобы они были счастливы.

– Не оборачивайся, – взяв меня за руку, сказал отец. – Не оглядывайся назад, дочка. Я хочу отвести тебя в Хане-

кин¹. Там ты станешь невестой и будешь по-настоящему счастлива. Тебе уже больше не нужно будет работать, как раньше.

В ответ на слова отца я лишь опустила голову и, несмотря на желание попросить его не уводить меня никуда, все же не решилась ему возразить. Мне лишь хотелось, чтобы он не переживал за меня.

– Не волнуйся, папа, – сказала я. – Пойдем.

В дороге я не переставала слышать плач мамы. Казалось, любой звук природы доносил до меня ее голос. В душе я очень хотела отпустить руку отца и побежать обратно домой, но знала, что, если вернусь, папа не выдержит. Мы проходили мимо подножия моей любимой горы Чагалванд, где я не смогла сдержать слез и втайне от отца тихо плакала, пытаюсь отвлечь себя разными мыслями и видом зеленой травы вокруг. В ту весеннюю пору землю покрывало множество только что распустившихся маленьких цветочков и цветов с большими ароматными бутонами. Я нагнулась к одному из них, сорвала и жадно вдохнула запах, подумав: если бы я сейчас была дома, как бы весело мы с девочками провели время.

Отец с Акбаром и Мансуром шли впереди, а я порой так отставала, что отец вынужден был оборачиваться и кричать мне:

– Фаранг, торопись! Не отставай, пожалуйста.

Дорога, которая шла через гору Чагалванд, была очень длинной, и, по словам отца, нам необходимо было преодолеть ее за два дня. В пути я не раз замечала его слезы, которые он изо всех сил старался скрывать, и сама, в свою очередь, не показывала ему, что тоже плачу.

Колючки без конца цеплялись за подол моего платья, и я думала: «Как будто они держат меня и не хотят, чтобы я уходила».

¹ Ханекин – город в провинции Дияла (Ирак).

В полдень первого дня нашего пути рядом с горным источником отец сказал:

– Здесь остановимся и немного передохнем.

Он развел костер и, наполнив чайник чистой родниковой водой, поставил его греться. Когда вода вскипела, я приготовила заварку, а отец, насыпав в стаканы понемногу сахара, налил всем чай. Размешивая свой стакан, я глубоко погрузилась в мысли, как вдруг через какое-то время, показавшееся мне мимолетным мгновением, услышала голос отца:

– Фарангис, поспеши!

Я так задумалась, что забыла о том, что у нас не так уж много времени. Быстро поев хлеба со сладким чаем и как будто лишь в тот момент полностью осознав, куда меня ведут, я взмолилась Богу:

– Господи, прошу Тебя, сделай так, чтобы отец сжалился надо мной, передумал и отвел обратно домой. Молю Тебя...

Но отец даже не смотрел на меня. Молча собрав вещи, мы продолжали путь вплоть до самого вечера. Когда стемнело и уже ничего вокруг не было видно, очень сильно устав, мы снова сделали привал и немного перекусили.

– Я думаю, что здесь мы и останемся на ночлег, – сказал папа. – Отдохнем, а завтра утром снова пустимся в путь.

Положив свой сверток под голову, я легла на землю и засмотрелась на звездное небо, думая о мамином красном одеяле. Она всегда говорила, что у каждого человека на небе есть своя звезда, и моя звезда была совсем рядом с маминой. Много ночей мы проводили, глядя на эти звезды и разговаривая обо всем на свете. В ту ночь я в одиночку смотрела на свою звезду, которая все еще была рядом со звездой мамы, и проливала горькие слезы, стекавшие по моим девичьим щекам. Постепенно

моя звезда стала тускнеть, и я, уставшая после долгого и тяжелого дня, уснула.

Утром во время завтрака я сильно замерзла. Увидев, как я дрожу, отец подбежал ко мне и крепко прижал к себе. Почувствовав его родной запах, я в мыслях снова унеслась в наше селение и подумала: «Как было бы хорошо, если бы мы спрятались за одной из этих скал и затем просто вернулись бы домой... Или если бы мы вовсе потерялись и вместо того, чтобы попасть в Ирак, попали бы домой, а папа даже бы и не понял, что мы заблудились».

В первый раз в жизни я ушла так далеко от дома. Гора за горой, степь за степью, до самой ночи без остановки мы шли дальше, и я надеялась, что, как только стемнеет, мы снова остановимся где-нибудь на ночлег, так как была очень уставшей. Но никто, похоже, не собирался останавливаться, все лишь сбавили темп и осторожно ступали в темноте.

– Нам нужно быть аккуратнее, – предупредил всех Акбар. – Здесь повсюду могут быть солдаты.

Из его слов я поняла, что место, куда мы пришли, было опасным, и, стараясь не издавать никакого шума, затаив дыхание, шла за отцом, повторяя его движения. В темноте я смотрела по сторонам в испуге от мысли о том, что неожиданно может начаться перестрелка. Видя мой страх, отец крепко взял меня за руку и вел рядом с собой. Пройдя некоторое расстояние в таком напряжении, мы, наконец, присели у одной из скал.

– Теперь можно расслабиться. Добро пожаловать в Ирак, – улыбаясь, сказал Акбар.

Услышав его слова в темноте, я почувствовала, как резко сжалось мое сердце. Это он, подумала я, был причиной беспокойств и печали моей семьи.

– Папа, – тихонько повернувшись к отцу, сказала я, – давай вернемся домой? Мне не нравится это место.

– Руле... Фарангис... – начал отец, охваченный неопределяемой печалью, – место, в которое мы идем, в тысячу раз лучше нашего селения. Вставай, доченька, вставай. Нам нужно идти.

Мне хотелось ему ответить, но я понимала, что это бессмысленно. Моя судьба была не в моих руках.

Мы продолжили наш путь, проходя мимо курдских поселений, жители которых не видели в нас опасности и даже, наоборот, угощали свежим хлебом и водой. Мне очень понравилась их национальная пестрая одежда, которую с самого первого момента мне любопытно было подолгу рассматривать. Глядя на этих людей, я думала о нашем селении, маме, братьях и сестрах, моих подружках и вспоминала даже свою козочку.

Мы шли до глубокой ночи, как вдруг увидели вдали огоньки. К тому моменту я страшно устала от долгой пешей дороги, которую совершала впервые. Ноги так болели и зудели, что я молилась о том, чтобы мы поскорее добрались до нужного места. Город, в который мы вошли, сразу показался мне очень интересным. Я догадалась, что это и есть тот самый Ханекин, о котором говорил отец.

– Вот мы и пришли, – сказал Акбар, когда мы прошли несколько улиц. – Здесь и находится наш дом.

Дверь открыла жена Акбара – молодая женщина в красивом национальном курдском одеянии, с ребенком на руках. Увидев всех нас, ребенок улыбнулся и, узнав отца, принялся ему махать и проситься на руки. Нас гостеприимно пригласили внутрь и предложили немного отдохнуть.

Глядя на сына Акбара, которого, как я узнала, звали Ибрагим, я подумала о своих братьях и сестрах и почувствовала новый прилив слез, которые не в силах была сдержать. Чтобы как-то отвлечься, я принялась играть с Ибрагимом, который поначалу стеснялся и то подбегал ко мне, то убегал.

Вскоре нас позвали к столу. Через силу, от ужасной усталости не в состоянии даже поесть, я едва притронулась к еде и вместе со всеми отправилась спать. Я была настолько изнурена дорогой и физической нагрузкой, что заснула тут же, как только положила голову на подушку, а проснулась в том же положении, что и легла.

Поутру я принялась стирать свою и отцовскую одежду в тазике. Мы с ног до головы перепачкались в грязи, и одежда была вся в колючках.

«Наверное, это колючки из нашего села. Они отравились вместе со мной, чтобы я не чувствовала себя одинокой», – подумала я и, не сдержавшись, снова заплакала.

Пару дней мы оставались в доме Акбара. Папа с обоими мужчинами несколько раз куда-то выходили, и я однажды услышала, как Акбар сказал:

– Через день они приедут, чтобы заключить брак с Фарангис.

В дом один за другим стали приходить родственники, чтобы посмотреть на меня, и я говорила себе: «Смотри, Фарангис, ты уже становишься невестой».

Я не чувствовала никакого счастья, в том возрасте я не понимала, каково это – выходить замуж и зачем это нужно, если я буду жить так далеко от родного дома. Все мне казалось чужим, и единственной моей поддержкой был отец. В ужасе я думала о том, что со мной будет, когда отец, выдав меня замуж, вернется домой и оставит меня здесь одну.

«Фарангис, – говорила я себе, пытаясь как-то успокоиться, – ты скоро станешь женой, выйдешь замуж за хорошего человека. Вокруг будут радостные люди, которые разделят этот день с тобой».

Я пыталась представить церемонию своей свадьбы и радоваться, но, как бы ни старалась, не могла совладать с собой и плакала. Та самая девочка, которая когда-то

так бойко себя вела, которая на одном дыхании взбегала высоко в гору и веселилась, пугая местных детей, сейчас от беспомощности и чувства одиночества на чужбине горько плакала и не знала, что ей делать.

Каждый раз, когда я сталкивалась с отцом, он отводил глаза и старался не смотреть на меня. Я знала, что он избегает меня и одновременно изо всех сил убеждает себя в том, что поступает правильно, так как ограждает меня от тяжелой работы и хочет, чтобы я ни в чем не нуждалась. Я знала, как тяжело ему было, и очень сочувствовала ему.

– Папа, не переживай, – говорила я ему, пытаюсь успокоить. – Смотри, я тоже совсем не переживаю.

Я заставляла себя смеяться и пыталась веселить его, но он все равно плакал. Не выдержав, он как-то сказал мне:

– Фаранг, милая, мне хочется, чтобы ты была счастлива и не испытывала в жизни никаких трудностей. Я привел тебя сюда, чтобы ты освободилась от всех оков, что на тебе были все это время.

– Пора готовиться! – сказал нам Акбар с наступлением ночи. – Завтра они уже придут и, по воле Всевышнего, заключат шариатский брак с Фарангис.

Кивнув, папа сказал:

– Всё по воле Всевышнего. А после того как заключим брак, я вернусь домой.

От слов отца мне стало очень плохо. Казалось, лишь тогда я полностью осознала, что за жизнь мне предстоит, и, если бы не отец, в ту же самую ночь я готова была в одиночку ринуться обратно домой мимо тех же селений, степей и гор, что мы прошли вместе, когда направлялись сюда.

Вечером все ожидали прибытия жениха. Я видела, как всем любопытно посмотреть на меня, десятилетнюю девочку из Ирана, которая всего пару дней назад еще

играла с подружками в куклы. Теперь эта девочка была в совершенно чужом городе и в окружении незнакомых лиц. Я понимала, что уже больше никогда не увижу своих родственников и близких и поэтому перед отъездом старалась запомнить их лица.

В раздумьях о своем прошлом и будущем я плакала, пока не заснула. Неожиданно меня разбудил очень громкий стук в дверь и страшный крик мужчины, голос которого мне казался знакомым. В недоумении я посмотрела на отца, пытаюсь понять, что происходит, но он также ничего не понимал. Да улице раздалось ржание коня.

Хозяин дома, в котором мы ночевали, быстро схватил ружье и пустился к воротам.

– Кто там?! – крикнул он, стоя за воротами. – Что тебе нужно?!

– Это я, Горгинхан. Открой дверь, пока я ее не сломал!

Услышав этот голос, я от удивления вздрогнула. Этим неистово колотившим в дверь мужчиной оказался двоюродный брат моего отца.

«Зачем он сюда пришел? – судорожно стала размышлять я. – Как он нас нашел и что ему нужно?».

Хозяин дома отворил ворота, и Горгинхан верхом на лошади въехал во двор. К этому времени все пробудившиеся от шума спустились вниз навстречу неожиданному гостю. Спешившись, Горгинхан направился в дом, когда к нему вышел отец и протянул руку. В ответ на жест отца Горгинхан лишь окатил его яростным взглядом и спросил:

– Ты еще смеешь подавать мне руку? Я не хочу с тобой даже разговаривать!

Оглядевшись вокруг и пригладив бороду, он продолжал:

– Я пришел за Фарангис. Я заберу ее обратно домой.

– Домой? – переспросил отец.

Не сдержавшись, Горгинхан бросился на отца, схватил его за воротник и, несмотря на то, что их пытались разнять, умудрился несколько раз ударить его по лицу. Страшно испуганная, я помчалась к дяде и закричала в слезах:

– Не бей отца! Не бей!

Увидев мои слезы, Горгинхан немного смягчился; он отошел назад и присел на пол, прислонившись к стене. Отец сел напротив него.

– Тебе не стыдно?! – кричал Горгинхан, потрясая рукой перед отцом. – Привел свою дочь в другую страну, чтобы здесь выдать ее замуж?! У тебя что, нет хлеба, чтобы прокормить родную дочь?! Ты не в состоянии ее содержать?! Я приехал, чтобы забрать Фарангис к себе. Я сам буду ее обеспечивать, но она будет рядом с нами, на нашей земле, а не на чужбине! Она не будет принадлежать иностранцам. Как ты можешь отдавать нашу дочь иракцам?!

Опустив голову, отец молчал и не мог ему ничего возразить. Все вокруг пытались отвлечь Горгинхана и принесли чай, но он был не в силах успокоиться и продолжал кричать на отца.

– Пойдем, – вмешался Акбар, отводя его в другую комнату. – Тебе надо отдохнуть после дороги. Поговорим позже.

Через час Горгинхан ворвался к нам в комнату и все еще с красными от злости глазами сказал:

– Фарангис, достаточно! Собирай свои вещи. Мы возвращаемся.

Все это время молчавший отец закричал:

– Я делаю это ради нее же! Ради нее самой я привел ее сюда! Здесь она выйдет замуж за хорошего и богатого человека! Здесь Фарангис будет счастлива! И ее жизнь в моих руках! Я – ее отец, и мне решать, как все будет...

– Ты вообще веришь в Бога?! – прервав отца, еще громче крикнул Горгинхан. – Если веришь, то как ты можешь выдать свою дочь за человека из чужой страны?! И ты после этого мусульманин?! Ты что, такой бедный, что не можешь прокормить свою собственную дочь?! Я ее дядя! Я верну Фарангис, и никто не сможет меня остановить. Она наша дочь, а не иракцев!

Лицо Горгинхана покраснело от гнева, голос дрожал.

– Быстро! – крикнул он мне. – Одевайся!

Все домашние вновь попытались остановить его.

– Горгинхан, оставайся этой ночью здесь. Не спеши так, – успокаивали они его.

– Прекратите! Не смейте мне указывать! – закричал он так, что больше никто не смел к нему подходить.

Все мое тело содрогалось от криков дяди. На глазах у всех он взял меня на руки и посадил на лошадь.

– Всякий, кто захочет мне помешать, получит пулю из моего ружья! – крикнул напоследок Горгинхан, указав на оружие за спиной.

– Держись за меня крепко, Фарангис, – сказал он мне. – Мы возвращаемся домой.

Я крепко обняла его сзади, пытаюсь унять бешеное сердцебиение, и беспокойно взглянула на моего бедного отца, который молча смотрел, как мы удаляемся. Мне было жаль его, и я понимала, что он не может ничем возразить Горгинхану, но в то же время я радовалась, что возвращаюсь домой.

Мы помчались по темным улицам Ханекина, и я помню, как украдкой смотрела на своего дядю. Он был очень сильным, милосердным и храбрым человеком, отцом шестерых детей, и мне тогда казалось, что всё вокруг, живое и неживое, боится моего бесстрашного дядю.

В пути он много разговаривал со мной, рассказывал о своих дочерях и сыновьях и говорил:

– Я никогда ни на кого и ни на что не променяю своих детей. Фарангис, ты тоже мне как родная дочь. Ты должна быть смышленной и находчивой. Если твой отец еще раз придет к тебе со словами об этом замужестве, скажи, что ты никуда не поедешь, и тут же сообщи мне.

– Как ты узнал о том, что меня забрали в Ханекин?

– Твоя бедная мама пришла ко мне и попросила вернуть тебя. Бедняжка чуть не сошла с ума от горя, столько раз она умоляла и заклинала меня, что у меня не оставалось другого выбора...

– Ты устала? – спросил он, когда уже начинало светать. – Давай остановимся здесь на часок и отдохнем?

– Нет, – тут же ответила я. – Я не устала! Поехали дальше.

Мне не хотелось задерживаться даже на минуту и было страшно, что за нами кто-нибудь гонится, чтобы вернуть меня. Я постоянно оборачивалась назад и хотела как можно скорее уехать с чужой земли.

Всю дорогу, что мы с отцом прошли пешком, мы с дядей проскакали на лошади, лишь в одном из селений он слез с нее, чтобы взять у женщин свежего хлеба для меня.

Через некоторое время он предупредил:

– Фарангис, впереди будет дорога, которую нам нужно будет пройти пешком. Там опасно. Если нас увидят иракские солдаты, они нас схватят.

Успешно пройдя то же место, что мы осторожно преодолели с отцом в темноте, дядя обернулся ко мне и, улыбнувшись, сказал:

– Все, Фарангис, мы на нашей земле. Опасность миновала, и теперь нас никто не сможет остановить.

Порой он скакал так быстро, что мне становилось страшно. Дорога, пешком занявшая у нас два полных дня, с Горгинханом закончилась всего лишь за день. По пути домой я вспомнила о платке, который подарила мне

мама, и сильно расстроилась, но, увидев вокруг родные места и подумав о том, что это единственное, что я оставила в чужом месте, я почувствовала себя гораздо лучше. Я радовалась от мысли о том, что увижу своих родных и подруг.

«Я вернулась в свой рай», – думала я, проезжая мимо селения Авезин и горы Чагалванд.

Все в нашем селении, увидев меня верхом на коне позади дяди, стали махать и кричать:

– Фаранг! Фаранг вернулась!

Потом я увидела маму, которая, узнав, что мы приближаемся, в сопровождении моих братьев и сестер в спешке выбежала нам навстречу. Она бежала ко мне и, плача, воздевала руки к небу, дрожа от счастья и благодарности, и, добежав, упала ниц в земном поклоне. Горгинхан победоносно сошел с коня, взяв меня на руки, опустил на землю и сказал все еще плачущей матери:

– Вот и твоя дочка!

Мама встала и поцеловала руку Горгинхану, как некогда крепко обняла меня, приговаривая:

– Руле... Руле... Моя маленькая Руле...

Люди, окружившие нас, смеялись и плакали.

– Хватит! – подбадривал всех дядя. – Что вы все плачете?! Лучше радуйтесь тому, что Фарангис вернулась и больше никуда не уедет. Если кто-то захочет забрать ее в Ирак, клянусь Богом, я убью его.

Все проводили нас домой, люди приходили в гости и поздравляли, а ко мне подходили подружки и наивно и недоумевающе спрашивали:

– Фарангис, ты разве не вышла замуж?

– Нет, – улыбалась я, – я вернулась, чтобы выйти замуж здесь.

– Больше не переживай, – говорил дядя Горгинхан, глядя на маму. – Даже и не думай переживать. Будь счастлива и радуйся, что твой ребенок вернулся домой.

– Клянусь вам, – улыбалась мама в ответ на его слова, – я выдам Фарангис замуж за первого, кто сюда войдет и попросит ее руки. И мне все равно, даже если это будет бедный пастух. Я не попрошу у него ничего в благодарность за то, что мой ребенок будет рядом со мной. Клянусь, я не стану чинить никаких препятствий.

– Как же счастлив тот первый человек, который зайдет в этот дом безо всяких затрат, – смеясь, говорил Горгинхан.

Мама не оставляла меня одну, постоянно обнимала, целовала и расспрашивала обо всем, что произошло за время моего отсутствия. Все те дни, что меня не было, мама не прикоснулась к еде и без конца плакала. Было видно, как сильно она осунулась и исхудала. Из-за переживаний мамы, которая еще не могла полностью успокоиться, дядя Горгинхан гостил у нас дома, сказав, что останется до тех пор, пока не вернется мой отец.

Однажды несколько детей вбежали к нам во двор, крича, что возвращается мой отец. Не успел он войти в дом, как дядя Горгинхан снова встретил его с криками и нравоучениями, они опять схватили друг друга за воротники, а после ссоры отец отправился к себе в комнату. Мама пошла за ним, напоила его, накормила и стала беседовать.

– Клянусь тебе, Фарангис будет счастливее, если она останется здесь, – говорила она. – Я поклялась, что выдам ее замуж за первого, кто придет ее сватать. Мне неважно, кем он окажется, главное, чтобы он был иранцем и жил рядом с нами.

– К ночи, когда папа уже успокоился, соседи приходили к нему и тоже пытались переубедить, а на следующее утро после завтрака дядя Горгинхан посмотрел на родителей и сказал:

– Мои дети ждут меня. Я должен идти. Прошу вас, берегите себя и берегите Фарангис.

Опустив голову, отец держал поводья лошади дяди Горгинхана и тихо сказал ему:

– Клянусь Богом, я тоже не был доволен своим решением. Спасибо тебе за то, что вернул мне дочь. Ты прав... Ты все сделал правильно: правильно говорил и правильно поступил, по делу ударил меня... Спасибо тебе... Да вознаградит тебя Аллах.

Увидев слезы отца, Горгинхан обнял его и, прижав его голову к своей груди, сказал:

– Прости меня за то, что я дал волю своим чувствам. Ты мой брат и очень дорог мне.

Все, кто стоял вокруг, провожая дядю, плакали.

– Брат, – продолжил он, – Фарангис наша дочь, и она должна жить в нашей стране. Береги ее!

И он пустил лошадь галопом, а я вместе с другими детьми радостно побежала вслед за ним. Дядя остановился у шоссе, обернулся и, с любовью посмотрев на меня, сказал:

– Фарангис, береги себя. Да хранит тебя Бог!

Я долго стояла у дороги, глядя вслед дяде. Я смотрела на него, как на ангела, который унес все мои страдания, как на всадника, который мчался, словно ветер.

ГЛАВА 2

Проехав мимо города Гилянгарб в сторону города Касре-Ширин, преодолев расстояние в 20 километров, можно доехать до селения Гурсефид, прозванное так из-за белой почвы, которая распространена в этой местности. А в двух километрах от Гурсефида расположено селение под названием Авезин, в котором я родилась. Мое селение лежит среди холмов и гор, а вокруг него раскинулись большие луга, обширные поля и дубовые рощи.

В городе Гилянгарб проживают представители множества кланов, к которым относится каждая из семей. Всякий, кто захочет представиться, всегда сначала называет свой клан. Род Кальхор, к примеру, насчитывает 32 клана. Моя мама родом из клана Сияхчеле, а отец – Алирезаванди. Мама рассказывала, что слово «кальхор» образовано от слова «каль», что означает «олень», и «хор» – «солнце». Говорят, что с давних времен люди из этого клана, словно молодые лани, могут без труда подниматься вверх по горам.

Я родилась в 1961 году в курдской семье. Когда я спрашивала маму о себе, она всегда в шутку говорила, что я была очень тихой и спокойной, когда родилась, но со временем что-то во мне изменилось, и я стала очень шаловливой и неугомонной непоседой. Порой из-за моего характера она называла меня волчонком.

В тех краях, где мы жили, наличие источника являлось большим преимуществом, и нам очень повезло, что в нашем селении имелся источник Авезин, который был большим благом для всех племен, проживающих в той местности. Сбегая с гор и протекая по нашему селению, этот источник орошал на своем пути луга и поля, поросшие зеленой благоухающей растительностью. В детстве мы очень много играли у этого источника и, беззаботно плескаясь в воде, проводили там уйму времени.

Жители нашего поселения были словно одна большая семья и относились друг к другу как к братьям и сестрам. Несмотря на то, что некоторые среди нас были богаче за счет того, что владели несколькими участками, а некоторые – беднее, большинство все же жили небогато. Наша семья принадлежала к числу бедных, и мы работали на богатых жителей поселения. Материальное положение человека можно было легко определить по одежде, по домашней утвари, продуктам питания и убранству дома. Порой, когда дым очагов соседских домов вместе с запахом домашней еды доносился до нас, мама тут же давала мне кусочек свежего хлеба с айраном или молоком, чтобы мне не захотелось той еды, которую ели наши соседи.

В силу того, что климат в наших краях засушливый, а лето, как правило, выдается очень жарким, большинство жителей занимается сельским хозяйством, а также разведением скота. В те времена отдых людей заключался в ночных беседах вокруг костра. Мужчины сидели отдельно, пили чай и делились новостями за день.

Дома в селении Авезин были построены из глины. Мы сами пекли хлеб и готовили еду по утрам, днем уходили на работу, а вечером, вернувшись усталыми после тяжелого рабочего дня, ужинали при свете старых керосиновых ламп.

В нашей семье, включая меня, было поначалу три сестры и шестеро братьев, однако один из них, Кайюм, скончался, когда я была еще совсем маленькой. Моих братьев звали Рахим, Ибрахим, Джомэ, Саттар и Джаббар, а сестер – Лейла и Сима.

В те времена не у всех детей были документы; к примеру, в нашей семье моим братьям и сестрам уже исполнилось по 5 лет, а у них еще не было свидетельства о рождении. Даже возраст, указанный в наших паспортах, отличался от реального. Несмотря на это, я все же знаю, что Рахим родился в 1959 году, Ибрахим – в 1963, Джомэ – в 1967, Лейла – в 1968, Саттар – в 1970, близняшки Джаббар и Сима – в 1974.

Иногда за свидетельством о рождении отправлялись дяди, и, так как за моим также отправился мой дядя, то я оказалась записана на его фамилию – Хейдарпур. Все остальные мои братья тоже записаны как Хейдарпур, кроме Джаббара и Симы: у них единственных фамилия нашего отца – Селимманеш.

Будучи вторым ребенком в нашей большой семье, я была очень ответственной и боевой старшей сестрой: заступалась за своих братьев и сестер, ухаживала за ними и выполняла за них работу.

Я очень любила отца, а он среди всех своих детей всегда выделял меня и с любовью говорил:

– Фарангис, ты моя поддержка. Ты самая большая моя помощь.

Такие слова отца вселяли в меня большую силу. Порой он даже называл меня своим братом, и, возможно, именно поэтому мои повадки стали слишком мальчишечьими. С самого детства я привыкла называть папу «каке», что в переводе с курдского означает «старший брат», и очень любила просто смотреть на него. У папы была длинная седая борода, которая, казалось, делала еще светлее его белое лицо, он всегда был одет в белую

рубашку и излучал какой-то необъяснимый свет. Отец никогда не брился, говоря, что это запрещено в исламе, он лишь немного укорачивал бороду, взяв маленькое зеркало и ножницы. В эти моменты я очень любила сидеть напротив него и наблюдать за тем, что он делает. А он изредка поглядывал на меня и говорил: «Мой брат!». Как я гордилась этим словом и как хотела, чтобы он называл меня так как можно чаще!

С детства я смеялась в лицо опасности и была очень боевой, из-за чего дети частенько брали с собой на разборки именно меня.

Недалеко от нашего дома располагалось местное кладбище, рядом с которым мы порой играли. Многие дети боялись туда ходить, но я брала их с собой, отводила на кладбище и, удобно усадив, рассказывала разные истории, которые узнавала от взрослых. Порой, видя, как они начинают пугаться, я раззадоривалась и принималась подшучивать над ними.

Однажды, найдя на полу череп какого-то животного, я решила напугать детвору и, проведя их к кладбищу, самым серьезным тоном предупредила:

– Послушайте меня внимательно! Никто сейчас не должен оборачиваться! За вами идет душа мертвеца.

Мальчишки оцепенели от ужаса, очень испугавшись моих слов, но, не выдержав, обернулись назад и увидели череп. Их охватила такая паника, что некоторые бросились искать укрытие, а другие дрожали от шока, как листочки на ветке дерева, не в состоянии сделать хоть шаг. Увидев, как они испугались, я поспешила крикнуть:

– Ребята! Не бойтесь, это просто череп какого-то трупа.

Но что бы я ни говорила, я никак не могла их успокоить и решила их быстро оттуда увести.

– А ты не боишься, Руле? – спросили меня дети, увидев мое спокойное и хладнокровное лицо.

– Нет, конечно, – наотрез отвечала я. – Чего мне бояться? Что мне может сделать этот череп?

– Сегодня ночью он тебе приснится и заберет тебя с собой.

– Ты думаешь, я боюсь? Я ведь ничего такого не сделала и готова хоть ночью прийти сюда и ждать.

Услышав меня, дети, казалось, испугались еще сильнее.

На следующее утро я узнала, что некоторые дети ночью обмочили постель и один из мальчиков, боясь, что об этом узнает мама, оставил постель незаправленной, чтобы все высохло.

У большинства моих подружек были свои куклы, которых они приносили с собой и с которыми играли рядом с нами. Я всегда смотрела на то, как они мило играют, и тоже очень хотела, чтобы у меня была своя такая же. Однажды одна из девочек сказала мне:

– Пойдем, я помогу тебе сделать такую же куклу, Фарангис.

– Но я не умею. Ты сможешь сделать мне такую же? – радостно спросила я, посмотрев на ее куклу.

– Конечно, смогу! Принеси мне несколько деревянных палочек и немного материи.

Торопливо побежав домой, я быстро взяла куски материи, которые оставались от одежды моей матери, несколько деревянных прутьев и принесла их подруге. Мы стали мастерить, заложив в основание самую прочную палочку, а из остальных сделали руки, соединяя все элементы нитками. Я сшила платье из кусочков ткани, а затем углем нарисовала своей кукле черные глаза и брови, так нам казалось красивее. Надев на нее платочек, я не могла нарадоваться нашему творению.

– Теперь и у меня есть кукла! – восторгалась я, обнимая ее.

– А как ты ее назовешь?

– Ее зовут... Дочка.

– Дочка? – громко засмеялись девочки.

– Да, – невозмутимо ответила я. – И это очень даже красивое имя!

Я не знаю, почему я так ее назвала, но, сколько бы меня ни просили поменять имя куклы, я наотрез отказывалась и говорила:

– Нет! Ее зовут Дочка!

Я испытывала необычные материнские чувства по отношению к своей кукле, читала ей детские стихи и ухаживала, носила ее с собой, куда бы ни шла, и в обнимку с ней ложилась спать.

Зимой мы оставались у себя дома, но при наступлении весны раскидывали черную палатку на вершине холма и жили в ней. Я очень любила это время, так как в палатке я не ощущала себя в четырех стенах и думала, что все поле – это наш дом. Мне доставляло огромное удовольствие прогуливаться по степям и лугам и играть там с детьми. Два месяца проживая в палатке недалеко от нашего дома, нам было легче заботиться о нашем скоте, потому что так мы находились ближе к стаду. Бывало и такое, что в это время количество наших овец достигало пятидесяти голов.

Прежде чем установить палатку, мы выравнивали землю, убирали все ненужные камни, выкапывали вокруг нее яму, в которую затем собиралась вода во время дождя. Таким образом мы оберегали нашу палатку от затопления. Углы палатки мы прибивали кольями к земле и завязывали прочными веревками, затем, установив несколько труб в качестве опоры, дружно поднимали палатку под совместные выкрики салаватов. Мне нравилось смотреть на эту палатку и думать, что она живая.

Оградив наше убежище, мы приступали к перенесению всех домашних вещей и принадлежностей. В течение дня наши постели оставались сложенными

большими стопками, а по вечерам мама аккуратно и заботливо их раскрывала. Было и несколько свертков с новым и ярким постельным бельем, которые нам, конечно, запрещено было открывать, так как они предназначались для гостей. Наша постель была не так красива и поэтому вызывала большое желание поспать на новом.

Порой дети наших родственников приходили ночевать к нам в палатку, но нам тогда было совсем не до сна. Мы любили залезать под одеяло и дурачиться, а мама постоянно делала нам замечания:

– Спите, девочки. Что вы там так долго обсуждаете? Прекратите.

Но мы ничего не могли поделать с собой и продолжали веселиться и смеяться. Даже неожиданно увиденный таракан становился причиной безудержного смеха.

– Вы о чем там говорите? О замужестве, что ли?!

После этого маминого вопроса нам становилось стыдно, и мы старались молчать.

В нашей палатке мы всегда хранили в бурдюке из обработанной овечьей шкуры чистую горную воду, которая в нем постоянно оставалась прохладной. Мне очень нравилось пить эту вкуснейшую воду, а мама просила не прикасаться к бурдюку губами.

– Фарангис, возьми обязательно стакан и пей из него, а не то заболеешь, – говорила она.

Порой я сама вела овец на пастбище, а пока они паслись, собирала цветы на лугу. Мы доили молоко и делали из него масло и сыр, и в этом деле, несмотря на свой юный возраст, я была лучшей. Видя мою ловкость и умелость, мама даже доверяла мне приготовление кислого молока.

Я также очень любила печь хлеб. Пока мама возилась с тестом, мы занимались сбором хвороста и разжиганием костра. А затем под надзором мамы раскатывали

тесто и готовили на железном противне над костром неповторимо ароматные лепешки, которые были нашей самой любимой едой, а от их запаха я получала особое удовольствие. Первую лепешку мы тут же забирали с противня, еще горячую разрезали и с огромным удовольствием и наслаждением смаковали.

– Не торопитесь вы так, – предупреждала нас мама, видя, как горят наши языки от обжигающего хлеба. – Как будто вы его вечность не ели! Что вы на него так ринулись! Дайте остыть.

Наевшись, мы начинали играть с тестом, лепя из него разные фигурки. Бог знает, сколько раз это тесто переходило из рук в руки, так что становилось темным, но мы все равно пекли его на костре, а затем с особым удовольствием съедали.

В нашем селении не хватало врачей и медсестер, поэтому была велика детская смертность. Первой смертью, которую мне пришлось увидеть, была смерть моего старшего пятнадцатилетнего брата Кайюма, которого я очень любила. Однажды вечером, услышав горький плач мамы, стоявшей в окружении наших родственников, я с беспокойством спросила:

– Что случилось, мама?

– Руле, Руле!! – стала кричать она, ударяя себя по голове.

Я не хотела верить в то, что мой брат, который давно уже болел, скончался. Меня не пускали в комнату, и всё, что мне оставалось, – это с разрывающимся от одиночества сердцем в молчании отправиться на крыльцо дома и сидеть там. На моих глазах вынесли тело моего брата, чтобы похоронить его, а я еле стояла с помутневшим взглядом и ватными ногами, готовая упасть в обморок от мысли, что так неожиданно и скоро мы лишились одного из членов нашей семьи. Обернувшись, я увидела Ибрагима, который сидел один на лестнице и горько

плакал; я поспешила к нему, обняла, и, прислонившись друг к другу головами, мы долго сидели и плакали. Увидев нас издалека, жена моего дяди громко расплакалась и увела нас к себе домой. Она налила нам чая и позаботилась о нас в тот тяжелый момент. Она поддерживала нас, кормила хлебом с маслом и успокаивала.

Смерть брата крайне потрясла меня.

– Что мне делать, тетя? – спрашивала я. – Теперь... когда не стало моего родного брата, которого я так люблю...

Впервые я столкнулась со смертью кого-то из своих близких родственников и долго не могла понять, почему это произошло именно с нами.

Я очень скучала по брату и долго по нему плакала...

* * *

Как я уже говорила, мы выросли в бедной семье и поэтому привыкли мало есть и просто одеваться, порой испытывая чувство зависти при виде убранства соседских домов.

Папа всегда очень много работал. Он был наемным работником, которого приглашали для сельскохозяйственных работ и возделывания земель. Мне было семь или восемь лет, когда однажды мама сказала ему:

– У нас нет денег, чтобы хоть что-то купить.

– Что делать, жена? – измученно ответил отец, присев на стул. – Ты знаешь, что мы с Рахимом работаем на износ на чужих землях и зарабатываем столько, сколько нам дают. Если бы мы возделывали свой собственный участок, все могло бы быть совсем иначе.

При виде переживаний отца мне стало очень плохо.

– Папа, я тоже могу работать! – поспешила я поддержать его.

– Фарангис, – ответил он, улыбнувшись. – Ты еще совсем маленькая, и тебе рано работать.

– Позволь мне пойти с тобой на работу, – настаивала я. – Клянусь, я буду стараться и хорошо выполнять свое дело.

– Нет, Фарангис, – ответил он, покачав головой, и вышел из комнаты.

Рано утром, услышав призыв на молитву из расположенной неподалеку мечети, отец совершил намаз, сел возле самовара и налил себе чай. Я тоже встала с постели и молча села рядом с ним. Затем, когда он вышел из дома и отправился на работу, я, стараясь не издавать ни единого звука, тихим шагом направилась за ним. Пройдя немного, отец словно что-то почувствовал и обернулся.

– Руле! – удивленно сказал он. – Что ты здесь делаешь? Почему ты идешь за мной?

– Клянусь, я буду очень хорошо работать и, если устану, вернусь домой.

– Ты же еще так мала, – нежно ответил он, глядя меня по голове. – Хорошо... Пойдем со мной, если хочешь, но, когда устанешь, обязательно скажи мне.

Вот так я начала работать. Еще совсем маленькая, но храбрая, я старалась выполнять работу не хуже взрослых и так, чтобы мне не было за нее стыдно. Часто я очень уставала, пряталась среди пшеничных колосьев, которые были выше моего роста, и делала передышку, говоря себе:

– Постыдись, Фарангис! Папе нужна помощь. Будь как эти мужчины. Соberись!

Казалось, что солнце с каждым днем обжигает все сильнее и сильнее, так что я вся была мокрой от пота, и облегчение приходило лишь к вечеру, когда становилось прохладнее и я получала свою зарплату. Первые дни мне было очень трудно, но потом я приноровилась и стала мочить в воде платок и повязывать его на голову, чтобы она оставалась прохладной во время палящего зноя. Папа время от времени смотрел на меня и проверял, всё ли в порядке.

Первые дни мне было страшно смотреть на свое иссушенное лицо и руки, покрытые мозолями и болячками. Порой кожа сходила у меня с ладоней, мне становилось невыносимо больно, и я вынуждена была просить маму смазать мне руки животным жиром.

Однажды вечером, когда я пришла домой, мама приготовила для меня в блюде хну, сказав, что она излечит раны на моих руках. Опустив руки в хну, я почувствовала жжение, но постепенно после нескольких таких процедур кожа стала отшелушиваться и становиться здоровее. Со временем мои руки стали крупнее, а кожа на лице – смуглее.

Возвращаясь с работ на поле, я прыгала вокруг отца, разговаривала с ним, а папа брал мои ручки, трогательно ласкал их и целовал. Только тогда я осознала, как отличаются мои нежные руки от его иссушенных и больших рук, за столько лет огрубевших от тяжелой работы. В те моменты я забывала о своей боли и стыдилась самой себя.

– Мой брат... – говорил мне отец, задумчиво наблюдая за тем, как я иду рядом с ним.

Порой по вечерам, когда я видела, что после работы нас с отцом ожидает на ужин один лишь хлеб, мне становилось еще хуже. В такие дни я, молча откусив немного хлеба и съев кусочек сахара, обессиленная, засыпала на деревянной кушетке, не сумев добраться до своей постели.

Я понимала, как сильно переживает отец из-за нашей бедности, но, когда он видел, что я не придаю этому особого значения, ему становилось легче. Порой по ночам он рассказывал мне интересные истории о честных и справедливых людях, на которых необходимо равняться. Герои этих рассказов были полны доблести и смелости, они никогда не рассказывали никому о своих трудностях и с гордостью и величием справлялись со всем сами, не рассчитывая на снисхождение.

Во время жатвы мы собирали колосья в большие снопы, а затем, перевязав, взваливали на спину и тащили к началу трассы, где было место сбора всего урожая. Так как я была довольно сильной девочкой, мне удавалось брать на себя достаточно большой груз, порой неся его то на голове, то на спине.

Сначала отец не давал мне нести большие снопы, а я все время просила его:

– Папа, давай же! Дай мне еще!

– Нет, Руле. Уже слишком тяжело!

– Смотри же, – задорно смеялась я в ответ на его слова. – Я смогу взять еще! Мне не тяжело!

Видя, как я легко передвигалась с немалым грузом на спине, папа очень удивлялся, а я кричала ему:

– Видишь! В следующий раз можешь положить мне и на голову! Я смогу!

В день с утра до вечера я переносила около ста снопов, затем весь собранный у трассы урожай мы отбивали, чтобы отделить пшеницу от сора и соломы. После этой работы мы собирали очищенную пшеницу в мешки и зашивали. Видя, как я работаю, отец, смеясь, кричал мне:

– Фарангис, это не ты боишься работы, а она – тебя!

Следующим этапом была промывка пшеницы. Для этого мы первым делом устанавливали две палатки, служившие навесом над нашими головами, а затем высыпали по очереди пшеницу в большие тазы. Тщательно промыв зерно, мы высыпали его на ткань, расстеленную на земле, чтобы пшеница высохла под лучами солнца. После этого мы везли зерно к мельнице, чтобы его смолоть. Я сидела возле нее и, насыпая сверху пшеницу, внизу придерживала мешок, следя за тем, чтобы мука не высыпалась по полу.

Я выросла в трудностях и хотя была очень активным ребенком, не отличалась болтливостью и не была

избалована. Одежда нам не покупалась даже раз в год, поэтому на мне всегда были старые вещи, покрытые заплатками, которых было так много, что казалось, будто вся одежда состоит из маленьких лоскутов, а не из цельной ткани. А изношенные резиновые сандалии, которые время от времени рвались, я сама научилась зашивать и чинить.

Постепенно работу по дому я научилась выполнять в одиночку. Я сама месила тесто, готовила хлеб, выводила стадо коров и овец на пастбище, сеяла семена, полола сорняки и собирала урожай.

Я занималась любым делом и очень часто сама отправлялась к горе за хворостом, чтобы разжечь костер. Местность, где мы жили, изобиловала небольшими кустарниками и деревьями, к которым я отправлялась со своим любимым острым топором, чтобы нарубить хвороста. Я ловко отделяла сухие ветки деревьев и сильным взмахом руки разрубала их, получая особое удовольствие от эха ударов моего топора о дерево, раздававшегося вокруг и, казалось, отражавшегося от гор, расположенных рядом. Нарубив достаточно хвороста, я собирала его в одну большую связку и, завязав прочной веревкой, со словами «йа Али» взваливала на спину и несла домой. Дойдя до селения, я чувствовала, как начинает прерываться мое учащенное дыхание, и лишь видя удивленные лица людей вокруг, понимала, что несу слишком много груза. Видя меня в таком состоянии и встречая перед домом, мама воздевала руки к небу и говорила:

– Боже! Хвала тебе! Дитя, ты лучше ста мальчиков! Господи, благодарю Тебя за эту девочку!

Иногда мы ходили собирать хлопок в селение Гурсефид, где до самого вечера, перевязав большим платком поясницу, я работала вместе со всеми. По маленьким щепоткам к концу дня у меня набирался целый мешок хлопка. Я не чуралась никакой мужской работы и ездила

собирает урожай овощей, за что получала ежедневную зарплату, и уставшая, но радостная возвращалась домой. Иногда люди, которые нанимали меня на день, позволяли в течение дня съесть что-то из их урожая, и я с радостью во время работы, даже не помыв эти овощи, утоляла голод.

Весна была временем заметного увеличения божественной благодати, поля и горы покрывались растительностью, и я часто отправлялась к подножию Чагалванда, чтобы собрать что-то для дома. Каждый раз я возвращалась с большими мешками зелени, которой хватало нам в пищу на несколько дней. Природа весной позволяла нам питаться своими дарами совершенно бесплатно, поэтому мы особенно любили это время года.

Однажды в полдень, когда я была занята сбором зелени для дома, меня окликнула мама:

– Фаранг, иди сюда скорее! Посмотри, скоро наша овечка родит ягненка!

Я торопливо прибежала на голос мамы и увидела, как родители вдвоем помогают нашей овечке разродиться. Через некоторое время на свет появился маленький и неуклюжий большеглазый ягненок, который едва стоял на ножках. Я так обрадовалась появлению такого чудесного сюрприза, что хотела побыстрее взять его на руки и, не удержавшись, попросила отца:

– Папа, пожалуйста, можно он будет моим?

– Хочешь его?

– Да, пожалуйста, дай его мне.

– Хорошо, – рассмеявшись, сказал папа. – Он твой.

– Как это? – удивилась мама. – Теперь ягненок будет принадлежать ей?

– Да, в этом нет ничего страшного. Теперь он будет ягненком Фарангис.

Я очень полюбила своего ягненка. Вся моя одежда всегда пахла моим новым другом, так как я постоянно

обнимала его, бегала с ним и умилялась, хлопая в ладоши, когда он резво и задорно прыгал вокруг меня. Кярхаль, так мы прозвали его из-за того, что у него не было рогов, был очень шустрым и игривым. Даже издали услышав мой голос, он всегда спешил ко мне навстречу.

Со временем мой ягненок вырос и превратился в красивого и сильного барашка, но он никогда не переставал ходить за мной, и мы всё так же были привязаны друг к другу.

Однажды, заметив странный взгляд отца, сильно меня напугавший, я спросила:

– Папа... Ты ведь не думаешь о том, чтобы зарезать Кярхалья?

– Фарангис, – как бы медля, начал он, – а ты разрешаешь его зарезать?

– Нет! – в ужасе вскрикнула я. – Его нельзя резать!

Папа в ответ покачал головой, но ничего больше не ответил.

В другой день он подошел ко мне и сказал:

– Фаранг, твоя одежда уже совсем износилась. Цветочки на платье совсем выцвели и стали какими-то почерневшими. Давай мы продадим Кярхалья и купим тебе новую одежду.

Посмотрев на свою изношенную одежду, а затем на Кярхалья, я согласилась, так как понимала, что, если откажусь, его все равно когда-нибудь зарежут. Мне очень не хотелось продавать его, но это было лучше, чем видеть своими глазами, как его режут.

В день, когда папа решил забрать Кярхалья на базар, я убежала из дома, чтобы не видеть, как его уводят от меня, прибежала к горе и, сидя у ручья, не сдерживаясь, горько плакала. Перед тем как вернуться домой, я умылась речной водой, чтобы никто не понял, что я долго проливали слезы, и медленным шагом начала спускаться с горы.

Я сидела на крыльце дома, когда вечером вернулся папа с пакетами одежды для меня.

– Это все твое, милая, – сказал он, протягивая мне купленные вещи.

Уже давно мне не покупали одежду, и, увидев новенькие традиционные курдские платья в яркий и красивый цветочек, я обрадовалась, хотя все еще скучала по своему Кярхалю.

* * *

Были времена, когда хищные звери особенно близко подбирались к нашему селению. Однажды я сидела и взбивала шерсть недалеко от дома, как вдруг заметила что-то, медленно крадущееся в мою сторону. Приглядевшись, я поняла, что это волк, и принялась громко кричать:

– Волк! Волк!

Но сначала никто, казалось, не поверил мне.

– Вот он! Впереди! Идет в нашу сторону! – кричала я, указывая в направлении волка.

Голодный хищник направлялся к стаду, которое паслось неподалеку от нас.

– Быстрее!! Он идет к стаду!

Наконец, заметив всё быстрее приближающегося к овцам волка, взрослые взяли в руки палки и камни и побежали к стаду, а я кинулась следом. Единственное, что я схватила с собой в тот момент, была шерсть, которую я так и не бросила. Волк к этому времени напал на одну из овец и попытался тащить ее за собой, но не мог быстро бежать от нашей погони с добычей в зубах, поэтому оставил ее и помчался вглубь леса. Подбежав к раненой овечке, мы увидели следы клыков на ее шее. Бедняжка испуганно и неподвижно лежала в траве и бляла.

– Похоже, придется убить бедное животное, чтобы оно так не мучилось, – сказал кто-то из подбежавшей толпы.

Но не успели мы подумать о плохом, как овца сама подпрыгнула и встала на ноги, как будто что-то стряхивая с себя.

– Я побегу за лекарством! – крикнула, обрадовавшись, одна из наших односельчанок.

Пока она ходила за лекарством, овца поспешила к своему стаду, но вскоре мужчины уложили ее на землю и аккуратно смазали следы волчьих укусов.

Через пару дней раненая овечка полностью оправилась, а соседи вокруг нахваливали меня:

– Молодец, девочка! Ты раньше всех увидела волка.

Тогда-то моя мама впервые и сказала:

– Фарангис, ты сама как волчица. Совсем ничего не боишься! Разве бывают такие дети, которые так бесстрашно с голыми руками бегут навстречу волку? Ты хотела убить его клочком шерсти, который был у тебя в руках? Ты, похоже, даже не представляешь себе, какое это опасное животное?! О чем ты только думала?

– Поверь, если бы я добралась до волка, я бы и вправду голыми руками задушила его.

– Боже! – не выдержав, рассмеялась мама. – Что это за девочка?!

ГЛАВА 3

В 1979 году, незадолго до революции, о которой до нас доносились лишь слухи, погиб дядя Горгинхан. Говорили, что его сразила пуля, и я не могла поверить, что моего великого дяди, человека, которым восхищались все кланы, больше нет в живых и мы даже не знаем, кто его убил.

Дядю похоронили на кладбище Милил, находившемся на территории, которую населял клан моего отца. Там всегда хоронили наших родственников по отцовской линии. Приближаясь к дому дяди, куда мы поспешили всей семьей, получив эту страшную весть, мы слышали крики и плач женщин и мужчин. У дома собралось очень много людей, которые оплакивали эту всеобщую потерю.

В тот день я много плакала и думала о том, как однажды он спас мне жизнь...

* * *

Четыре года прошло с тех пор, как дядя Горгинхан спас меня от ужасной участи, и мне уже исполнилось 14 лет, когда к нам вновь пришли свататься, о чем я услышала от мамы. Когда она рассказала мне об этом, я поняла, что скоро встречу со своим будущим мужем, так как помнила о клятве, данной ею когда-то. Маме было неважно, кем будет жених: богатым или бедным, старым или молодым, главным было то, чтобы он был иранцем.

В день, когда к нам должна была прийти семья будущего жениха, мама сказала мне:

– Иди скорее к себе в комнату и не выходи! Нехорошо девушке в это время бродить по дому, а то люди подумают, что тебе не терпится выйти замуж. У нас есть традиция, согласно которой невесту не должны видеть.

– Мама, они идут! – вбежала в комнату запыхавшаяся Лейла.

Услышав ее слова, я торопливо накинула на голову платок и спряталась в маленькой каморке, где мы обычно хранили матрасы и постельные принадлежности. Лейла время от времени заходила ко мне и рассказывала, что происходит в доме, а я из любопытства время от времени выглядывала из окна и наблюдала за обувью перед нашим домом, которой становилось все больше и больше. Пришло очень много людей, среди которых были и мужчины, и женщины, и немного детей.

Мои братья и сестры были рядом со мной, смеялись и дурачились.

– Фаранг, – шаловливо хихикали они, – а теперь тебе хочется замуж? Ты и вправду хочешь стать невестой?

Я лишь слегка ударяла их и говорила:

– Тише! Вас же могут услышать!

Я спрашивала у Лейлы о человеке, который захотел меня засватать, но по ее странному детскому описанию так и не поняла, кто он такой и как выглядит.

Когда все гости пришли, мама еще раз напомнила о своем обещании, данном Господу. Она сказала:

– Я пообещала, что выдам дочь без свадьбы и всяких подарков. Мы ничего не хотим.

– Что это за обещание? – удивился один из пришедших гостей. – Разве ты не думала о том, кто придет сватать вашу дочку.

– Ну, теперь же я знаю, что это хороший человек. – улыбнулась она. – Алимардан – тихий и сдержанный человек, который стремится к хорошей жизни.

Мне очень понравилось имя моего будущего мужа, так как я всегда любила имя Али.

Когда гости ушли, мы собрались все вместе. Лицо отца было грустным и будто бы осунувшимся, при взгляде на него у меня сжалось сердце, а в глазах появились слезы при мысли о том, что мне придется уйти из отцовского дома.

– Ты плачешь, Фаранг? – спросила удивленно мама, увидев мои глаза. – Ты должна радоваться, потому что твой жених из селения Гурсефид, до которого нам всего лишь несколько шагов. Ты ведь сможешь каждый день приходить к нам и навещать.

Я тут же согласилась с мамой, поняв, что она права.

Алимардан был на 10 лет старше меня. От Гурсефида до Авезина было всего два километра, и я могла спокойно передвигаться между ними и благодарила Бога за то, что буду жить совсем рядом с родителями.

Через несколько дней около двадцати членов семьи жениха подарили мне красивое красное платье. Гахраман и Гиймат, родные брат и сестра Алимардана, пришли к нам домой в числе прочих родственников. Меня одели в новую одежду, накрыли традиционной красной фатой и подарили кольцо, которое стало моим самым первым кольцом в жизни. В тот момент я чувствовала, как полыхает мое лицо от стыда, а сердце безудержно бьется в груди. Мне не верилось, что все это происходит со мной и я скоро выйду замуж.

Когда меня забирали, папа стоял за окном и молча плакал. В тот момент мне было очень плохо, и я тоже плакала, думая о том, что отдаляюсь от отчего дома, и одновременно успокаивала себя: ведь я буду жить совсем недалеко от своей семьи и смогу их часто навещать.

Мы начали наш путь из Авезина в Гурсефид пешком. Я шла в сопровождении двух наших родственниц, опустив голову и пытаюсь как-то унять свое учащенное дыхание и безудержное биение сердца, которое, казалось, вот-вот вырвется у меня из груди. Та дорога была мне известна до мельчайших деталей, я знала каждый ее камешек, все кукурузные и пшеничные поля, но в тот день эти места представлялись абсолютно новыми для меня, а дорога казалась длиннее обычного. Гурсефид показался мне самым отдаленным местом в мире.

Поскольку мама дала обещание не устраивать для меня пышных мероприятий, привычных свадебных церемоний на протяжении всего дня не было. Добравшись до места, которое должно было стать мне новым домом, я впервые встретила Алимардана, своего мужа. Во время заключения шариатского брака мулла посмотрел на меня и спросил:

– Согласна ли ты выйти замуж за Алимардана?

– Да, – ответила я, обернувшись и посмотрев на своего жениха. В тот момент его спокойный и уравновешенный вид вселил успокоение и в мое беспокойное сердце. При взгляде на него я почувствовала себя в безопасности и ощутила какое-то необычное чувство, которого никогда прежде не испытывала.

Я стала думать о том, что теперь у меня будет свой собственный дом с несколькими комнатами.

В первый день Алимардан подошел ко мне и присел рядом.

– Фарангис, – начал он и улыбнулся, заметив, как сильно я засмушалась, – Я хочу, чтобы у тебя было всё.

– Нам не нужно всё, нам главное – иметь лишь что-то, чтобы хватало на жизнь.

– Фарангис, я выбрал тебя, потому что знаю, что ты принесешь мне величие и честь, а это для меня важнее

всего в этом мире. Если у меня есть ты, значит, у меня есть всё.

Слова Алимардана дали мне надежду и вселили уверенность. От его неожиданной и трогательной похвалы я почувствовала, как резко запыльхали мои уши и лицо.

– У меня не очень хорошее материальное положение, так как я работаю на землях других людей...

– Хорошо, – улыбнулась я, – для меня это не проблема. Точно так же, как и ты, я работала на землевладельцев.

– Здесь ты не обязана ничего делать. Я сам буду выполнять всю работу.

– Если ты будешь работать один, нам будет тяжело жить. Разве эта работа по найму на других людей приносит большой доход?

Оглядев комнату вокруг себя, я поняла, что помещение, в котором мы находились, не сильно отличалось от того места, откуда я пришла. Недостаток утвари и необходимых вещей давали мне понять, что работы предстоит много, нужно взять хозяйство на себя и помогать мужу. Я была готова ко всему, так как уже научилась многому в отцовском доме.

– Я тоже буду работать, чтобы мы могли благополучно обустроить свою жизнь.

С третьего дня после нашей свадьбы я начала работать вместе с Алимарданом на сельскохозяйственных земельных участках. В отличие от отцовского дома, где я выполняла только часть дел, сейчас вся работа по дому лежала лишь на моих плечах, и ее стало больше, чем обычно, но я понимала, что мне тоже нужно зарабатывать деньги, иначе по вечерам нам было бы нечего есть. Даже в новой семье мне предстояло играть роль мужчины.

Гахраман, брат мужа, работавший кузнецом и слесарем, вместе со своей женой Рейхане жил в одном дворе

с нами. В одной комнате проживали они, а в другой располагался небольшой магазинчик, принадлежавший Гахраману. Там можно было найти все, начиная от всяких гаек и болтов и заканчивая различными инструментами. Деятельный и талантливый Гахраман сам мог чинить многие вещи и занимался даже ружьями.

– Гахраман, ты можешь меня тоже научить всему тому, что умеешь? – спросила я у него однажды.

– Фарангис, это ведь мужское дело, – ухмыльнулся он в ответ. – Это не работа для девочек. Я делаю ружья и пистолеты. Это тяжелая работа кузнеца с твердой рукой.

– Но я тоже очень хочу научиться, – настаивала я.

– Хорошо, – сдался он, перестав отбивать раскаленные на костре лошадиные подковы. – Если хочешь научиться, время от времени заходи ко мне, и я буду учить тебя.

С тех пор каждый день после работы я ходила в мастерскую к Гахраману и стала его помощником.

– А из тебя вышла неплохая ученица, – смеялся Алимардан, глядя на меня за работой. – Ты очень быстро учишься.

Я помогала Гахраману делать ружья и подавала ему все необходимые инструменты. Порой он был настолько занят работой, что даже не поднимал головы. Я завороженно и терпеливо наблюдала за тем, как он мастерски и деликатно работает над рукояткой или стволом ружья, и тоже очень хотела научиться делать все сама, но чаще всего мне доверялась работа над деревянной рукоятью, которую необходимо было тщательно отшкурить.

Поскольку Гахраман был еще и охотником, он использовал свои изобретения во время охоты.

Однажды во время нашей работы в мастерской к нам зашел мой отец и, увидев Гахрамана за делом, сказал:

– Гахраман, у меня есть к тебе одна просьба. Можешь сделать для меня остро наточенный топор? Он мне нужен для сбора хвороста.

– Конечно! – не задумываясь ответил он. – Твоя дочь уже многое умеет, поэтому этот топор мы сделаем вместе.

Работа над топором началась в тот же день и продолжалась довольно долго. Сначала Гахраман взял кусок бесформенного железа, который накалил на костре, а затем стал, отбивая специальным молотом, придавать характерную для топора форму. При этом я видела, что особое внимание он уделял тому, чтобы топор был остро наточен. Затем Гахраман взял кусок дерева и выточил из него гладкую рукоять.

– Смотри, Фарангис, – гордо позвал он меня, закончив работу, – смотри, какой топор я сделал для твоего отца. Он сможет рубить им не только хворост. Как тебе?

– Очень хороший, – сказала я, вертя топор в руках. – Он действительно очень острый. Было бы хорошо, если бы такой топор был и у нас.

– Какая разница, у кого он останется, – улыбнулся Гахраман. – Будете пользоваться вместе с отцом.

Через несколько дней, когда к нам еще раз зашел отец, Гахраман вручил ему новый топор и сказал:

– Вот, возьмите! Ваш топор готов. Теперь вы сможете рубить им деревья и все, что угодно.

– Этот топор больше нужен Фарангис, – ответил отец, посмотрев на меня. – Ты ведь все еще помогаешь нам с хозяйством.

– Папа, я до конца своей жизни буду служить тебе. Ты мой свет.

Каждый раз, когда отец приезжал навестить меня, я провожала его домой и проходила с ним половину пути. Мне это было совсем не в тягость, и к тому же мысль о том, что этим я делаю ему приятное, доставляла мне

особое удовольствие. На этот раз я также вышла с папой в путь и вдобавок радовалась тому, что теперь он получил новый и долгожданный острый топор. Я несла топор сама, не позволяя уже изрядно поседевшему и уставшему отцу делать это за меня.

В середине нашего пути он сказал:

– Руле, всё! Давай мне топор и возвращайся скорее домой. Опять ты себя утруждаешь и проходишь столько пути со мной.

Я протянула топор отцу и, попрощавшись с ним, как обычно, села на скалу, наблюдая, как он медленно исчезает из виду. Когда я повернула домой, начало вечереть.

«Как же этот мир скоротечен... – размышляла я. – Раньше мы с отцом шли вместе, а теперь я иду в одну сторону, а он – в другую...».

Благодаря тому, что наши селения находились недалеко друг от друга, мне удавалось довольно часто навещать свою семью и следить за тем, чтобы братья и сестры ни в чем не нуждались. Рахим и Ибрахим стали к тому времени взрослыми юношами, но остальные были еще маленькими и нуждались во внимании. Когда я вышла замуж, Рахиму было 16 лет, Ибрахиму – 12, Джомэ – 8, Лейле – 7, Саттару – 5 лет, а Джаббару и Симе только-только исполнился год.

Я выполняла некоторые дела по хозяйству в отчем доме, ходила на работу к отцу и помогала ему там, а затем возвращалась к себе домой заниматься своими собственными делами.

Через некоторое время после замужества я забеременела два раза, но оба раза беременность прерывалась. Казалось, мне еще рано было становиться матерью, хотя мне очень хотелось, чтобы у нас появился ребенок. Все, что мне тогда оставалось, – это набраться терпения и ждать.

Рахим и Ибрахим часто приходили домой и рассказывали о революции, которая произошла в стране. Они говорили о человеке с высшим религиозным образованием, вставшем на путь борьбы с властью шаха, а отец в ответ лишь предостерегал их, чтобы в городе они были внимательны и не совершали опрометчивых поступков.

– Вот увидите, – с пылающими от надежды глазами говорили они, – все изменится, когда к власти придет имам. Жизнь станет намного лучше!

Мы не могли не верить их словам и тоже очень радовались, каждый день слыша от них новые истории из города. Мы все стали верить в то, что нищета и все беды покинут нашу страну навсегда, когда придет долгожданный имам.

В те времена Гилянгарб представлял собой маленький городок, но даже там разнесшаяся весть о победе имама взбудоражила всех жителей. Люди выходили на улицы с фотографиями лидера революции и радостно кричали со своих тракторов.

ГЛАВА 4

С самого начала образования Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) Ибрахим и Рахим решили вступить в его ряды. Видя их в полном обмундировании и с ружьями в руках, я часто ловила себя на мысли, что хотела бы быть на их месте, и искренне считала, что им очень повезло.

В 1980 году, когда мне исполнилось 19 лет, я работала на землях по найму и в конце лета, завершив сбор урожая, готовилась вместе с односельчанами к осени. Порой до нас доносились слухи о том, что Саддам Хусейн со своими войсками планирует напасть на наши земли.

Двадцатиоднолетний Рахим и шестнадцатилетний Ибрахим в это время отправились на курсы по военной подготовке. Они оба, как, впрочем, и все остальные члены нашей семьи, были рослыми, сильными юношами, очень похожими друг на друга даже поведением и характером. Все еще надевая курдские костюмы, они часто приходили к нам домой в каком-то подавленном и удрученном состоянии и рассказывали о войне, невольно беспокоя этими разговорами маму.

– Поменьше гуляйте в ненужных местах, мальчики, – тревожилась она. – Я очень боюсь, что с вами может что-то случиться.

– Почему начинается эта война? – спрашивала я у братьев, видя их состояние. – Что мы такого сделали?

– Иракские войска планируют напасть на нас со стороны Касре-Ширин, – объяснял Рахим, который хорошо разбирался в военной тематике.

– Будьте осторожны, пожалуйста, – всерьез забеспокоилась я.

– Неужели ты думаешь, что мы умрем и позволим этим захватчикам отобрать у нас наши земли?

Взрывы, которые происходили в городе Касре-Ширин, располагавшемся недалеко от Гилянгарба, часто доносились до нас и вызывали очень большие опасения среди местного населения.

С тех пор единственной темой, которую обсуждали вокруг, были война и бомбежки. Мы постоянно видели потоки людей, которые с самыми необходимыми вещами в руках бежали из Касре-Ширин в Гилянгарб, проходя мимо нашего селения Гурсефид, которое располагается между этими двумя городами.

– Мы что, совсем потеряли честь?! – кричали мужчины. – Как мы можем так спокойно сидеть и смотреть на то, как иракцы забирают наши земли прямо у нас из-под носа?!

Однажды я увидела очень уставших и сильно испуганных людей, одежда которых была вся в грязи и пыли. Глава семьи подошел ко мне и спросил:

– Сестра, не могла бы ты поделиться с нами хлебом и водой?

Поспешив домой, я быстро вернулась с несколькими хлебными лепешками и водой и угостила всю семью. Видя, как жадно дети принялись есть и какими усталыми они все были, я предложила им зайти в дом и немного передохнуть, но взрослые ответили:

– Благодарим вас за помощь, но нам нужно спешить и идти дальше.

– Что случилось? Почему вы так торопитесь?

– Сестра, дай Бог, чтобы ты этого никогда не увидела и не испытала, – ответила женщина с маленьким ребен-

ком на руках. – Весь город разрушен, и они продолжают наступать. От этого места тоже ничего не останется, если они дойдут. Бегите отсюда, пока не поздно, и спасайте свои жизни! Беспощадная война началась. Всех раненых, которые получили увечья от взрывов и осколков стекла, забирают в военные госпитали.

– Вам все же нужно отдохнуть. Лучше переждите немного, – настаивала я.

– Нет, нельзя. Время не ждет. Почему вы сами не убегаете? Чего вы ждете? Они ведь очень близко!

– Бежать? Но куда? – ответила я. – Здесь ведь наш дом.

Так меня и не послушав, они продолжили свой путь. Я смотрела им вслед, как вдруг ко мне подошел один из мужчин нашего селения.

– Кто это был? Очередные беженцы? – спросил он.

– Что за беженцы? О чем ты?

– Так называют людей, которые бегут во время нападения.

– Прекрати. Не стоит так их называть, – ответила я, задетая этим словом. – Посмотри на них, в каком они состоянии... Беднягам больше нечего делать. У них нет выбора...

Когда вести о нападении иракской армии стали официальными, в нашем селении началось собрание всех жителей.

– Наша гордость не позволяет нам сидеть без дела в таких условиях! – говорили мужчины. – Мы хотим сражаться!

– Позор нам вечный, если мы так и будем сидеть и смотреть на то, как чужаки забирают нашу честь и наши земли! – говорил мой дядя Аббас. – Мы должны выйти и сразиться с ними как мужчины! Мы должны сделать все возможное, чтобы остановить их!

Внезапно ко мне подошли и передали послание от моей мамы, в котором она писала: «Чем бы ты сейчас ни была занята, немедленно приди домой!». Мама никогда

не просила меня так срочно бросать дела и бежать, поэтому, надев платок, я в сопровождении мужа поспешила в Аезин. Сердце мое забилося сильнее, когда я увидела сидящую на полу маму, обхватившую руками колени, и отца, прислонившегося к стене и слушающего, что говорят Рахим и Ибрахим.

– Фарангис! – воскликнула мама, увидев меня. – Помоги! Мальчики хотят пойти на войну!

– Не волнуйся, мама, – ответила я ей, крепко взяв за руку. – Пожалуйста, сначала объясните мне, что произошло.

– Рахим и Ибрахим сказали, что Саддам Хусейн хочет завоевать наши земли и наша армия не в силах остановить его. Им нужны новые солдаты.

– Но ведь Рахим и Ибрахим имеют право и возможность отправиться туда. – ответила я. – Что же вы предлагаете нам делать? Сидеть и смотреть, как они сносят наши дома и убивают наших людей?

Не встретив поддержки с моей стороны, мама взмолилась:

– Пусть тогда хотя бы один отправится на войну! Смилюйтесь надо мной и сжальтесь!

Посмотрев на кипящих от гнева Рахима и Ибрахима, я поняла, что никто и ничто не в силах остановить их.

«Боже! – заперевивала я еще сильнее. – Что за беда свалилась нам на голову так неожиданно?!».

– А если с ними что-то случится? – продолжала мама. – Что тогда?

– Аллах велик! – сказала я, поднявшись на ноги. – Клянусь, я и сама готова пойти на войну!

– Соберитесь и не забудьте ничего дома, – неожиданно сказал отец, повернувшись к мальчикам. – Я пойду проведу остальных.

Своими словами он словно поставил точку в нашем обсуждении, показав, что решение лишь одно.

В ту ночь во всем селении, в котором когда-то по ночам царили покой и умиротворение, поднялось безудержное смятение и паника. От нашей семьи набралось восемь человек: Рахим, Ибрахим, наши двоюродные братья Аббас и Хейдарпур, Алишах и Паша Бахрани, Шах-Хусейн Джаванмири, Мурад Ардашир Галедари. Все подготовили свои ружья, так как в те времена в каждой курдской семье было принято иметь огнестрельное оружие, и с воинственными, полными бесстрашия глазами занимались приготовлениями к войне. Казалось, что наши мужчины с таким количеством патронов и других боеприпасов прибыли из какого-то военного гарнизона. Те люди в селении, кто не мог позволить себе иметь ружье, отправились за ним в штаб КСИР.

Мой двоюродный брат Аббас сказал дяде Мухаммадхану:

– Мы уходим! Если появится необходимость, присоединяйтесь к нам!

– Да хранит вас Всевышний, – ответил тронутый словами сына дядя.

– Мы не смиримся с тем, чтобы враги так нагло явились на наши земли и растоптали нашу честь! Мы не позволим забрать наши земли и сделаем для этого все, что в наших силах. Если же судьбой нам предписано не вернуться, то заранее просим у вас за всё прощения.

Я понимала, что, когда мужчина произносит такую речь, он намерен сражаться до последнего вздоха и либо умрет, либо до конца защитит свою честь и вернется победителем. Ибрахим и Рахим просили односельчан беречь наше поселение и при надобности отправляться в штаб за боеприпасами.

– Враг наступает со всех сторон. Будьте бдительны даже по ночам! – предупреждали они.

Я смотрела, как восемь человек из нашей семьи, включая моих родных братьев, уходят на войну, и сердце

мое нестерпимо сжималось. Я не понимала, за что нам суждено столкнуться с такой бедой. Ощущая царившие вокруг тревогу и боль, я старалась быть сильной, чтобы помочь маме вынести эти трудные времена.

– Пожалуйста, прошу вас, – украдкой говорила я братьям, подойдя к ним ближе. – Будьте осторожны.

– А ты позаботься о маме с папой, – ответил Рахим. – Теперь ты – мужчина этого дома.

С зажженными лампами в руках и Коранами мы стояли на темной улице и провожали наших мужчин. Женщины вокруг плакали и произносили салаваты. Так, под голоса и всхлипывания матерей, жен и сестер наши молодые мужчины в курдских платках и с ружьями в руках начали свой путь в сторону Касре-Ширин. Я шла вместе с ними до Гурсефида, где они сели в машину на трассе и поехали дальше.

После отъезда Рахима и Ибрахима на войну мама проводила дни и ночи в слезах, и я даже не знала, за кого мне переживать больше: за братьев, от которых не было вестей, или за мать, которая так страдает и не может унять свое сердце. Мы пользовались любой возможностью, чтобы узнать о том, что происходит в зоне военных действий, и расспрашивали всех, кто имел хоть какую-то информацию.

Постепенно война стала все ближе и ближе подбираться и к нам. Мы видели падающие с неба снаряды, грохот взрывов которых, казалось, сотрясал всю землю. По вечерам для женщин стало традицией собираться вместе, они смотрели в сторону садящегося солнца, молились за своих близких и проклинали войну, которая так беспощадно обрушилась на наши головы.

– О Саддам! – молилась я. – Да не простит тебя Аллах за то, что по твоей вине так беспричинно проливается невинная кровь! Боже, отомсти Саддаму за всё то, что он сделал с нами.

По прошествии некоторого времени мы стали узнавать о разновидностях и названиях бомб и снарядов, которые падали неподалеку от нас. Например, один из видов бомб, которые по какой-то причине порой не взрывались, падая на землю по пять штук разом, назывался «хамса-хамса»¹.

Нас лишили обыкновенного спокойствия и тишины по ночам.

– Что с тобой? Все хорошо? – однажды взволнованно спросил у меня Алимардан.

– На сердце что-то тяжело. Этот бесчестный Саддам не даст нам спокойно жить.

– Хочешь, мы уедем отсюда и отправимся в город?

– То есть ты хочешь оставить наш дом иракцам? Ты хочешь, чтобы мы покинули это место?

– Война – очень страшная вещь... – печально сказал он, подойдя к окну. – Вдруг тебя убьют, или, не дай Бог, ты можешь попасть в руки врагов...

Я подошла к мужу, встала рядом с ним у окна и, тоже посмотрев на звезды, сказала:

– Запомни, что последним, кто покинет эту деревню, стану я. Для меня бегство равно смерти. Никогда не прося меня так просто оставить все и убежать. Я – Фарангис. И хоть я и женщина, я ничего не боюсь и, если понадобится, буду сражаться, как мужчина. Понимаешь?

– Что с тобой? Почему ты так говоришь? Ты ведь знаешь, что, как муж, я беспокоюсь за тебя. Я хочу твоего блага.

– Да, прости... Ты мой муж, но раз и навсегда прошу тебя, не требуй от меня трусости.

На следующее утро мы проснулись от ужасного грохота, который поднялся вокруг. Все жители Гурсефида выбежали в панике из своих домов и смотрели на ясное

¹ «Хамса-хамса» – «пять на пять» (араб.) (прим. пер.).

утреннее небо. Подняв глаза, я увидела огромное количество черных самолетов. Дети, думая, что это иранские самолеты, улыбались и радостно махали им рукой. Самолеты стали пролетать настолько низко, что я смогла разглядеть на них изображение чужого флага.

– Нет, это не иранские самолеты, – в ужасе прошептала я.

Самолеты тем временем все стремительнее приближались к земле, а мы стояли в оцепенении и не знали, что делать. Вдруг с них начали падать бомбы. Раздался оглушительный взрыв и резкий крик. Вокруг началась паника, земля дрожала, а люди заметались в поисках хоть какого-то укрытия. Еще никогда я не видела того, что творилось у меня перед глазами в тот момент, еще никогда не ощущала того, что испытала в тот день. Никто тогда не мог поверить, что на простых и безоружных людей в деревне кто-то способен наслать такое количество самолетов с бомбами.

Вместе с несколькими односельчанами я спряталась около одного из домов. Дети плакали в испуге.

Когда бомбежка прекратилась и самолеты улетели, мы вышли из своих убежищ и отправились к тем местам, куда упали бомбы. Повсюду были разбросаны куски снарядов, земля вокруг была черной, а воздух – полон пыли и песка. Женщины, видя, что произошло с селением, в слезах стали проклинать Саддама.

Через некоторое время к нам подъехало несколько военных автомобилей и машин скорой помощи. Нас стали расспрашивать о пострадавших, и, узнав, что раненых нет, они поспешили уехать, так как сказали, что жители Гилянгарба также подверглись бомбардировке.

Так как Гурсефид располагался по пути в город Гилянгарб, мы видели, как по близлежащей трассе проезжают ряды военных машин, и, остановив одну из них, спросили у военных:

– Расскажите о новостях? Что случилось?

– Вам нужно укрыться в каком-то безопасном месте, – ответил один солдат. – Враг идет в этом направлении. Мы едем навстречу им, чтобы остановить.

– Разбомбили Гилянгарб! Будьте осторожны и ни в коем случае не трогайте снаряды! – предупреждал другой.

Вечером, когда мы с соседями сидели на улице, прибыли несколько военных, которые привезли светильники и одеяла.

– Это вам, – сказал один из солдат, протягивая несколько одеял. – Пусть они останутся у вас.

– Почему вы раздаете это? – напряженно спросила я.

– Вам все это может понадобиться, если начнется бомбежка. Возьмите с собой всё необходимое и покиньте эти места.

После этих слов я поняла, что самое страшное еще впереди. Привычный уклад жизни в селении изменился, люди перестали беспокоиться о работе и заниматься хозяйством, все были заняты лишь подготовкой к войне. Хотя я слышала о том, что враг на войне беспощаден, даже в свои молодые годы я готова была облачиться в полное военное обмундирование и пойти бороться за нашу свободу. Но я была девушкой, и мне ничего не оставалось, кроме как смотреть на проезжающие мимо военные автомобили, направлявшиеся в сторону Касре-Ширина. Тем временем потоки людей, которые бежали в Гилянгарб, не заканчивались. Глядя на всех этих беженцев, я задумывалась о том, не стоит ли и нам последовать их примеру и оставить свои земли. Однако мысль о том, чтобы покинуть родной дом, сводила меня с ума.

Алимардан, словно не замечая того, что происходит вокруг, отправлялся на обработку земель. Однажды я попросила его не ходить, на что он ответил:

– Фарангис, я не могу не идти. Если я не пойду работать, нам нечего будет есть.

Услышав эти слова мужа, я больше не стала ему возражать, а после его ухода отправилась в Авезин, чтобы навестить родителей, размышляя по пути о нашей судьбе и о том, что нас ждет. Вдруг мои размышления прервали крики мужчины, который бежал с вершины холма в сторону нашего селения. Присмотревшись, я узнала в нем нашего родственника.

– Наши дома разрушены! – кричал он. – Иракцы захватили Касре-Ширин!

– Добежавшего в холодном поту мужчину тут же окружили жители поселения.

– Клянусь вам! Я говорю правду. Наши дома разрушены. Касре-Ширин пал, и теперь иракцы наступают в эти края. Скажите всем приготовиться, нужно собирать все вещи и бежать! Иракцы наступают, и ничто их не остановит.

Я сразу подумала о наших мужчинах, которые отправились на войну. Мое беспокойство за братьев возросло, а мама, услышав слова родственника, стала бить себя по бедрам и в стенаниях говорила своему брату:

– Наши сыновья... Мухаммадхан... наши сыновья! Что с ними?! Что с ними случится?!

Мой дядя Мухаммадхан встревоженно ходил взад-вперед и не мог найти себе места. Люди вокруг впали в еще более глубокое смятение и панику, не понимая, что им делать дальше.

– Мы пойдем мстить за наших детей! – не выдержав, закричал дядя Мухаммадхан. – Собирайтесь!

В толпе начались споры, кто-то был согласен с дядей, но некоторые воспротивились его идее.

– Машхади Фарман, – обратился дядя к соседу, – у тебя есть машина. Мой сын и племянники на войне! Помоги мне забрать их. Разве вы не видите, что наша

армия слишком слаба, люди вынуждены бежать. Нам нужно вернуть людей, которые отправились на войну. Нужно вернуть всех! Возможно, они сейчас окружены и очень нуждаются в нашей помощи!

– Я готов поехать с тобой! – шагнул вперед Фарман.

– Нам нужны еще люди. Помощь никогда не лишняя! Поторопитесь, нам нужно сразу выезжать, – торопил всех дядя.

Пока мужчины в спешке собирали вещи, я принялась умолять дядю:

– Прошу вас... возьмите и меня с собой! Я не боюсь!

– Нет, Фарангис... ты должна остаться.

– Но, дядя... я помогу вам. Клянусь, что не стану вам помехой, – не сдавалась я и упрямо села в машину.

Дядя очень сердито посмотрел на меня и сказал:

– Выйди из машины, девочка.

– Нет.

– Пока ты не выйдешь из машины, мы никуда не поедем, – упрямылся он, сев на землю.

В наш спор вмешалась толпа, все просили меня выйти из машины и торопили дядю. А он снова сказал:

– Если поедет Фарангис, то я никуда не поеду.

– Фарангис, выходи из машины, – просили меня соседи. – Дай мужчинам поехать за нашими мальчиками.

– Почему ты молчишь?! Она же твоя жена! – строго посмотрев на Алимардана, возмутился дядя.

– Фарангис, – жалобно сказал Алимардан. – Не мучай своего дядю.

Видя, что меня никто не поддерживает, я в полном разочаровании вышла из машины и встала вместе с остальными женщинами в стороне. Взяв свои ружья, все мужчины: мой дядя Мухаммадхан Хейдарпур, Фарман Этесамнежад, Алмас Шахвалийан, Ахмад Шахвалийан, Карим Фаттахи, Абдуллах Алихани, Али Марджани и еще один приезжий из Керманшаха – сели в машину.

Взволнованные женщины встали со своих мест и проводили грустными взглядами и салаватами автомобиль, поднявший за собой тучу пыли. Мы знали, что мужчины отравились в районы Бависи и Таджик, которые также наверняка были в руках вражеских сил.

Придя домой и совершив намаз, отец обернулся ко мне и, не поднимая головы, сказал:

– Руле, да примет Всевышний!

Я понимала, что он не мог поднять на меня взгляда, так как знал, что не сумеет сдержать слез.

– Что же будет, Фарангис? Где мои сыновья? Как же так... Столько несчастий и бед выпали на нашу долю...

– Мы сейчас совершили намаз, папа, – сказала я, с трудом выдавив из себя улыбку. – Всевышний нам поможет. Прошу тебя, не волнуйся.

– Читай салават, Руле.

Я очень боялась за отца и чувствовала, что ему сейчас как никогда нужно, чтобы я была рядом, поэтому сидела вместе с ним и молилась некоторое время. Затем встала, налила ему чай и, забрав из его рук четки, продолжила молиться за нас, снова сев рядом с ним.

– Папа, тебе нужно поспать, – сказала я ему через некоторое время, заметив, как сильно отец устал к концу дня.

* * *

На следующее утро было собрание всех жителей поселения. Никто больше не делился, как прежде, радостными новостями. Все обсуждали войну и были очень обеспокоены, и я чувствовала, что мы стали еще ближе друг другу. Казалось, мы все ощущали и одновременно боялись, что в любой момент что-то может стать причиной нашей разлуки и расставания. Люди сидели в круг и смотрели друг на друга в молчании, сжав колени и руки, как будто чего-то ожидая. Подобное ожидание хоть

какого-то звука со стороны трассы или же вести для меня было хуже смерти. Мы все просидели так до вечера, обманываясь отчаянной мыслью о том, что вот-вот кто-то приедет и сообщит нам что-нибудь о наших родных и близких, которые отправились на войну. Но никто так и не появился...

Вечером я отправилась в родительский дом, чтобы навестить свою семью, и некоторое время провела с братьями и сестрами, которые очень обрадовались, увидев меня у крыльца дома, и не отходили ни на шаг. Я сидела во дворе и наблюдала, как играют Саттар и Джаббар, как вдруг увидела пыль, поднимающуюся со стороны трассы. Приглядевшись, я различила машину скорой помощи, которая на высокой скорости ехала в нашем направлении.

«Должно быть, появились какие-то новости», – в надежде подумала я.

Все жители, также услышав звук мотора машины, в тревоге поспешили к дороге, чтобы узнать о последних вестях. Из машины вышел мужчина, с ног до головы покрытый пылью и грязью. Его вид меня ужаснул, но, собрав волю в кулак, я подошла к нему и поздоровалась, в ответ получив от него лишь кивок головы.

– Скажи нам, что случилось? – спросил у него мой дядя Хешмат, выходя вперед. – Ты ведь не просто так сюда приехал. Не томи и расскажи нам обо всем.

– У меня плохая новость для вас... – опустив голову, пробормотал мужчина. – Я слышал, что две группы из вашей деревни отправились в зону боевых действий.

– Да! – резко ответил дядя Хешмат. – Мы все их ждем, но до сих пор о них нет никаких вестей.

– Все те, кто ушел... – не зная, как начать, выдавливал из себя водитель, мягко и виновато смотря в глаза дяди. – Их машина направилась в сторону Хосрави и попала под обстрел с самолетов. Все, кто был в машине, погибли...

Не успел он закончить, как вокруг раздались крики и плач убитых внезапным горем женщин. Земля, казалось, стала уходить у меня из-под ног. Мужчины закрыли ладонями лица и, содрогаясь, повалились на землю. Селение наполнилось невыносимой атмосферой боли и криками женщин, бивших себя по голове. Дети стояли с заплаканными лицами...

– Йа Хусейн! Йа Хусейн! – раздавались крики вокруг. Казалось, что для нас наступила ночь Ашур¹.

Я посмотрела на отца и мать и, не в силах сдержать слезы, плача, прошептала:

– Мама, папа... мой дядя...

– Нам нужно отправиться туда и вернуть их тела! – сказал Машхади Илахи Марджани, глава нашего селения, которого все очень любили и с мнением которого всегда считались. Он был очень набожным и уважаемым человеком, всегда ходил с малым омовением и очень часто нараспев читал Коран. В тот день он потерял своего родного брата.

– Нельзя туда ехать! Единственное, что нас там может ждать, – это смерть! – выкрикнул кто-то из толпы. Но не успел тот человек закончить, как дядя Хешмат прервал его и встревоженно сказал:

– Даже если нас всех убьют, нам все равно нужно вернуть их тела!

В один миг все селение погрузилось в траур. Ночью никто не мог ни уснуть, ни есть. Люди лишь суетливо и бесцельно носились во все стороны. Порой мимо проезжали тракторы. Никто не понимал, что делать. Мы уже отправили на войну одну группу мужчин и вторую – чтобы они привезли их тела, теперь же третья группа готовилась отправиться на смерть.

¹ Ашура – день мученической гибели имама Хусейна, внука Пророка Мухаммада. Этот день в мусульманском мире проходит с особой скорбью и траурными церемониями (*прим. пер.*).

– Их тела уже в руках врагов, которые захватили все те территории. Как нам привезти их?! – говорил кто-то из мужчин. – Лучше оставим это дело. Может быть, наши войска привезут их тела.

Однако дядя Хешмат и еще несколько односельчан говорили иначе.

– Нам нужно пойти за телами! Или мы умрем, как они, или вернемся с их телами!

– Позор нам, если тела дорогих нам людей останутся лежать на земле незахороненными! – говорил дядя Хешмат. – Мы станем посмешищем для наших врагов!

В результате мужчины, ратовавшие за возвращение тел, собрались в группу и отправились в путь на одном из тракторов. А мы стояли и, глядя им вслед, молились и читали салаваты, снова оставшись в своих домах в темноте, в ожидании и смятении. В раздумьях кто-то уснул на полу, прислонившись к стене, кто-то безудержно плакал и всхлипывал, читая обращенные к Богу молитвы.

Мои мысли о дяде Мухаммадхане, о нашем водителе, который когда-то давным-давно впервые отвез меня в паломничество в Кадамгах, и о других людях, которых мы так внезапно отдали в жертву жестокому року, не покидали меня и не давали покоя. В состоянии полного опустошения и неопикуемой тоски мы были вынуждены оплакивать погибших, подготавливая дом к предстоящим траурным поминальным мероприятиям. Отец плакал и беспомощно смотрел на меня, а мама, казалось, превратилась в тень. Целыми днями она сидела в слезах, смотрела в одну точку, погруженная в свои мысли, и лишь изредка шептала: «Мухаммадхан... брат мой...».

Некоторые женщины во время подготовки дома, утирая слезы, читали вслух траурные стихи по погибшим.

Я тихо вышла из дома и, сев неподалеку на траве, плакала... Еще никогда я не видела небо таким черным и печальным... Мое сердце изнывало от боли, а голова

была заполнена мыслями о дяде, с которым совсем недавно я спорила и даже поругалась.

«Он знал, что умрет, – думала я. – Знал, что больше никогда не вернется, поэтому и не позволил мне поехать с ними. Ох, дядя...».

– Руле... – раздался голос отца сзади.

Он подошел ко мне и, положив руку мне на плечо, сказал:

– Пойдем домой. Не сиди тут одна.

Но не успели мы пойти домой, как услышали шум трактора, раздававшийся со стороны дороги. В селении тут же поднялись крик и возгласы. Казалось, измученные горем люди не знали, как выразить свою радость от того, что не оставили тела своих погибших в руках врага.

Оставляя за собой тучу поднявшейся пыли и песка, трактор подъехал ближе, и из него вышел дядя Хешмат.

– Подойдите! – закричал он, поднявшись на трактор. – Наши родные вернулись домой!

Женщины заплакали и, не сдерживая своего невыносимого отчаяния, громко кричали, царапая себе лица от нестерпимой душевной боли, которая безжалостно сжигала их утомленные сердца. Мужчины постепенно поднимались на трактор и одно за другим вытаскивали тела... Среди погибших были мой дядя Мухаммадхан Хейдарпур, Алмас и Ахмад Шахвалийаны, Али Марджани, Карим Фаттахи, Фарман Этисамнежад, Абдуллах Алихани... Не хватало одного... Тот человек, у которого было какое-то воинское звание и имени которого я не помнила, ушел вместе с этими людьми, но не вернулся...

Наше селение потеряло семерых мужчин... семерых бесстрашных людей, отправившихся в самый разгар обстрела на захваченные врагом земли, чтобы вернуть своих родных, но нашедших там лишь собственную гибель. В ту горькую ночь, когда плакали даже дети, отовсюду

раздавались стоны и крики, и никто так и не смог заснуть до самого утра...

Рано утром все жители собрались для прощания с покойными. Несколько мужчин покинули деревню, чтобы неподалеку от нее вырыть могилы, другие – отнесли тела к источнику, где, согласно исламским законам, необходимо было совершить омовение. У нас не было особо отведенного места для омовения тел перед погребением, поэтому семь храбрых мучеников лежали на земле у источника, ожидая своего часа. Их матери, сестры и дети все еще сидели у их тел и, обнимая, оплакивали столь дорогих и любимых людей, которых было уже не вернуть. Смотреть на это было невыносимо, еще никогда мы не лишались стольких людей одновременно. От всего происходящего обессиленной маме становилось так плохо, что она время от времени теряла сознание. Каждая ее слеза, сбегавшая из покрасневших, безжизненных глаз и текущая по исцарапанному лицу, пронзала мне сердце, словно иголка. Держась за голову, мама сидела рядом с телом дяди и повторяла:

– Брат мой... Прости... Прости меня...

– Дядя! – громко сказала я с налитыми кровью глазами, положив руку на его тело. – Я отомщу за тебя! Отомщу за твою кровь!

В этот момент, услышав внезапный гул двигателей самолетов, все испуганно подняли глаза к небу. Не успев встать на ноги, мы увидели, что на нас летят бомбы.

– Боже! Что они от нас хотят?!

– Берегитесь! – кричали мужчины. – Найдите укрытие! Бегите! Оставьте тела и спасайте свои жизни!

Собрав своих братьев, сестер и маму, я поспешно отвела их в укрытие и попросила лечь на землю. Снаряды падали вокруг и тотчас взрывались. Заметив, что самолеты отлетели от деревни, заходя на повторную атаку, я крикнула семье:

– Бежим к скалам! Торопитесь!

Через некоторое время, когда мы добрались до небольшого каменистого ущелья, раздались новые взрывы.

– Закройте руками головы! – кричала я. – Защищайте голову и дышите ртом!

Дети дрожали, и я пригибала их головы к земле, чтобы они ничего не видели. словно невинные овечки, увидевшие волков, они трепетали и испуганно прижимались друг к другу.

Тем временем воздушная атака не прекращалась, самолеты носились в небе, снова и снова возвращаясь, чтобы сбросить новые бомбы. Я думала о телах наших родных, которые, незахороненные, лежали на земле у ручья, и, не выдержав, вскарабкалась на скалу и принялась кричать:

– Безбожники! Что вы хотите!? Что вам нужно от нас?! Вы и так погубили наших родных! Теперь вы не дадите нам их похоронить! Да накажет вас Аллах!

Я не могла унять свои чувства, боль и ярость, кипевшие в душе, не давали мне покоя.

– Проклятые! – кричали мужчины. – Оставьте нас в покое! Дайте нам похоронить наших мучеников!

Увидев, что самолеты стали отлетать в сторону, кто-то закричал:

– Поторопитесь! Нельзя оставлять ни одно тело на земле! Они могут вернуться!

Мужчины в спешке выбежали из убежищ и стали омыwać тела погибших в источнике.

– О Авезин, – плакала я. – Омой своими водами наших любимых... Смой с них боль и страдания...

Завершив омовение, мужчины начали заворачивать тела в белоснежные саваны, когда в небе вновь появились самолеты, гул двигателей которых оглушал нас, а взрывы, казалось, сотрясали все вокруг. Но никто не тронулся со своих мест, мужчины продолжали начатое

дело. Кто-то, постоянно поглядывая на небо и наблюдая за падением новых снарядов, рыл ямы, кто-то раскрывал саваны и обматывал ими тела. Казалось, все дали себе слово во что бы то ни стало с почетом и уважением предать тела мучеников земле.

– Никуда не уходите даже во время бомбежки! – кричала я. – Ценой нашей жизни мы будем стоять здесь и не позволим надругаться над телами наших близких! При каждом приближении самолетов ложитесь на землю и прикрывайте головы!

Согласно мусульманским обычаям, нам предстояло совершить намазы по усопшим и только после этого похоронить их. Когда хоронили моего дядю, сердце мое сжалось еще сильнее.

– Дядя, прости меня, – шептала я. – Мой дорогой и смелый дядя...

Я вспомнила, как в последний раз ругалась с ним, а он сказал всем: «Если Фарангис поедет с нами, то уезжайте без меня! Я никуда не поеду!». Он будто бы знал, что у той дороги нет обратного пути.

Когда все тела по очереди были захоронены, мы немного успокоились, но мысль о том, что у нас до сих пор нет никаких вестей о первой группе отправившихся на фронт, вновь всколыхнула наши сердца.

– Где наша первая группа? – спрашивали все вокруг. – Живы ли они? Вдруг они попали в плен?

Но никто не мог ответить на эти вопросы...

В смятении я отправилась к дяде Хешмату, которого обнаружила сидящим в компании нескольких мужчин.

– Фарангис, что случилось? – взволнованно спросил он, поспешно подойдя ко мне.

– Ибрахим, Рахим... и остальные... где они? – спросила я, опустив голову. – Ты думаешь, они погибли? Мы не сможем ничего узнать о них?

– Ничего не известно... С помощью Аллаха они еще вернутся к нам! Иранские военные формирования отступили назад.

– Дядя, что ты думаешь о том, чтобы отправиться за ними?

– Фаранг, – немного помедлив, ответил он, – не бери мою боль и не ухудшай наше положение... прошу тебя. Мы даже не знаем, где они. Через несколько часов мы отправимся в штаб и попытаемся разузнать о каких-то сообщениях и новостях.

Постепенно толпа людей, собравшаяся для похорон, стала расходиться по домам. Я пробыла в Аезине до вечера, а затем вернулась в Гурсефид с Алимарданом, чтобы отдохнуть, так как нам предстояло подготовиться к траурным обрядам следующего дня.

* * *

Под раздававшиеся из магнитофона коранические айаты и молитвы все занимались подготовкой к траурному мероприятию и готовили еду в больших казанах. Вдруг нас прервал сосед, неожиданно ворвавшийся в комнату.

– Что вы сидите?! Вы в трауре просиживаете время здесь, тогда как враги уже в наших домах! Идите и сами посмотрите! Иракцы заходят в Гурсефид! Как же счастливы те, кто умер и не увидел этих дней.

Выбежав на улицу, мы увидели людей, которые в панике выбегали из своих домов, а вдали виднелись танки и иракские машины, двигавшиеся в нашем направлении. Немного поодаль от них, со стороны трассы, к нам приближались солдаты в иракской военной форме, разговаривавшие на арабском и курдском языках.

Меня охватил такой гнев и ненависть, что я ударила себя по груди.

«Из-за вас мы потеряли дорогих нам людей! – подумала я. – Да уничтожит вас Аллах!».

– Бегите! Не стойте на месте! – кричали нам наши мужчины.

Мне тогда было всего 19 лет, и всё, что я могла сделать, – это накрыть волосы хиджабом и смотреть, как приближаются враги.

– Мы ничего не имеем против вас! – закричал один из иракских солдат на курдском. – Зайдите в свои дома!

Танки, повернувшие в сторону селения, издавали своими гусеницами ужасающий звук, нагонявший панику на и без того испуганных жителей. Многочисленные шеренги танков с иракскими флагами показались и на самой трассе. Казалось, они разъезжали не по земле, а по нашим сердцам.

«Где же наши военные силы?» – думала я тогда.

Смуглые солдаты в форме, чем-то похожей на иранскую, с омерзительными улыбками на лицах вызывали у меня особое раздражение и желание расстрелять их всех.

Дети, спрятавшись за спинами матерей, украдкой смотрели на приближавшихся солдат. Заметив, как один из них двинулся в нашем направлении, я приготовилась бежать, как вдруг он обратился к нам на курдском наречии:

– Сколько пути отсюда до Керманшаха?

Голос этого солдата привел меня в ярьость.

«Как он смеет с такой уверенностью думать, что дойдет до Керманшаха?!» – подумала я, ощущая, как слезы приливают к глазам и как трудно становится дышать. Я ничего не ответила ему.

– Иншалла! – засмеявшись, сказал солдат. – Скоро мы дойдем и до Керманшаха!

В тот момент я осознала, что нам больше нигде оставаться и укрытия больше нет, единственное, что можно было предпринять, – это побег. Медленно и незаметно

я ушла из места скопления солдат и поспешила что есть силы к своей семье в Авезин, чтобы сообщить обо всем близким. Всю дорогу я бежала, не оглядываясь. Ноги то и дело путались в длинном подоле платья, в ушах до сих пор раздавался шум танков, но ничто не могло меня остановить.

Вокруг начали греметь выстрелы и взрывы, воздух наполнился пылью, поля были охвачены огнем, дым и пламя участили мое дыхание и сжигали сердце. Страх и паника охватили меня, но я продолжала бежать, боясь, что меня преследует кто-то из иракцев. Путь, который я обычно проходила за 10 минут, тогда казался мне бесконечным.

Пока я бежала, я думала о сестрах Симе и Лейле, боясь, что кто-то из мерзавцев мог к ним прикоснуться.

«Я должна бежать быстрее! – говорила я себе. – Мне надо их спасти!».

Зайдя в дом, наполненный запахом чечевицы, я застала мать за готовкой.

– Мама! Скорее! Иракцы здесь! Нужно бежать!

Услышав мои крики, из комнаты вышел отец.

– Это правда? Где они?

– Торопитесь! Нам нужно бежать к горам! Солдаты уже в Гурсефиде и скоро дойдут до Авезина!

– Уходите одни, – ответила мама. – Заберите детей и уходите отсюда, я никуда не пойду.

– Они убьют тебя! – не ожидав услышать такой ответ, закричала я. – Если ты остаешься, то тогда останемся и все мы!

Увидев мое состояние, мама поднялась, отставила кастрюлю в сторону и начала второпях собирать детей.

– Хорошо, Фаранг. Мы уходим ни с чем? Нужно оставить всё здесь?

– Не переживай, мы еще вернемся! Наши войска отбросят врагов назад.

Выходя из дома, я увидела дядю Ахмада Хейдарпура, который на своей машине, наполненной продовольствием для траурного мероприятия в Аезине, только что прибыл к нам.

– Дядя, нужно бежать! Наши дома разрушены! Враги захватили все! Сейчас не время проводить траурные мероприятия, нам нужно подумать о своих жизнях! – кричала я в ужасе и без передышки.

– Я увидел в пути иракцев, – ответил дядя с красными от злости глазами. – Но нам нужно сначала все спрятать.

Под испуганный плач моих маленьких братьев и сестер мы поспешили спрятать все вещи в доме, накрыв их тканями и различными строительными материалами. К тому времени к нам подоспел Алимардан со своими родителями, дядей Ахмадом и детьми. Быстро покончив с делом, мы побежали в сторону горы Чагалванд.

Мы были не одни. Женщины, старики и дети направлялись к той же горе в попытке спастись от захватчиков. Преодолев один из холмов, я немного успокоилась, но нам предстояло перейти еще несколько других.

– Боже! Отомсти за нас! – молилась я во время пути.

Видя, как плачут сестры, я пыталась их как-то утешить:

– Не плачьте, Лейла... Сима... Все будет хорошо. Я рядом.

Лейле тогда было 12 лет, Джомэ – 13, Саттару – 10, а близняшкам Симе и Джаббару – по 5.

С высоты я увидела, что юноши нашего селения остались в Аезине и силой заставляют жителей уходить в сторону горы. Увидев нас, они махали руками еще энергичнее, прося поторопиться и побыстрее оказаться на горе.

Ненадолго остановившись, чтобы перевести дыхание, мы увидели, как со стороны степи под грохот взрывающихся снарядов надвигалась иракская армия,

впереди наступали многочисленные танки, а позади них шла пехота. Солдаты уже прибыли в Авезин. Стали раздаваться крики. Военные не давали оставшимся жителям выходить и приказывали не покидать дома. А те, кто успел выбежать из своих домов, мчались изо всех сил к горе. На некоторых не было даже обуви.

– Доченька, как же они были близки! – с ужасом сказала мама, увидев, что происходит внизу.

– А ты думала, что я обманывала, когда просила бежать?

Поднявшись на вершину горы, мы остановились и стали наблюдать за тем, как военные, словно саранча, заполнили наше селение, к тому времени охваченное густым дымом и огнем.

ГЛАВА 5

Приближалась ночь. Мы сидели, прижавшись друг к другу, среди каменистых скал на вершине горы и не хотели разговаривать. Алимардан, дядя, отец и несколько мужчин, которые были с нами, не знали, что делать. Часть людей хотела вернуться в селение, другие были категорически против этой затеи.

– Хотя бы вы останьтесь с нами! – просили испуганные женщины. – Мы совсем одни. Как нам защитить себя, если нагрянут иракцы?

Ночью грохот танков и взрывов снарядов не прекращался ни на минуту. Иранские войска держали оборону и со стороны Гилянгарба вели артиллерийский обстрел, двигаясь в сторону Гурсефида, который наряду с Авезином превратился в зону активных боевых действий.

В темноте охваченные страхом дети вздрагивали от каждого звука и беспомощно дрожали, поглядывая то друг на друга, то в сторону, откуда раздавались вспышки и взрывы. Мысли женщин, собравшихся вместе, прервали слова одной из жительниц Авезина:

– Что это за беда свалилась нам на голову? За какие наши грехи нас постигло такое наказание?

– Что это за слова? Разве это из-за наших грехов мы вынуждены претерпевать такое? На нас напал безбожник, началась война, и нам нужно быть сильными! Необходимо сопротивляться, чтобы одержать победу над ними.

– Будучи безоружными? – спросила женщина, утирая платком слезы. – У них столько танков и техники. Как нам остановить их?

После этих слов я окинула взглядом всех женщин и почувствовала, как сильно они устали и как безнадежно смотрят в будущее.

– Мы уходим! – не выдержав, крикнул один из мужчин.

– Не уходите! – плакали и кричали женщины. – Как нам быть без вас?!

Однако никакие уговоры уже не могли остановить полных решимости мужчин. Перед уходом дядя Ахмад положил руку мне на плечо и сказал:

– Фарангис, в тебе живет доблесть, подобная мужской. Прошу тебя, позаботься обо всех.

Сердце мое затрепетало от его слов. Я стояла как вкопанная и смотрела на дядю, Алимардана и других мужчин, пока они собирались и принялись спускаться вниз по склону горы.

До самого рассвета никто не сомкнул глаз. Вдруг мы обратили внимание, что вражеские танки и солдаты стали по какой-то причине возвращаться к Гурсефиду. На одном из холмов, расположенном ближе к Гилянгарбу, я увидела дядю Хешмата, который поспешно поднимался к вершине, направляясь в нашу сторону. Через некоторое время, оказавшись рядом с нами, он на минуту снял с плеча ружье и остановился, чтобы отдышаться, но, заметив наши вопрошающие и взволнованные лица, сказал:

– Наши войска отбросили врагов и не позволили им войти в Гилянгарб. Эти иракцы думали, что за двадцать дней дойдут до Тегерана, но и представить себе не могли, с кем имеют дело, – засмеялся дядя. – Мы не мертвы и готовы сражаться! Теперь они остановлены и не могут наступать.

– Каким образом иракцев заставили отступить? – спросила одна из женщин.

Сев на один из больших каменных валунов, дядя Хешмат продолжил:

– С помощью кулаков и платков.

– Кулаков? Что ты имеешь в виду?

– Жители Гилянгарба, и женщины, и мужчины, собрались возле реки, чтобы отстоять свои земли. Заранее наполнив песком все имевшиеся дома мешки, женщины отправились за своими платками, в которые тоже завернули горстки земли. С помощью всего этого они изменили русло реки, воды которой стали течь в сторону иракцев, превратив все земли в непролазную глину. Наступавшие танки и машины застревали и не могли выбраться. Ох, если бы вы только видели это зрелище и их несчастные лица! Сколько потехи было для нас наблюдать за тем, как они мучаются!

Посмеявшись, дядя с высоко поднятой головой продолжил:

– Сегодня наш народ стал победителем, и я горжусь нашими людьми! Все взяли в руки оружие и сражаются.

– Откуда у них оружие? – удивленно спросила я.

– Люди сами принесли всё, что имели у себя дома, – ответил дядя, подняв свое ружье. – Корпус стражей также открыл свои двери и раздал людям всё имевшееся оружие и боеприпасы. С помощью Аллаха мы смогли дать отпор врагам. Иракцы вырыли окопы возле села, поэтому будьте осторожны и не ходите туда. Мы еще придем к вам и сообщим обо всех новостях.

После ухода дяди вдохновленные и воспрянувшие духом женщины вместе со стариками и детьми принялись читать суры из Корана, а мама тихонько сказала:

– Брат мой, да хранит тебя Всевышний...

Все люди, бежавшие на гору и заполнившие ее до самой вершины, что-то да прихватили с собой из дома

во время бегства и делились с односельчанами всем, что имели. Однако к полудню следующих суток все запасы еды оказались истощены, мы очень проголодались и ждали кого-нибудь с радостной вестью и пропитанием. Палящий зной еще сильнее утомлял нас и заставлял испытывать жажду, но мы понимали, что нужно проявлять терпение.

В полночь я увидела тень мужчины, поднимавшегося к нам на вершину горы.

– Мама, – сказала я. – Кто-то приближается к нам. У него в руках ружье.

– Как ты думаешь, это иракец? – взволнованно спросила она, всматриваясь в темноту.

– Отойдите все в сторону, – предупредила я. – Спрячьтесь среди скал.

Сама же, взяв в руки острый осколок камня, притаилась у большого валуна и принялась ждать. Внезапно послышался голос:

– Эй, люди! Не бойтесь! Это я – Ибрахим!

Узнав голос родного брата, я не смогла сдержать радость и выпрыгнула из своего убежища.

– Боже, хвала Тебе! – вскрикнула мама, подняв руки к небу. – Боже, хвала Тебе! Мой сын вернулся!

По мере приближения брата я заметила в его руках хлеб и кастрюлю с едой.

– Не хотите отведать чечевицы? – смеясь, кричал он.

Это была та самая кастрюля, которую мама сняла с огня дома. Мама ринулась к Ибрахиму и в слезах принялась целовать воскресшего сына.

– Брат мой! Братик мой! – восклицала я, обнимая его и не желая отпускать.

Отец, плача, приблизился к нам и, обняв сына, поцеловал его глаза. Ибрахим же в наших объятиях лишь продолжал хохотать.

– Полно вам уже! – говорил он. – Мама, все, перестаньте! Я уже рядом. Прости меня, прости, что заставил так переживать.

– Где ты был до сих пор? – спросила мама. – Мы так переживали. А где Рахим?

Услышав имя брата, Ибрахим немного переменялся в лице.

– Когда напали иракцы, мы разделились и начали отступление. С Рахимом все хорошо, я это знаю от людей, которые видели его.

– Боже, верни всех молодых в их семьи, – взмолилась мама, облегченно вздохнув при этой новости.

– Уже несколько дней я ничего не ел, – сказал Ибрахим, трогая живот. – Я вроде бы принес еду, но никто что-то не торопится поесть! Положите мне тоже!

Все засмеялись и принялись делить еду, которую он принес.

– Как же вы могли такую еду оставить дома?! – продолжал шутить Ибрахим. – Трусишки, вы в страхе оставили такую еду!

– Прекрати, Ибрахим. Поверь, ты бы на нашем месте поступил так же, – улыбаясь, отвечала ему я.

– Вернувшись в Авезин, я никого не обнаружил дома, но зато нашел кастрюлю с едой и хлеб. Схватив все с собой, я отправился к этой горе, сообразив, что вы, должно быть, прячетесь здесь.

С не сходящей с лица улыбкой я замороженно смотрела на брата, на его пыльное лицо и бороду, на рваную одежду и была несказанно рада тому, что вижу и слышу его.

Дети радостно макали хлеб в чечевичную подливку и ели с большим аппетитом, а Ибрахим тем временем продолжал делиться с нами последними новостями.

– Сейчас наши войска расположены перед иракскими, и все силы сконцентрированы в Гурсефиде. Жители

города Гилянгарб взяли в руки оружие и защищаются. Фаранг, ты знаешь Асгара Бехбуда?

– Я где-то слышала это имя.

– Он сформировал группу и начинает наступление на иракцев. Сафар Хошраван и Али Акрам тоже возглавили свои небольшие народные ополчения и идут сражаться.

Когда мы закончили есть, Ибрахим тихо обратился ко мне:

– Фаранг, ты в ответе за всех этих людей. Будь осторожна. Не переживайте, Рахим тоже скоро вернется.

Сердце мое сжалось, когда я поняла, что брат снова собирается уходить. Я крепко обняла его и сказала:

– Ибрахим, прошу, береги себя. Найди Рахима, и позаботьтесь друг о друге. Если с тобой, не дай Бог, что-то случится, мы не переживем.

Он поцеловал родителей и в темноте скрылся среди скал в направлении иракских танков. Видя брата уходящим, я изо всех сил сдерживала желание пуститься за ним вслед и, как в старые времена, когда он был еще совсем маленьким, хотела оберегать его и защищать. Я вспомнила, как весело мы проводили время и как хорошо нам было. Как же быстро закончилось наше детство...

Все потихоньку заняли свои места, а я расположилась на одном из больших камней и смотрела в сторону Гилянгарба, со стороны которого доносились звуки выстрелов. Сидя там до самого утра, я размышляла о том, что эти со свистом пролетающие у подножия горы пули в этот момент могут унести жизни дорогих нам людей.

После восхода солнца началась новая волна бомбежки. Иранские и иракские самолеты периодически появлялись в небе и сбрасывали на землю очередные снаряды. Время шло, никто из взрослых не смел говорить

о своих нуждах, но дети, уже изрядно изголодавшиеся, плакали и жаловались, что очень хотят есть. Сидевший недалеко от меня отец встал и посмотрел на меня. По его взгляду поняв, что он хочет что-то сказать мне, я поспешила к нему.

– Руле, – тихо начал он. – Пойдем домой и принесем что-нибудь поесть?

– Пойдем, – твердо и без тени сомнения ответила я. – Я готова.

Отец знал, что я не боюсь, но я поймала на себе взгляды испуганных и усталых женщин, взволнованно посмотревших на нас с отцом.

– Не волнуйтесь, – улыбнувшись, сказала я им. – Обещаю вернуться не с пустыми руками. Будьте осторожны и сохраняйте бдительность.

Ни секунды не мешкая, мы с отцом начали спускаться с горы. Пригнувшись, мы осторожно переходили один холм за другим и прислушивались к малейшему звуку, доносившемуся до нас. Вокруг было тихо. Лишь река, протекавшая неподалеку, доносила до нас звуки своего игривого журчания, а птицы – свой звонкий щебет.

Когда мы дошли до первого дома в селении, вокруг не было ни единого звука. Селение было погружено в какое-то траурное и томящее молчание, подобное тому, что царит на кладбище. Тазики с одеждой, оставленные женщинами, все еще лежали на берегу реки, вокруг были разбросаны резиновые сандалии. Увидев наш дом, я почувствовала, как сжалось мое сердце от тоски.

– Наш милый дом... Совсем заброшенный... – шептала я, вытирая слезы, подступившие к глазам.

Мы вошли внутрь, собрали в мешки немного муки, риса, соли и масла. Осматриваясь вокруг, я стала думать о том, что еще можно забрать с собой.

– Руле! – воскликнул отец, заметив мое судорожное метание. – Нам надо поторопиться. Здесь небезопасно.

– Я все это заберу обратно, – сказала я, держась за стену. – Я не допущу того, чтобы наш дом достался врагам!

Выйдя за отцом во двор, я случайно заметила тот самый топор, который мы сделали когда-то с Гахраманом, и тут же подумала, что с его помощью можно будет нарубить дров и разжечь костер. Забрав топор, под блеяние овец, доносившееся из некоторых домов, мы тихо и незаметно вышли из дома и направились обратно в наше временное убежище на горе тропой, которая сначала вела к реке. Мы шли прячась и максимально осторожно, как вдруг отец, шагавший впереди меня, неожиданно обернулся ко мне с выражением лица человека, впавшего в глубокое смятение и панику. Посмотрев вперед, я увидела причину испуга в глазах отца. Спинай к нам стояли два вооруженных рослых иракских солдата: один из них был босой и собирался отпить воды, а другой – копошился в своей сумке. Я знаком велела отцу пригнуться к земле и постараться не издавать ни единого звука. Тысяча мыслей в тот момент пронеслась в моей голове, я понимала, что, если мы хоть на долю секунды замешкаемся, нам конец. Отец, казалось, испустил дух, с мертвенно-бледным, цвета извести, лицом он сидел на земле без движения.

«Соберись, Фарангис, – напряженно говорила я себе, чувствуя, как во рту все пересохло. – Будь как мужчина. Это и есть твой час».

Оставив на земле мешки с едой и твердо взяв в обе руки топор, я решительно поднялась и направилась в сторону солдат. Приблизившись к одному из них, который уже стоял босиком в воде, я подняла топор и подобно тому, как срубаю сухие ветви с деревьев, нанесла удар по его голове. Раздался хруст, и солдат рухнул в реку, окрасив ее воды своей багряной кровью. Я резко обернулась ко второму солдату, который испуганно смотрел

на меня. В тот момент, бросив быстрый взгляд на обомлевшего и замершего отца, я подумала, что не допущу, чтобы мы стали чьими-то заложниками, и немедленно стала оглядываться вокруг. Топор мой остался в голове сраженного солдата, и я судорожно начала искать вокруг себя новое оружие. Заметив, что солдат тянется за автоматом, висевшим у него за спиной, я резко нагнулась, подняла острый речной камень и бросила ему в голову. Солдат вскрикнул и отступил на несколько шагов назад. На его голове показалась алая кровь. Все еще держа в одной руке автомат, ладонью другой руки он вытер свой лоб и испугался, увидев много крови, к тому времени уже залившей все его лицо. Польхая от гнева, я с криком бросилась на него, схватила за руку, которая показалась мне меньше моей, и вывернула ее за спину.

– Что ты делаешь?! – закричал оживший отец. – Оставь его!

От боли солдат, так же как и я, дрожавший, начал звать на помощь, чувствуя, что, к его удивлению, я оказалась сильнее и скоро вывихну ему руку. Ощувив это, я сама испугалась, но тут же подумала о своем погибшем дяде, всех тех, кого мы недавно потеряли, и сразу воспрянула духом. Захватив со спины обе руки солдата, не переставшего звать на помощь, я обездвигила его.

– Папа! – крикнула я, посмотрев на опешившего и шокированного отца. – Возьми ружье и топор! Папа! Поторопись!

Немного помешкав, отец сделал так, как я сказала, и, порвав часть мешка, поспешил ко мне на помощь, чтобы связать руки солдата, измазанные в его собственной крови. Я отошла немного в сторону, чтобы перевести дух, и, взяв из рук отца ружье, прицелилась в солдата.

– Двигайся! Если увижу, что делаешь лишние движения, нажму на курок! – угрожала я, говоря то по-персидски, то на курдском.

Испуганный солдат, все еще потрясенно смотревший на труп своего сослуживца, поднялся и медленно зашагал. Я вела его впереди себя, то и дело толкая дулом ружья.

– Фарангис, прошу тебя, оставь его. Могут прийти другие, и мы уже не сможем спастись... – уговаривал меня отец.

В ответ я лишь с уверенностью и резкостью молча посмотрела на отца, и он больше не стал меня отговаривать.

В начале пути я то и дело обращивалась и осматривалась по сторонам, чтобы убедиться, что за нами нет погони. Своего пленного, который время от времени что-то говорил на арабском, я безжалостно вела в гору. По его интонации и испуганному виду было件нятно, что он молит о пощаде, но, помня обо всех наших погибших, я была непреклонна в своем решении не освобождать его. Напротив, от злости, которая меня обуяла, я, казалось, готова была придушить этого высокого и худощавого иракца голыми руками.

На горе нас встретили с удивлением и возмущением, дети, увидев пленного солдата, начали плакать, а моя мать, заметив у меня в руках ружье, закричала:

– Зачем ты привела его сюда? Он принесет нам одни проблемы! Что ты наделала?! За ним вернутся, и нас всех убьют!

Все остальные бойко поддерживали позицию мамы.

– Фарангис, – обратилась ко мне Лейла. – Что ты с ним сделала? Почему у него кровь? Освободи его.

Поведение односельчан обидело меня: кто-то жалел пленного, а кто-то очень боялся возможных смертельных последствий, к которым могло привести его присутствие среди нас.

– Не могу поверить! Неужели вы жалеете их? – возмущалась я. – Мы не должны испытывать ни капли

жалости к ним, ведь это они убили наших близких! Это по их вине мы вынуждены бежать из собственных домов!

– Хвала Всевышнему за все, что у нас есть! Фарангис поступила правильно! – поддержала меня жена дяди. – Замолчите! Чего вы боитесь? Вместо того, чтобы поблагодарить и похвалить Фарангис, вы все ополчились на нее!

– Что ты говоришь? – обратился к ней отец, все еще обеспокоенный всем, что произошло. – На нас теперь лежит грех. Дело не только в этом пленном, Фарангис убила еще одного солдата, труп которого до сих пор лежит в реке.

От обиды, которую я испытывала в душе, от слов родителей, которые меня не поддерживали, у меня, казалось, полыхало сердце.

– Клянусь! – продолжала я. – Была бы моя воля, я бы их всех перебила! Это они убили наших родственников, выгнали нас из домов и сделали несчастными! Представьте, что бы они сделали со всеми нами! Слушайте меня внимательно... Это наш пленник, и я лично отвечаю за него. Поэтому прошу вас не беспокоиться и ничего не предпринимать, я сама сделаю все, что необходимо.

Услышав мои слова, односельчане, столпившиеся вокруг пленного, немного успокоились и стали расходиться, а я тем временем отвела солдата в сторону и посадила у одной из скал.

– Если ты только шелохнешься, я убью тебя так же, как твоего друга! Понял меня?

Мне показалось, что он понял, о чем я говорю, так как молча смотрел на меня и не двигался.

Оставив пленного, я отошла к краю скалы, чтобы перевести дыхание и немного успокоиться, глядя с высоты на наше селение, на наши земли, кладбище... Как много произошло за такое короткое время... От осознания

всего случившегося у меня закружилась голова, и я сказала про себя:

«Ради вас, погибших, я готова убить их всех и отдать в жертву свою собственную жизнь...».

Я обернулась на голос солдата, который к тому времени сидел у скалы среди людей, столпившихся вокруг него. Он повторял:

– Ма! Ма!

Я не знала, что означает это слово, но догадалась, что ему хочется пить, так как он указывал взглядом на бочонок, стоявший неподалеку от него.

– Грешно морить пленного жаждой, – сказала одна из женщин, обернувшись ко мне.

Проходя мимо солдата, я почувствовала, как он в страхе вздрогнул, так как не знал, чего от меня ожидать. Я налила воды из бочонка и принесла ему попить.

Вспомнив, что одна из наших односельчанок умеет говорить по-арабски, я попросила ее встать рядом с пленником и переводить все, что он будет говорить.

– Не двигайся и делай все, что тебе говорит эта девушка, – сказала она ему. – Иначе она тебя убьет.

Я пристально посмотрела на иракца и, убедившись, что тот не предпринимает никаких действий и согласен с тем, что ему сказали, принялась обыскивать его карманы. Достав все принадлежащие ему вещи, я передала их матери, сняла с него часы и кольцо, на которое он тоскливо и с сожалением посмотрел, и приступила к осмотру его сумки, так как понимала, что мне необходимо обыскать его полностью. В сумке я обнаружила его личные фотографии и фотографии его троих детей и, почувствовав, как задрожали мои руки, поспешила отвлечься и не терять присутствия духа. Но взгляд на окровавленного иракца вновь смягчил меня и заставил жалиться.

– Надо перевязать ему голову, – сказала я отцу, – и приложить к ране молотую куркуму с травой, которую мы принесли.

Не двигаясь, пленник наблюдал за тем, как я обрабатываю ему рану и перевязываю голову отрезком ткани.

– Фарангис,пусти его! – постоянно твердила Лейла, дергая за подол платья. – Это же грех!

– Отпустить его?! – резко переспросила я и строго посмотрела на сестру. – Отпустить его, чтобы он нас всех перебил? Если бы мы были его заложниками, ты думаешь, он бы нас отпустил?

Испугавшись этих слов, Лейла больше ничего не ответила, а меня отвлекли крики и слезы детей, которые жаловались на голод.

– Давайте приготовим детям поесть, – предложила я женщинам, которые сидели на земле, обхватив колени.

Совместными усилиями мы собрали хворост, разожгли костер, на котором установили кастрюлю с подсоленной водой и высыпали в нее порезанную картошку, рис и томат.

– Ты только посмотри на нее. Как будто ей нет дела до жизни, которую она отняла, – услышала я голос одной из женщин. – Она как ни в чем не бывало стоит и помещивает еду в кастрюле.

В тот момент мне хотелось ответить ей, но я остановила себя, почувствовав какой-то холод в груди. Я подумала про себя: «Теперь мой дядя не под холодной землей».

Завершив готовку еды, я заметила, что со стороны одного из холмов в нашем направлении идет дядя Хешмат с ружьем в руках и ведет двух пленных иракских солдат. Все встали со своих мест и следили за приближением новых гостей.

– Дядя, у нас тоже есть пленный, – сказала ему я, подойдя ближе.

Пленных дяди, молодых и изнуренных юношей, которые умоляли накормить их, так как они уже несколько дней ничего не ели, мы посадили вместе с моим пленником и дали поесть и попить. Видя, как они жадно и торопливо набивают рты едой, дети вокруг стали смеяться.

– Они говорят, что уже пять дней ничего не ели, – переводила женщина, знающая арабский.

Когда пленным налили чай, они стали бойко общаться друг с другом, тем самым разжигая во мне большое любопытство.

– О чем они говорят?

– Они боятся тебя! – рассмеялась женщина. – Говорят, что будут спать по очереди, а не то ты убьешь их.

Вечером, когда все легли спать, один из пленных, как они и договорились, продолжал сидеть прямо и сохранял бдительность. Я тоже не спала и следила за ними.

– Когда я говорила, что ты стала волчицей, я не врал, Фарангис, – сказала мне мама, увидев, что я не собираюсь спать.

Через некоторое время отовсюду стали раздаваться звуки выстрелов и взрывов, и дядя, позвав меня к себе, сказал:

– Фарангис, подготовь пленных. Мы передадим их нашим солдатам.

Взяв в руки оружие, мы с дядей повели троих пленных вниз по склону.

– Фарангис, будь осторожна, – услышала я голос матери. – Не причиняй им вреда.

– Фаранг, дай им вернуться домой, – снова умоляла Лейла. – Освободи их.

Пройдя немного вниз по горе, дядя Хешмат обернулся ко мне и сказал:

– Я пойду за подмогой. Подожди меня здесь.

Через некоторое время дядя вернулся на внедорожнике в сопровождении незнакомого иранского военного.

В машине я позже заметила еще двух солдат из Корпуса стражей революции, которые помогли нам отвезти пленников в лагерь Сабетхах, где нас встретили другие солдаты: Сафар Хошраван, Алиакрам Парма, а также Немат Кухпейкар. Об этих троих молодых солдатах я уже не раз слышала.

В лагере царила суматоха и было очень много солдат, среди которых особое удивление вызывала я – девушка, находящаяся в присутствии трех иракских военнопленных.

– Двоих этих солдат взял в плен я, а этого – моя племянница, – объяснял всем дядя.

Передав пленных и отдав все, что нами было конфисковано, мы подписали кое-какие бумаги и приготовились уходить, как вдруг дядя обратился к одному из наших солдат.

– Разве нам не дадут какое-либо свидетельство о том, что мы привели пленных?

– Алиакрам Парма сказал, что свидетельство вам непременно выдадут, но на данный момент у нас нет ни бумаги, ни ручек.

– Хорошо, я понимаю. Ничего страшного. Самое главное, что мы передали вам пленных.

Упомянутый Алиакрам Парма спустя некоторое время погиб в бою и так и не успел отдать нам свидетельство о передаче трех пленных иракских солдат.

ГЛАВА 6

Вернувшись на гору, я встретила все еще недовольных маму с Лейлой, осуждающе и неодобрительно смотревших на меня.

«Ничего, – думала я, – когда-нибудь они поймут, что я поступила правильно».

Авезин был все еще в руках иракцев, и все обсуждали, что нам делать дальше.

– Мы не отступим! – бойко кричала я. – И останемся здесь, дожидаясь солдат нашей армии. Нужно лишь немного потерпеть, и мы сможем вернуться в наши дома. Вот увидите, это не займет много времени. Нам нужно подождать лишь еще два-три дня.

Однако эти два-три дня превратились в двенадцать!. Двенадцать долгих ночей провели мы в горах Авезин и Чагалванд, где у нас была только вода. Время от времени мы спускались вниз, чтобы принести муки и испечь хлеб. Кроме того, к нам иногда приходили солдаты иранской армии, они рассказывали о последних новостях и порой приносили с собой что-то съестное.

Однажды во время возни с тестом для хлеба я заметила нескольких приближающихся к нам солдат. Быстро встав, я поспешила вытереть руки и встретила их.

– Что вы здесь делаете? – спросил один из солдат, показавшийся мне главным. – Здесь зона военных действий, и находится тут небезопасно. Вам нужно немед-

ленно отправиться в Гилянгарб или же в селения, которые расположены поодаль от этого места, иначе вы погибнете. Мы сами еле выживаем здесь... Как же вы умудрились прожить тут столько дней?

Солдаты, которые были родом из северных районов Ирана и городов, расположенных неподалеку от Тегерана, долго не могли поверить, что простые жители местных поселений, несмотря на перенесенные трудности, до сих пор оставались и жили в этих горах.

– Неужели вы боитесь? – рассмеялась я в ответ.

– Хочешь сказать, что ты не боишься? – ухмыльнулся другой солдат.

– Нет, я не боюсь! – резко ответила я, прямо посмотрев ему в глаза. – Видишь то место? Там мой дом... Я всегда смотрю туда и думаю: «Это мой дом. И он не достанется врагам». Я готова просидеть здесь еще долго, пока имею возможность возвращаться к себе домой, и готова даже встретить здесь свою смерть.

– Нам лучше идти... – сказал один из солдат, ненадолго задумавшись.

Уходя, я слышала, что солдаты говорили обо мне, но так и не расслышала, что именно они сказали.

«Они просто не понимают, что у меня в душе...» – подумала я.

Солдаты еще не успели уйти далеко, когда я, взяв немного свежее испеченного хлеба, побежала за ними.

– Уверю вас, – сказала я им напоследок, раздав хлеб, – скоро иракцы проиграют, и мы все вернемся в свои дома.

Постепенно молодые ребята, которые ушли на войну, стали возвращаться к нам, и каждый из них делился историей своего спасения. Рахим рассказывал, что ему удалось выжить благодаря тому, что он хорошо ориентировался на нашей холмистой местности и знал все тропинки. Однажды ему даже удалось украсть у иракцев пули для ружья.

Все ребята, узнав о том, что мужчины, отправившиеся за ними, погибли, менялись в лице и долго плакали. Успокаивая Рахима, отец говорил ему:

– Сейчас не время для этих слез. Нам нужно отомстить за кровь наших близких... Жаль, что мои ноги так ослабли.

Рахим взял ружье и встал.

– Куда ты идешь? – взволнованно спросила мама.

– В селение, в степи... во все земли, которые принадлежат нам. Я не позволю им ходить по нашим домам и смеяться над нами.

– Прошу тебя, ради Бога, не ходи никуда. Побудь с нами еще немного. Я еще не нагляделась на тебя, – в слезах взмолилась мама.

– Мама, прости меня... Сейчас нашим домом являются эти горы, но скоро мы вернемся туда, где жили раньше, и все обязательно встанет на свои места.

Мама лишь молча смотрела на Рахима и плакала.

– Да хранит тебя Всевышний, брат, – сказала я. – Как бы я хотела отправиться вместе с тобой.

Закинув ружье на плечо, Рахим стал быстро спускаться по склону горы, а нам с мамой оставалось лишь смотреть, как он удаляется, и молиться...

* * *

Наши войска вели ответные непрерывные атаки и бомбардировки с воздуха.

Однажды небо потемнело от военных вертолетов и самолетов, летевших со стороны Керманшаха. По флагу, который был изображен на нижней части фюзеляжей самолетов, мы поняли, что они иранские, и тут же стали им радостно махать.

– Вы видели наши самолеты? – весело закричал один из односельчан, спустившись с вершины горы. – Это

иранские самолеты! И летчики тоже иранцы! Да хранит их Аллах.

Не успел он договорить, как до нас донесся оглушительный грохот взрывающихся на земле снарядов и выстрелов из вертолетов. Наша авиация атаковала иракские войска в Гурсефиде, сотрясая все вокруг, и рассекала небо, оставляя за собой на земле многочисленные ряды горящих вражеских танков. Во время этой ужасающей по своей мощи сцены женщины и дети кричали, некоторые начали считать, сколько иракских танков уже повержено. Мне захотелось подняться выше на гору, где стоял мужчина, наблюдавший за всем через бинокль. Попросив у него бинокль, я встала на самый высокий камень, чтобы получше разглядеть ход военной операции, и старалась не обращать внимания на обеспокоенную мать, которая беспрестанно кричала мне:

– Фаранг! Спускайся вниз и ложись на землю, пока не начали бомбить и нас!

Слова матери не пугали меня, так как в тот момент мне хотелось лишь одного: видеть, как горят иракские танки. Они вспыхивали один за другим, и по мере их воспламенения я произносила про себя: «Аллах Велик!».

Грохот взрывов разносился по местности с такой колоссальной мощью, что порой со скал сыпались камни. Зажмурившись и зажав уши, дети сидели в безопасном месте и ждали, когда все закончится.

В ту же ночь наши парни, которые отправлялись в Гилянгарб, принесли нам хлеб. Они рассказывали о доблестных поступках наших солдат и о том, что поверженные и изрядно измотанные силы иракцев отброшены назад.

– По воле Божьей совсем скоро мы вернемся в наши дома... – сказала одна из женщин, благодарно и с облегчением вздохнув.

Полные решимости, мы не покидали гору и искренне верили в то, что иранская армия вскоре полностью вытеснит врага с наших земель.

Однажды во время ожесточенных боевых действий мама обеспокоенно спросила:

– А что если иракские войска не отступят? Что мы будем делать?

– В таком случае, как и все люди, мы отправимся в более отдаленные и безопасные города, – ответила жена дяди.

– Не дай Бог! – тут же всполошились женщины. – Что ты такое говоришь?!

В течение всего нашего пребывания на горе мы приоровились к новому образу жизни и днем прятались среди скал и валунов, а ночью, после наступления темноты, когда иракцы покидали наше селение, мы спускались, чтобы заpastись необходимой на день провизией.

Однажды, когда еще рано было спускаться вниз, дети стали плакать и жаловаться на голод; я тут же достала две лепешки хлеба, оставшиеся со вчерашнего дня, и протянула их женщинам, велев слегка намочить и отдать детям. Съев все, что было, дети не переставали плакать, и от их вида у меня сильнее сжималось сердце. Все они были в грязной и рваной одежде, в пыли и со слипшимися волосами. Женщины, которые больше, чем дети, изголодались и устали, жалобно смотрели на меня и словно молча молили о помощи. Не выдержав, я встала и решила отправиться в дом, по которому к тому времени очень истосковалась, чтобы принести что-то поесть.

– Я спущусь вниз и принесу что-нибудь съестное, – заявила я всем.

– Доченька, – тут же взволновалась мама, – куда ты идешь? Ты снова хочешь рисковать своей жизнью? Неужели тебе не хватило прошлого раза?

– Ничего не случится, мама. Не переживайте! Все будет хорошо.

Одна из женщин по имени Кешвар Карами поднялась с места и сказала:

– Я тоже пойду с тобой!

Кешвар, наша соседка, была приблизительно моего возраста и тоже отличалась бесстрашием и храбростью, поэтому я обрадовалась, что отправлюсь не одна. Вместе мы тронулись в путь через поля, которые когда-то возделывали. Теперь все вокруг было покрыто многочисленными осколками и обломками снарядов. К тому времени уже измученная жаждой, я на минуту остановилась и устремила мыслями в те дни, когда вместе с отцом работала на этих полях, не покладая рук. По пути нам встретилось несколько сгоревших танков, следы от гусениц которых все еще были видны на земле.

Вдруг я увидела небольшую группу вооруженных людей, которые шли нам навстречу. Я тут же вспомнила слова Ибрахима. Он предупреждал нас, что при неожиданной встрече с иракскими солдатами нужно поднять руки. Спрятав свой нож под одеждой, я подняла руки и велела Кешвар поступить так же. С поднятыми руками мы продолжили идти навстречу военным.

– Мы пропали... – тихо сказала я.

– Нож ведь с тобой? – спросила Кешвар.

– Да.

– Если что-то пойдет не так, прошу тебя... убей меня, – со слезами на глазах сказала она.

От слов Кешвар мне стало еще хуже, но я изо всех сил старалась держать себя в руках. Солдатам, казалось, не было дела до нас.

– Быстрее бегите по домам! Мы не тронем вас! – крикнул один из них.

– Я побегу к себе домой, – облегченно выдохнула Кешвар.

– А я пойду в наш дом, – ответила я.

Добежав до нашего дома и зайдя внутрь, я почувствовала, как ноги мои подкосились, и чуть не потеряла сознание. Место, которое когда-то было нашей теплой обителью, теперь напоминало кладбище иракцев. Повсюду виднелась кровь, лежали трупы и были разбросаны белые погребальные саваны. В одной из комнат лежал солдат, прислонившийся к стене и испускавший дух. Я долго не могла понять, жив он или мертв. Один из посиневших и отекавших трупов, к руке которого была все еще прикреплена давно закончившаяся капельница, лежал неподалеку на другом матрасе. Я не смогла войти внутрь и, затаив дыхание, торопливо вышла из родного дома, стены которого даже снаружи были вымазаны кровью.

– Боже... – шептала я, не в состоянии прийти в себя от увиденного. – Да не простит вас Аллах... Наш дом превратился в кладбище... в место, где хранятся трупы!

Спустя некоторое время вернулась Кешвар с несколькими мешками еды, которую она смогла достать. Увидев наш дом и состояние, в котором я пребывала, Кешвар окаменела и в безмолвии опустила голову.

– Фаранг, нам надо идти... Хватит тебе уже смотреть на все это.

Я сидела на ступеньках, как окаменевшая, и была не в силах тронуться с места.

– Прошу тебя, Фаранг... – повторяла она, поднимая меня за руку.

– Что ты смогла достать?

– Пойдем, нам нужно унести еще кое-что. Я хочу забрать одеяла и простыни.

Взяв себя в руки, я поднялась и отправилась за Кешвар к ней домой, где мы собрали нужные вещи. Я также зашла в дом моего деверя Гахрамана и захватила несколько предметов, в которых мы нуждались, заметив,

что иракские солдаты за это время успели побывать во всех комнатах и полностью разрушили мастерскую, в которой Гахраман работал.

– Фарангис, давай держаться вместе, – говорила мне с осторожностью Кешвар.

Осторожно и бесшумно выбравшись из селения, мы пустились бегом вдоль трассы, когда услышали, что в нашем направлении пустили автоматную очередь. Пули со свистом пролетали мимо нас, и мы старались бежать зигзагами, чтобы не словить одну из них. Бегом поднимаясь наверх, по пути мы увидели труп человека, бездыханно лежавший на голой земле. В нас стреляли те самые солдаты, которые ранее приказали нам бежать в свои дома.

– Безбожники! – кричала я в ярости, побросав из рук весь груз, который препятствовал быстрому бегу. – Вы же сказали, что не тронете нас!

– Ааа! – неожиданно раздался крик Кешвар.

Обернувшись, я увидела, как одеяла и пододеяльники, которые она несла, вспыхнули от выстрелов и упали наземь.

– Будьте вы прокляты!! – кричала она, продолжая бежать изо всех сил.

В тот момент мы чувствовали, как наслаждаются те солдаты видом нашего бегства и нашей беспомощностью. Слава Богу, мы добежали до горы в целостности и без единого ранения, однако не смогли принести всего того, чем хотели обрадовать односельчан.

В другой раз, когда я снова отправилась в селение за провизией, на обратном пути посреди поля, расположенного неподалеку от Гурсефида, я заметила тело мертвого человека, завернутое в простыню. От мысли о том, что кто-то мог его сюда подбросить, мне стало не по себе. Мне захотелось посмотреть, кто там лежит, но лишь только я направилась к нему, послышался крик:

– Не стой на месте! Беги!

Обезумев от страха, я помчалась по уже ставшей привычной дороге в сторону горы, стараясь найти укрытие, чтобы не выбрасывать те вещи, которые смогла набрать в селении. Через несколько часов, когда я была в безопасности среди своих, к нам пришел один из иранских солдат.

– Будьте осторожны, – сказал он. – Неподалеку отсюда иракцы оставили труп. При малейшем приближении кого бы то ни было к этому трупу они начинают стрелять.

От этих слов у меня кровь застыла в жилах.

– Чье это тело? – спросила я.

– Это труп человека, который пришел в селение узнать о своей сестре. Теперь его тело служит наживкой для невинных... Похоже, совершая такое злодеяние, эти нелюди испытывают какое-то особое удовольствие.

– Да будут они прокляты, – сказала я сквозь зубы. – Они хотят отобрать у нас всё... наши дома, наши жизни...

* * *

Однажды к нам приехал Ибрахим, чтобы проведать и удостовериться в том, что у нас все в порядке.

– Фаранг, вам что-нибудь нужно? – спросил он, немного отдохнув с дороги.

– У нас закончилась вода! – тут же ответили уставшие женщины.

Незамедлительно Ибрахим встал с места, взял пустую канистру и в сопровождении нескольких мужчин отправился вниз, чтобы принести нам воды. Во время их отсутствия мы несколько раз слышали звуки взрывов и выстрелов и очень волновались.

Через некоторое время вернулись Ибрахим с мужчинами в очень бодром и веселом расположении духа. Увидев, как они смеются, я недоуменно спросила:

– Что случилось? Почему началась стрельба?

– Добравшись до селения, один из наших не пошел в дом и остался сторожить. Мы же вошли в амбар, чтобы набрать муки, а сквозь дверную щель заметили, что на берегу реки двое иракских солдат набирают воду в четыре канистры. Забрав две из них, они ушли, чтобы позже вернуться за оставшимися. Но, воспользовавшись моментом, я подбежал к тем канистрам и вылил из них всю воду. Вернувшись за канистрами и обнаружив их пустыми, иракцы тут же переполошились и поняли, что в селении есть еще кто-то, кроме них. В страхе и панике они тут же открыли огонь по округе, из-за чего загорелся амбар.

– Неужели вам совсем не было страшно? Что это за несерьезный поступок с вашей стороны? – взволнованно спросила я.

– Поверь, Фарангис, – ответил Ибрахим, – если бы у меня была возможность, я бы их всех отправил на тот свет!

* * *

Как-то раз по пути мы встретили солдат из КСИР, которых поприветствовали и угостили водой и хлебом.

– Вам нужно уходить отсюда, – сказали они. – Эти места больше не безопасны.

– Разве это не вы говорили нам, что скоро мы сможем вернуться в свои дома? – спросила я.

– Пока ситуация не переменялась в лучшую для нас сторону, и вам необходимо уйти. Женщинам и детям опасно здесь оставаться.

Я обернулась и посмотрела на селение. Мне не верилось, что наш когда-то процветавший дом в руках иракцев превратился в зону военных действий.

В один из моментов моих раздумий, когда я сидела на скале, ко мне подошел отец.

– Фарангис, прошло 12 дней. Это бесполезно... Нам лучше уйти отсюда. Твои братья и сестры умирают с голоду.

– Лучше умереть здесь, чем оставлять наш дом иракцам.

– Вы до сих пор не ушли?! – прервал нас голос одного из иранских военных, которые уже приходили к нам и предупреждали об опасности нахождения в тех краях. – Здесь идет война, и вам нет смысла оставаться! Уходите!

– Это правда! – поддержали их мужчины нашего селения. – Вам лучше покинуть эту гору. Мы останемся и будем сражаться, но женщины и дети должны уйти.

Сима, Лейла, Джаббар и Саттар с беспокойством посмотрели на меня, а мама, казалось, взглядом спрашивала о том, как нам быть. Джаббару и Симе тогда было 6 лет, Лейле – 12, а Саттару – 10, и мне было очень больно смотреть на них и видеть, как они переживают.

– Мы уйдем... – сказала я, решив больше не настаивать, и встала со своего места.

Собрав все вещи, я посадила к себе на спину Джаббара, а мама – Симу, обхватившую ее за шею, и, крепко их привязав, мы были готовы трогаться в путь. Увидев нас подготовленными, остальные женщины встали и, взяв своих детей за руки, пошли вслед за нами. Морально подавленные и не в состоянии что-либо сказать, мы молчали среди колючек под безжалостными солнечными лучами. Напоследок посмотрев на Авезин, я с горечью подумала: «Господи... Вместо того, чтобы идти домой, мы сейчас вынуждены скитаться по пустыням...».

Для меня была нестерпима и ни с чем не сравнима боль при мысли о том, что мы отдали наши земли и дома иностранным захватчикам. Несколько раз я оборачивалась в сторону нашего селения, полей и источника...

– Да бережет вас Всевышний, Авезин и Гурсефид! – крикнула я, помахав рукой.

Все вокруг плакали, дети шли в пыли и в порванной одежде. Они были настолько перепачканы, что слезы оставляли дорожки на их чумазных щеках.

Во время пути Джаббар периодически засыпал и просыпался, каждый раз прося хлеба.

– Потерпи, милый, – говорила я ему. – Скоро мы придем, и ты наешься хлеба вдоволь.

Один из наших односельчан, обладавший необыкновенно проникновенным голосом, пел траурные песни на курдском языке, от которых сжимались наши сердца. Пение его было настолько глубоким и искренним, что все живое и неживое вокруг, казалось, прочувствовало наши страдания.

Устав, мы периодически останавливались в тени больших дубов, которым я чуть слышно шепотом говорила:

– Как же вам повезло... Вы рождаетесь, живете так долго и умираете в одном и том же месте. Как бы я хотела остаться здесь вместе с вами!

Братья и сестры не успевали отдохнуть за время наших привалов и плакали от изнеможения. Не обращая внимания на свою кровоточащую ногу, я по очереди брала их на спину и тащила на себе, пытаясь как-то успокоить разговорами. То и дело прося всех поторопиться, я старалась увести людей как можно дальше, поскольку понимала, что опасность еще не миновала: звуки минометных взрывов преследовали нас повсюду и не оставляли в покое. Издалека мы наблюдали задвигающимися шеренгами танков и лишь тогда осознавали, что находимся в самом эпицентре войны. Ведь, как бы мы ни старались, нам никак не удавалось убежать из-под дождя пуль и снарядов.

Мы пустились в путь утром и к вечеру дошли до Гилянгарба с гудящими и окровавленными ногами, которых уже не чувствовали. Достигнув города, никто не мог поверить своим глазам. Место, которое когда-то было полно прогуливающихся улыбчивых людей, теперь было

окутано печалью. Жители в панике и ужасе бежали куда-то, повсюду были военные, а мужчины с ружьями за спинами в спешке строили укрытия из мешков с песком. В салоне каждой машины, направлявшейся в сторону трассы, ведущей к Гурсефиду, сидели по шестеро молодых людей с ружьями. Никто не отдавал этим людям приказов, они сами знали, как действовать.

Добравшись до дома машхади¹ Фаттаха Рустами, одного из наших родственников, мы облегченно выдохнули и от изнеможения чуть не потеряли сознание. Увидев нас, из дома выбежала женщина и, не веря своим глазам, принялась спускаться с наших спин детей. В доме, который и без нас был уже переполнен беженцами, мы сразу же умылись и жадно набросились на хлеб и сметану, которые принесла нам хозяйка. Поев, мы стали обсуждать происходящее в городе.

– Иракцы дошли до Гилянгарба, но наши войска вытеснили их... – говорила одна из наших родственниц.

По моим рассказам об увиденном и глазам, наполненным слезами, эта женщина поняла, как мне плохо, и сказала:

– Пойдем... Позже ты обязательно примешь решение о том, что делать дальше, а сейчас тебе надо отдохнуть.

Я плакала до самого утра, так и не сумев сомкнуть глаз. Все вокруг обсуждали наши дальнейшие планы.

– Лучше отправиться в города, которые расположены далеко отсюда, – убеждала всех мама.

Папа и Алимардан, отстаивая свои идеи, также спорили и пытались договориться, как лучше поступить.

– Нам нельзя уходить в другой город, – вмешалась я. – Чем больше мы отдаляемся, тем дальше окажемся от нашего дома. До каких пор еще иракцы собираются оставаться здесь?!

¹ Машхади – так называют человека, совершившего паломничество в Мешхед к могиле имама Резы (прим. ред.).

– Если нам и суждено умереть, то лучше вдали отсюда, – говорили некоторые мужчины.

– Жители Гилянгарба создали добровольные формирования. Среди них, например, есть группа Аскара Бахбуда, группа Сафара Хошравана и другие. Командиры каждого формирования отправляются в КСИР, чтобы собрать необходимое оружие для ведения войны и обороны, – сказал Фаттах Рустами.

– В таком случае знай, что мы вернемся в наши дома, и нам нельзя уходить дальше. Оставшись здесь, общими усилиями мы сможем одержать вверх над врагом, так как иракские солдаты не знают эту местность так же хорошо, как мы.

– Ибрахим и Рахим, твои братья, являясь членами одного из формирований, сражались в Гурсефиде.

Услышав эти слова, я не смогла сдержать слез.

– Мы их всех вверяем Всевышнему. Все будет хорошо...

Рано утром, поев и выпив чая, все решили отправиться в сторону гор Челле, чтобы быть чуть дальше от военных действий на случай, если иракцы прорвутся в Гурсефид.

Найдя какие-то старые туфли, я надела их и обмотала сверху тряпками, чтобы они не так быстро порвались в дороге, и, посадив Джаббара на спину, снова готова была тронуться в путь. На этот раз нас было сорок человек, и, добравшись до Челле, где уже укрывалось множество мужчин, женщин и детей, мы поздоровались с теми, кого знали.

– Фарангис, мы слышали, что ты захватила в плен иракцев! Молодец! Наша девочка! – кричали мне некоторые из них.

– А вы откуда узнали?

– От наших солдат! – улыбаясь, отвечали женщины.

Через некоторое время, когда мы обустроились, пришли представители гуманитарной помощи и раздали всем палатки, лампы и одеяла.

С горы мы видели, как иранские и иракские войска бомбят друг друга. В оцепенении и ужасе мы смотрели на то, как с небес над нашими головами летят снаряды, и были не в состоянии тронуться с места.

Ночью в палатке было тепло, я лежала у ее выхода и с болью в сердце смотрела на своих маленьких измученных братьев и сестер, которые ворочались и никак не могли уснуть на каменной земле.

– Ну-ка, скажите мне, у кого там мягкая подушка? – шутила я, тут же видя их ответные улыбки. – Ох, если бы вы только знали, насколько чудесная и мягкая подушка у меня!

– Руле, когда мы вернемся домой? – вдруг серьезно спросила Лейла.

– Когда наши солдаты победят. Лейла, помнишь, как ты жалела иракского солдата, которого я когда-то привела? А он ведь и был одним из тех, кто выгнал нас из дома.

Ничего не ответив, Лейла лишь с беспокойным лицом смотрела на звезды, которые в ту глубокую ночь казались как никогда близко к земле. Я вспомнила, как когда-то в детстве летом безмятежно смотрела на такое же красивое звездное небо, а теперь была под тем же невероятным небом, но в окружении несчастных уставших беглецов и своих изнуренных маленьких братьев и сестер. Все эти мысли и чувства нахлынули на меня в темноте с такой силой, что я не смогла сдержать горьких слез.

Утром мой двоюродный брат Сейед Мухаммад Рустами обратился ко мне:

– Фарангис, дети здесь умрут от голода. Нам нужно идти дальше и остановиться там, где сможем выжить. Не уходя слишком далеко, нужно на время обосноваться там, где есть пропитание.

– Ты прав... – ответила я, понимая, что в том месте, где мы оказались, действительно было невозможно находиться.

Решено было отправиться в город Кофравар. Снова собрав все вещи, мы тронулись в путь и шли, пока не дошли до отделения дорожной полиции, недалеко от которого было много солдат из КСИР, армии и народного ополчения. На военных машинах они увозили людей подальше от горячих точек. Увидев нас с детьми, водитель одной из машин остановился:

- Заберите нас отсюда! – закричали мы.
- Куда вы хотите ехать? – спросил солдат.
- В Кофравар, – поспешно ответила я.

В этом городе, расположенном недалеко от нас, жил наш родственник по отцовской линии по имени Нухас. Уставшие и безумно изголодавшиеся, мы, двадцать человек, благодаря солдатам поздно ночью добрались до дома дяди Нухаса. Он и его семья, состоявшая из восьми человек, радушно приняли нас в своем большом доме и сразу же определили всем место для отдыха.

– Ни в коем случае я не допущу, чтобы мои дорогие гости и родственники так страдали и мучились, пока я жив! – говорил дядя, решив зарезать для нас барана.

Я заметила, что веселье и радость вновь вернулись в сердца моих малышей.

Женщины тем временем развели костер и, положив в кастрюлю куски мяса, установили ее над огнем. Через некоторое время мы отведали очень вкусное блюдо и, довольные, легли спать.

На следующее утро мои муж и отец обратились к дяде Нухасу:

- Большое вам спасибо!
- Мы искренне благодарим вас за гостеприимство, но нам не хотелось бы вас сильно стеснять, поэтому просим лишь об одной комнате для ночлега. Мы будем сами себя обеспечивать.

– Что вы мне такое говорите! – возмутился дядя Нухас. – Неужели вы хотите, чтобы я отделил свою скатерть

от вашей?! Все, что у нас есть, мы поделим поровну и будем есть вместе.

– Мы знаем, Нухас, что ты за человек! – улыбнулся отец. – Но мы не согласны. Ты же ведь не хочешь, чтобы мы беспокоились и переживали о чем-то? Если тебя все же волнует то, о чем мы думаем, то прошу тебя: сделай так, как мы просим, и выдели нам одну комнату.

Дядя Нухас в конце концов вынужден был сдаться и определил нас всех в одну очень просторную комнату.

Жители селения, в котором жил дядя Нухас, были очень благородными и добрыми людьми. Они приходили проведать нас и предлагали свою помощь и жилье, однако мы отказывались и просили лишь о работе, за которую могли бы получать пропитание, чтобы быть в состоянии себя обеспечить. В ответ мы слышали от них лишь шутки и отнекивание, но благодаря обращению Нухаса ко всем жителям с просьбой помочь нам в наших пожеланиях на следующее утро нам предложили отправиться в поле, чтобы собирать хлопок.

Утром я, Алимардан и отец отправились на наши новые заработки.

– Папа, видишь, какой великий у нас Бог? – обратилась я к отцу. – Он не просто приютил нас, но и работу дал.

– Да, брат мой, Руле, – как обычно, улыбаясь, ответил он.

Вечером, уставшими вернувшись в дом дяди Нухаса, мы поели хлеба и сразу принялись рассуждать о том, когда и как вернемся к себе домой. Во время сбора хлопка я забывалась и не осознавала, где нахожусь, но стоило мне остановиться, как я понимала, что мы совсем не в Гурсефиде и уже прошло много часов работы.

Однажды я увидела машину, в которой сидели убитые горем пожилые мужчина и женщина. Мы тут же побежали к ним.

– Что случилось? С вами все в порядке? – спросил у них отец.

– Почему нас не оставляют в покое и не дают спокойно умереть?! – сквозь слезы воскликнула женщина.

– Что вы... Зачем же вы так говорите? – заботливо поинтересовалась я.

– Нас привезли сюда против нашей воли, – ответил старик. – Мы не хотели никуда уезжать. Лучше бы мы остались в нашем доме и умерли там!

От этих искренних и полных горечи слов пожилого мужчины у многих выступили слезы на глазах.

– Дорогой отец, – поспешил вмешаться водитель, – как же я мог вас там оставить среди постоянно взрывающихся бомб?

Пока все расспрашивали наших новых гостей, я отправилась в поле, где мы собирали хлопок, и вдоволь дала волю чувствам, переполнившим меня. Я долго плакала и думала над тем, что услышала.

«Ох, если бы я сама сейчас была мертва...» – говорила я себе, искренне понимая то, о чем говорил тот пожилой мужчина.

Немного успокоившись, я вернулась к ним и, увидев, что они до сих пор плачут, сказала:

– Дорогие, прошу вас, не плачьте... Это не бегство, это временное отступление. Дай Бог, мы вернемся и обязательно уничтожим наших врагов.

* * *

Спустя некоторое время я предложила отцу поехать в Дире, селение, расположенное недалеко от Гурсефида, где жил мой дядя Хайдан Парван. Все понимали, что мы уже очень долго задержались в Кофраваре, поэтому мое предложение было встречено с поддержкой, тем более что в доме дяди Хайдана нам было бы более комфортно.

Попрощавшись с дядей Нухасом и всей его семьей, забрав с собой нужные вещи, мы отправились в путь. По дороге мы останавливались в тени дубовых и хвойных деревьев и перекусывали хлебом, пока в середине своего пути не увидели военную машину, водитель которой посадил нас к себе и довез до Дире.

В этом покрытом зеленью селении с благоприятным климатом местное население занималось выращиванием различных сельскохозяйственных культур, таких как рис, кукуруза, кабачки, баклажаны, бобовые, кунжут, помидоры и многое другое. Я никогда не бывала на севере Ирана, но люди, которые ездили туда, рассказывали, что Дире своей природой очень напоминает те регионы. Мне же это селение показалось райским местом. Степи и леса были такими бескрайними, что казалось – им и вправду нет конца. Увидев большие зеленые деревья, покрывающие своей пышной и благородной красой все близлежащие горы, дети не могли не восхищаться и не радоваться, а я лишь со стороны наблюдала за ними и чувствовала неопишемую радость в ответ.

В доме у дяди Хайдана нас приняли очень радушно.

– Дядя, если не хочешь, чтобы нам было неудобно, дай нам, пожалуйста, работу, – сказали мы ему с самого начала.

Сперва он отрицательно воспринял эти слова, но, зная наш характер, не стал долго препираться и поручил моему двоюродному брату Джафару все дела и заботы о нас.

Дире представлялось таким спокойным местом, что казалось, будто иракские солдаты никогда не смогут дойти до этих краев, хотя периодически над нашими головами во время сбора хлопка и пролетали военные самолеты. Дети, за последнее время несколько осмелев и отвыкнув от войны, гримасничали и кривлялись им вслед.

– Неужели вы не боитесь? – недоумевал Джафар.

– А чего нам бояться? – в ответ кричали они, заодно считая, сколько снарядов на этот раз было сброшено с самолетов.

– Эти самолеты точно следили за нами! Только так они могли узнать об этом месте, – говорила я.

– Тогда давайте уезжайте отсюда, – шутил Джафар. – В таком случае они оставят нас в покое.

С утра до полудня мы работали, затем готовили обед и, поев, снова уходили в поле для сбора хлопка. Однажды в полдень, когда закончилась очередная порция работы, я быстро вернулась домой, испекла свежий хлеб и захотела порадовать всех сюрпризом и приготовить что-нибудь очень вкусное на обед. Решив сделать рагу из помидоров, баклажанов и кабачков, я взялась за дело. Приготовив еду в большой кастрюле и заварив свежий чай, я взяла все это и отправилась в поле, где все были заняты работой.

Позвав семью к скатерти, которую накрыла в тени большого дерева, я принялась разжигать костер, чтобы вскипятить воду для чая. Дети радостно подбежали на запах вкусной еды и были безумно счастливы. Все вокруг смеялись, так как для нас те моменты жизни действительно были поводом для душевного ликования.

– Не торопитесь! Не торопитесь! Сейчас всем по очереди положу еды! – смеялась я с половником в руках, накладывая всем поесть.

Неожиданно нас оглушило грохотом бомбы, взорвавшейся недалеко от нас. Вторая упала где-то в поле, а за ней посыпался град падающих с неба снарядов.

– Не разбегайтесь! – отчаянно кричала я. – Будьте рядом со мной!

Собрав детей, я бегом повела их в сторону горы, где было безопаснее среди скал и камней. Видя, как вокруг все рушится и взрывается, мы притаились там и про-

сидели до ночи, дождавшись полного окончания бомбардировки. Разбитые и поникшие, мы брели домой с мыслями о том, что теперь и в этом месте небезопасно жить и нам снова придется вернуться к жизни беглецов, бесконечно ищущих жилье и пропитание. Снова по ночам мы выбирались в селение за едой, а затем возвращались на гору, где проводили весь день.

– Фарангис, – обратился ко мне тогда в шутку Джафар, – ты все-таки была права! Они взяли твой след, и теперь из-за тебя мы в опасности! Ты посмотри, что они с нами делают!

ГЛАВА 7

Обстрелы и бомбардировки становились все интенсивнее, поэтому уже через шесть дней мы поняли, что нам нужно покидать и это место. Собрав вещи, мы снова пустились в бегство через горные перевалы Бандеруш, и на этот раз с нами отправилась вся семья дяди.

– Нам надо найти убежище подальше отсюда, – говорил дядя, – поэтому я думаю, что будет лучше отправиться в селение Гуавар.

Свернув с горного пути, мы спустились к трассе, где заметили ехавшую навстречу нам военную машину.

– Да воздаст вам Всевышний благом! – крикнул из машины водитель. – Что вы тут делаете? Вам что, жить надоело? Быстрее садитесь в машину. Я отвезу вас куда-нибудь, где безопаснее.

Проехав полпути с этим отзывчивым солдатом, мы добрались до Гуавара, где были сконцентрированы иранские боевые формирования. Это место находилось вдали от зоны боевых действий, поэтому мы сразу почувствовали, что оказались в безопасности. Получив в тот же день вещи первой необходимости, палатки, одеяла и керосиновые лампы, мы легли спать, сильно уставшие после изнурительной дороги.

Пребывая в военном городке, в течение нескольких дней мы следили за тем, что происходит вокруг, и каза-

лось, что нас забросило в место, находящееся где-то на перепутье между войной и небом.

– Я больше так не могу, – однажды не выдержав, сказала я мужу. – Алимардан, давай уедем в Дулаби? Женщины говорят, что многие нашли себе там безопасное убежище, которое, к тому же, близко к Гилянгарбу. Здесь мое сердце очень неспокойно.

– Хорошо, – сразу же согласился Алимардан, видя мои страдания.

Дядя, которому было в Гуваваре еще хуже, чем мне, тут же, не раздумывая, согласился с моей идеей, а родители захотели отправиться в Махидашт, город, который располагался еще дальше и, соответственно, представлял собой еще более безопасное место. В очередной раз собрав все вещи, мы отправились к трассе, чтобы найти какую-нибудь попутную машину. Посадив родителей с детьми в одну из них, отправляющуюся в сторону Махидашта, мы остались ждать ту, что подвезет нас до Дулаби. В результате, сев в большой военный автомобиль, наполненный иранскими солдатами, мы начали наш путь в новое и неизведанное место.

– Все стараются побыстрее убраться из этих краев, а вы едете туда, где совсем небезопасно, – говорил нам удивленный солдат.

– Почему вы так поступаете? Какой вам смысл направляться в эпицентр военных действий? – спрашивал другой. – Уезжайте в Хамадан, Тегеран или Исфакан.

– Брат, вы не знаете, что мы испытываем и какие чувства не дают нам покоя, – пыталась объяснить им я. – С рождения, едва открыв глаза, мы видели эти места и выросли здесь. Как нам оставить всё это?

Доехав до Дулаби, окруженного горами и холмами, мы заметили множество палаток, установленных в ущелье рядом с рекой, которая там протекала. На сердце сразу стало очень спокойно и хорошо.

«Может быть, когда-нибудь ночью я смогу сходить к нам домой», – мечтала я.

Еще никогда я не видела такого количества палаток в одном месте. Под каждым большим дубом стояла палатка семьи из какого-нибудь иранского селения. Сама гора, а не только ущелье, до самой вершины также была усеяна людьми. По прибытии нам тоже выдали одеяла, палатку, канистру с водой и переносную керосиновую печку.

Всё, что мы могли делать в нашем новом месте обитания, – это наблюдать за проезжавшими мимо автомобилями. Несмотря на желание заняться хоть каким-то делом и заработать на определенные нужды, работы в тех местах было не найти. Погода становилась холоднее, поэтому мы были привязаны к одной-единственной лампе-керосинке, дававшей хоть какое-то тепло. Несмотря на то, что порой приезжали грузовики с бесплатным керосином, его все же не хватало и возникала острая необходимость покупать больше. Те, кто имел хоть какие-то средства, купили небольшие баллоны, в которых хранили так быстро расходовавшийся керосин. Кто-то держал его в бочонках или бутылках, но мы с Алимарданом были из числа самых бедных, не могли позволить себе покупку новых запасов керосина и были вынуждены использовать лишь три небольших канистры, которые Алимардан привез из близлежащего селения.

Однажды, оставшись без единой капли керосина и замерзая от холода, мы стали думать, что делать. Простить у кого-то в долг не хотелось, так как мы понимали, что в условиях нагрянувших холодов керосин был жизненно необходим каждой семье без исключения. Неспособная бездействовать, я попросила Алимардана пойти за мангалом, а сама посреди ночи, закутавшись в одеяло, отправилась рубить хворост. Когда Алимардан вернулся с мангалом, мы сожгли хворост, а оставшиеся угли

унесли с собой в палатку, которая через некоторое время заметно согрелась.

– А что теперь? – спросил Алимардан. – Мы ведь не сможем долго находиться в палатке, здесь страшно пахнет гарью.

– У меня есть мысли на этот счет, – улыбнулась я.

Взяв из мешка горсть соли, я принялась засыпать ею угли, которые стали дымить гораздо меньше.

– Фарангис... прости меня... – неожиданно сказал сникший Алимардан, опустив голову.

– За что? Что ты говоришь? Мы же не в своем доме находимся, мы в бегах и вынуждены принимать какие-то меры. Нам просто нужно проявить терпение...

Я вышла из палатки и стала смотреть на реку Дулаби, словно змейка, извивавшуюся по ущелью. Она была очень ценной для нашей жизни в горах, поскольку из нее мы брали питьевую воду, мылись и стирали в реке. По обеим ее сторонам возвышались холмы и скалистые вершины, среди которых были рассыпаны многочисленные палатки беженцев. Много раз мы с семьей проходили мимо этой реки, когда я была маленькой, но я никогда и подумать не могла о том, что когда-то здешние места станут для нас убежищем и ночлегом.

Как я уже говорила, единственным занятием для людей было наблюдение за потоками военных автомобилей. И мы уже знали, что, когда их становилось больше, это означало, что иранские войска начали наступление на врага. Я молилась за наших солдат и думала о своей семье, которая, разделившись с нами, отправилась в селение неподалеку от Махидашта. Я очень переживала за них, так как до сих пор не получила ни одной весточки, а также не знала, все ли хорошо у моих отправившихся на войну братьев Рахима и Ибрахима.

Внезапно мои мысли прервали крики женщины, выбежавшей из своей палатки.

– Скорпион! Скорпион! – кричала она в панике.

Я побежала к ней вместе с остальными. В палатке, увидев среди одеял скорпиона, мы тут же убили его ударом камня.

В той местности, где мы проживали, было очень много скорпионов, змей и ящериц, которые еженощно беспощадно жалили людей. Между скалами мы часто наткались на многочисленные логова скорпионов.

Порой я выходила из палатки и, набрав полный кувшин воды, принималась искать норы скорпионов. Еще с детства я знала, в каких местах они обитают и как сильно они боятся воды. Наливая в их норы воду, я выгоняла этих черных вредителей из укрытий и туфлей или камнем убивала одного за другим: ведь любой из них мог нанести смертельный укус ничего не подозревающим детям, которые ходили вокруг.

Таким делом я ежедневно занимала себя, пока находилась в тех горах.

* * *

Через некоторое время вражеские войска, обнаружив наши палатки в горах, принялись изводить нас, применяя один из методов военного психологического воздействия. Их самолеты кружили низко над нашими головами и сводили с ума невыносимым ревом двигателей. Позже от солдат мы узнали, что то, чем они занимались, называлось преодолением звукового барьера; когда самолеты отлетали от расположения своих войск в сторону мирных поселений, пилоты давали нам знать, что они уже близко. Во время их полетов шум от самолетов раздавался среди скал с такой невыносимой силой, что нам казалось, что мы скорее предпочтем взрывающиеся среди нас бомбы, чем эту звуковую атаку.

Казалось, нас поймали в ловушку. Вражеские самолеты не давали нам покоя с неба, порой сбрасывая

бомбы, а скорпионы и змеи доводили до паники, выползая из-под земли.

Зимой даже после выпадения снега мы были вынуждены оставаться в тех краях, замерзая от невыносимого холода. Лампы уже не могли обеспечить нас теплом в палатках, и мы все сидели с красными обмороженными конечностями, укутавшись в одеяла и дрожа. Вместе с этими нестерпимыми холодами к нам все ближе подступали и дикие хищники, поэтому в каждой палатке имелось ружье, которое пускали в ход при малейшем приближении волков.

Многих стали посещать мысли о том, что затянувшаяся война скоро выгонит нас и из Дулаби, поэтому никто не удивился, услышав однажды слова иранского военного, обратившегося к нам в рупор из автомобиля:

– Всем сейчас же нужно уехать отсюда! Враг близко! Необходимо начать отступление!

Люди принялись в слезах разбирать свои палатки и собирать вещи. Снова предстояли скитания...

Собрав все вещи, мы с Алимарданом сели в один из военных автомобилей, который через час снова привез нас в Гуавар, где силы гуманитарной помощи посреди равнины соорудили лагерь для беженцев. Каждой семье выделили по палатке и выдали вещи первой необходимости.

Единственное, что меня успокаивало, – то, что родители с братьями и сестрами сейчас находятся в безопасности и им не нужно никуда переезжать.

Постепенно в лагерь начали прибывать члены организаций, оказывающих гуманитарную помощь пострадавшим от военных действий. Они стали строить своеобразный городок из небольших домиков в одну-две комнаты, чтобы беженцы не так мучились от холодов или жары.

Я сидела перед домиком, который строили из камней и глины для нашей семьи, и размышляла про себя:

«Фаранг, значит, эта война будет длиться еще долго... Значит, еще не скоро мы сможем вернуться домой».

Когда семьям стали распределять дома, все плакали, хотя, казалось бы, получение дома должно было стать радостным событием. Для нас же это было страшным горем и знаком того, что мы еще долго вынуждены будем находиться вдали от своих родных домов. Каждый из нас понимал, что впереди всех ждет время новых испытаний и трудностей, которые необходимо терпеливо преодолеть.

Мне было 20 лет, когда я в очередной раз обнаружила, что была беременна в течение двух месяцев и потеряла ребенка. Этого удара судьбы я не ожидала и с трудом смогла перенести. Алимардан, видя мое утомленное и убитое состояние, изо всех сил старался успокоить меня и поддержать.

– Если Всевышний захочет, Он обязательно подарит нам ребенка. Прошу тебя... не переживай, – говорил он.

Я переживала обо всем: о родителях и маленьких братьях с сестрами, которые живут вдали в другом селеении; о братьях, которые ушли на войну и от которых до сих пор ничего не слышно; о своем доме, в котором теперь орудут иракские солдаты...

Однажды, сидя перед домом, погрузившись в размышления и глядя на небо, я вдруг заметила вражеские самолеты. Не успел раздаться пронзительный звук сирены, как на город один за другим стали сыпаться снаряды. Вместо того, чтобы, как обычно, отправиться на бомбардировку города Керманшах, на этот раз иракцы решили совершить нападение на лагерь беженцев. Самолеты, которые обстреливали нас, летели очень низко, и мы были совершенно не готовы к этой атаке. Городок, который строили с таким усердием, был в мгновение стерт с лица земли, вокруг слышались душераздирающие крики, стоны и плач. Женщины сидели над трупами и держались

за головы, дети плакали, а некоторые раненые, лежа на земле, стонали и звали на помощь.

Я помогала занести на носилках в машины скорой помощи женщин, которые были ранены. Никогда не забуду слезы потерявшего мать ребенка, которого держала за руку другая женщина...

Саддамовские силы могли нагрянуть в любой момент, поэтому лагерь тоже превратился в небезопасное для мирного населения место. Услышав звуки сирены, мы тут же замечали на небе иракские самолеты, которые обрушивали с неба снаряды на наши головы.

Условия жизни в городке становились все тяжелее. Заболевших детей мы были вынуждены лечить без лекарств, используя лишь подсоленную воду, средств передвижения также не было. Через некоторое время к нам привели темнокожего врача-пакистанца, который не умел говорить по-персидски, но хорошо знал свое дело. Однажды он своевременно сделал необходимую инъекцию ребенку, которого ужалил скорпион, и малыш вскоре пошел на поправку. Далее, с появлением других пакистанских врачей, жизнь наша стала заметно облегчаться. Теперь нам не приходилось так сильно переживать, когда дело касалось здоровья и лекарств.

Зиму мы проводили в Дулаби, а лето – в Гуаваре. В обоих местах построили городки для беженцев, бывших родом из Касре-Ширин, различных близлежащих сел и деревень. Однако после усиления бомбежек Дулаби многие люди покинули те места и отправились в Далаху и Керманшах к своим родственникам. Гуавар, который также время от времени атаквали самолеты, постепенно опустел, а мы превратились в изнуренных жизнью в палатках людей, у которых не было сил ни пожалеть себя, ни убежать от этой войны.

Периодически людям раздавали продовольствие: горох, фасоль, чечевицу, рис и другие продукты. Однако

так как ни у мужа, ни у меня не было никакой работы и, как следствие, средств к существованию, того, что нам раздавали бесплатно, не хватало. Подобная жизнь измучила нас обоих.

– Фарангис, если хочешь, мы можем уехать в Исламабад, – предложил мне как-то Алимардан, видя мои переживания. – Там живут два моих брата, в доме одного из них мы сможем остаться, пока все не утихнет.

– Но что нас там ждет? Мы станем для кого-то тяжелым бременем и, к тому же, отдалимся от Гурсефида, – сомневалась я.

– Давай хотя бы сейчас поедem. Обещаю, что дальше Исламабада мы никуда не уйдем. Мы сможем найти там работу, а здесь мы как без рук, и я вижу, как ты мучаешься.

– Ты прав... – ответила я, немного подумав.

В итоге рано утром мы с мужем отправились в Исламабад, где в небольшом, но комфортабельном доме недалеко от горы жил его брат – Реза Хаддади. Добравшись до места, Алимардан сразу же занялся поиском любой доступной работы и в конце концов с облегчением нашел ее.

По утрам, проводив мужа на заработки, я тоже выходила из дома и шла к горе, которая возвышалась неподалеку, чтобы не быть обузой для домашних. Невестка Кешвар Мансури часто подходила ко мне и говорила:

– Фарангис, прошу тебя, не думай, что ты доставляешь нам неудобство. Это гордость для нас, что ты живешь в нашем доме. Не уходи.

– Спасибо тебе за добрые слова, Кешвар, но ты даже представить себе не можешь, что я чувствую.

Я хотела работать в полях, заниматься домашними делами, готовить еду, собирать хлопок, получать зарплату и просто жить... Однако в том доме я не могла ничем заняться.

Однажды, сидя на склоне горы и глядя в сторону дома Резы, я подумала о том, чтобы построить свой собственный домик. Ведь нет разницы, где он находится, на горе или на равнине, это все же дом. У меня, конечно, не было навыков строительства, но идея построить хотя бы одну личную комнату меня несколько оживила. Обрадовавшись своей новой затее, я поспешила вернуться в дом и поделиться со всеми своей затеей.

Оба брата мужа, Реза и Неймад, вместе со своими женами, Кешвар и Газаль, сидели в гостиной и, выслушав меня, взволнованно спросили:

– Фарангис, разве мы тебя гоним из дома? Зачем тебе это?

– Нет, конечно, меня никто не выгонял, но мне очень важно иметь свой собственный дом и очаг.

Алимардан, хоть и не был в восторге от моей идеи, не пытался меня отговорить, так как знал, что, если мне в голову что-то пришло и я поставила перед собой цель, я любой ценой ее добьюсь.

– Вот увидите, – ликовала я, – с помощью Аллаха я обязательно построю этот домик. У меня все получится!

На следующее утро я снова отправилась на гору и обратилась к Богу:

– Боже, я знаю, что это трудно, но я прошу у Тебя о помощи, чтобы я смогла построить дом на Твоей земле. Я очень устала жить жизнью беглеца...

Я не рассказала никому о том, что снова беременна, так как знала, что, узнав об этом, мне бы точно никто не разрешил воплотить мою идею, не дававшую мне покоя. Закатав рукава и подняв подол платья, я сказала себе:

– Фарангис, это не тяжелее, чем работать на поле. Не бойся! Ты сможешь!

Первым делом я начала выкапывать большие и средние камни, чтобы выровнять землю там, где собиралась построить дом. Со стороны за мной наблюдал Алимардан.

– Дай мне хотя бы помочь тебе, – сказал он.

– Ты не обязан.

В ответ он так посмотрел на меня, что я больше не возразила ни слова.

У меня с детства был такой характер. Я всегда делала так, как говорила, и отвечала за свои слова прежде всего перед самой собой. Пообещав как-то соседским детям, что построю себе домик на горе, я его в результате построила и огородила камнями, наказав всем, кто приходит ко мне в гости, стучаться. Погрузившись в эти воспоминания, я порой улыбалась, а иногда – плакала.

Женщины, жившие неподалеку от горы, сидели на крыльце своих домов и, улыбаясь, наблюдали за тем, что я делаю, но я не обращала на них внимания и старалась ни на что не отвлекаться. Взяв с собой лишь бочонок с водой и стакан, я пила, когда уставала, а затем сразу же продолжала работать.

– Эй, там, внизу! – порой кричала я тем, кто проходил мимо. – Берегитесь обвала!

Затем я по одному скатывала ненужные камни вниз по склону горы, забывая о том, что я беременна и мне надо быть осторожнее. Жизнь, которой я до этого жила, все наши мучения и нескончаемое бегство заставляли меня забыть обо всем.

Подготовив землю под основание дома, я воскликнула:

– Боже, хвала Тебе! Теперь у меня есть земля! И благодаря Тебе мой ребенок все еще со мной!

Возвращаясь домой, я стала замечать, что домашние стали еще более серьезно воспринимать мою идею.

– Фарангис, – обратился ко мне как-то Реза, – люди вокруг подумают, что это мы вынудили тебя строить дом отдельно. Оставайся лучше у нас. У нас ведь нет никаких разногласий.

– Нет, у нас и вправду нет разногласий, но я хочу достроить этот дом и довести свое дело до конца. Я не знаю, когда вернусь в Гурсефид, поэтому позволь мне хотя бы здесь построить собственный дом.

– Какой у тебя план? – улыбнулся в ответ Реза. – Какому инженеру поручишь строительство?

– Я сама нарисую план и проект. В доме будет одна комната и маленький туалет.

На следующее утро я отправилась на рынок, чтобы купить необходимые строительные материалы. Заказав машину песка, я приступила к работе над домом не хуже любого мужчины-строителя. Алимардан помогал мне ставить камни один на другой, и в скором времени у нас получилась комната размером в 9 квадратных метров. Теперь мне предстояло найти балки и доски для сооружения крыши, с чем мне помог Реза. Утром он пришел к нам на гору с несколькими досками, которые мы общими усилиями установили в качестве крыши, а вместо двери и окна я закрепила клеенку. Слезы наворачивались на глаза при взгляде на наше новое обиталище, и радостью наполнялось душа от чувства обретения собственного дома.

Поспешив вернуться в дом к Резе, собрала необходимые вещи и обратилась ко всей семье:

– Спасибо вам большое за все то, что вы для нас сделали. Теперь пришло время переезжать в свой собственный дом.

– Куда ты прощаешься? Мы пойдем с тобой! – смеясь, отвечали они. – Как ты только умудрилась построить домик на горе?!

– Я же Фарангис. Это вам не шутка!

– Вот, здесь я собрала для тебя всякую утварь, Фарангис. Пользуйтесь на здоровье, – сказала Кешвар, протягивая мне мешок. – Поздравляю вас с переездом.

От этих поздравлений мне на сердце стало одновременно радостно и грустно.

Мы все вместе поднялись в домик и разложили вещи, но только после ухода Резы и Кешвар уже затемно я вспомнила, что в нашем доме нет электричества и воды.

– Что теперь будем делать? – спросил Алимардан.

– Завтра купим на рынке лампу, – не растерявшись, ответила я.

Узнав, что мы живем с одной лишь лампой, Кешвар как-то спросила, не страшно ли мне по ночам. Но мне совсем не было страшно. Напротив, я радовалась, что теперь имею свой собственный дом и могу, проводив мужа на работу, заниматься делами по хозяйству, которое у меня было невелико. Мы жили с одной кастрюлей, керосиновой печкой и несколькими ложками и вилками.

Первое время после переезда к нам ежедневно приходили люди из соседних домов, чтобы посмотреть на необычный домик на горе. Все выражали свое удивление и подбадривали меня. Даже муж однажды сказал:

– Фарангис, ты такая молодец, что сделала это. Должен признать, что строительство домика было правильной затеей.

Видя, как взрослые и дети восторгаются и хвалят нашу небольшую комнатку, я лишь говорила про себя:

«Боже, благодарю Тебя за все, что Ты нам даровал!».

Жизнь на горе без электричества и воды была трудной, и мне приходилось рано утром спускаться с пустыми бочонками, чтобы набрать в них воды. Ночью же я старалась экономить керосин в лампе, так как света луны было достаточно для освещения.

Наша новая обособленная и независимая жизнь на горе не могла меня не радовать. К нам приходили родственники, чтобы проверить, все ли у нас в порядке, да и мы сами часто приглашали гостей.

Однажды, сидя на камнях перед нашим домом, я провела рукой по своему пока еще незаметному животу и тихонько сказала:

– Малыш, ты родишься в своем собственном доме. Дитя гор...

На четвертом месяце беременности я решила наконец объявить о своем положении.

– Кешвар, мне бы хотелось сшить что-нибудь для малыша, которого мы ждем.

Опешив и удивленно посмотрев на меня, она взволнованно сказала:

– Фарангис, что ты говоришь... Почему ты нам не сказала? Ты уверена, что он здоров и с ним все хорошо? Как же, живя в таких условиях и строя дом, ты избежала выкидыша?

– Всевышний хранит нашего ребенка.

На те небольшие деньги, которые заработал Алимардан, я купила немного ткани и сшила одежду для малыша на швейной машинке нашей невестки.

– Фаранг, я думала, ты занимаешься только мужскими делами, – смеялась Кешвар. – А ты, оказывается, умеешь шить цветочки и пришивать кружева!

– Конечно, умею! Даже в детстве я сама себе сшила куклу, которую очень любила.

– Как ты думаешь, у вас мальчик или девочка?

– Я готова к любому решению Всевышнего и прошу лишь о том, чтобы Он оберегал нашего ребенка. Я готова всю жизнь нищенствовать, лишь бы Всевышний даровал нам здорового малыша. Но, честно признаться, мне кажется, что у нас будет мальчик, который станет истинным приверженцем имама Резы, да будет мир с ним.

С каждым месяцем мой живот становился все больше, и, несмотря на суровые условия жизни на горе, я была уверена, что на этот раз Бог подарит нам здорового ребенка. По утрам все так же приходилось носить снизу бочонки с водой, да и война продолжала напоминать о себе. Иракские самолеты время от времени осуществ-

ляли налеты на Исламабад, и мне приходилось убежать из дома и прятаться в отдалении среди скал, пока не закончится очередная бомбардировка.

Однажды, когда я была занята сооружением спального места для ребенка, к нам в дом пришла моя подруга Фатима.

– Фарангис, я видела хороший сон!

– Расскажи скорее! – обрадовалась я.

– Во сне меня попросили прийти к тебе и сказать, что Всевышний подарит вам сына, и имя его – Рахман.

– Хорошо, Фатима! Если твой сон вещий и Всевышний действительно дарует нам сына, мы назовем его Рахманом.

Через некоторое время, когда я была одна, в дом вернулся Алимардан и радостно закричал:

– Фарангис! Я нашел постоянную работу в муниципалитете!

– Слава Богу! – обрадовалась я. – Теперь, с ожиданием ребенка, у нас появляется благодать... Сначала этот дом, затем твоя работа, скоро и малыш родится!

Однажды вечером я легла в постель раньше обычного, но не могла заснуть из-за странных болей в животе, которые говорили о том, что время родов совсем близко. Однако я не торопилась рассказать об этом мужу.

В полночь, когда усилились схватки, я разбудила Алимардана и попросила его поскорее отправиться за сельской повитухой.

– Время четыре утра, – сказал он, быстро посмотрев на часы. – Будь осторожна, пока меня нет.

Алимардан вернулся в сопровождении жены моего двоюродного брата Турана, его мамы и еще какой-то женщины.

– Не волнуйтесь, – сказала я запыхавшимся женщинам, которые каким-то образом умудрились так быстро подняться на гору. – Вот вся одежда для ребенка. У меня все подготовлено. Горячая вода на плите, а там – лезвие.

– Ты что, уже была готова сама родить ребенка? – взволнованно и обескураженно спросила мама Турана.

– Если понадобится, я и так смогу, – ответила я.

Утром на свет появился наш здоровый малыш, от звонкого и красивого голоса которого я, не сдержавшись, заплакала. Наш ребенок родился в самом сердце гор в своем собственном доме... Мой сын, мой цветочек, мой Рахман пришел в этот мир.

Когда мне дали его в руки, я, казалось, забыла про все трудности жизни. В тот момент мне словно подарили весь мир – так он сиял под лучами утреннего солнца, залившего нашу маленькую комнату. Я тут же одела его в одежду, которую сама сшила, и протянула сына Алимардану. Он также не мог сдержать своей радости.

Позже ко мне прибежала Фатима и, увидев в люльке мальчика, засмеявшись, сказала:

– Ну так что? Это все-таки Рахман?!

– Да, Фатима, это Рахман.

В ответ она улыбнулась и поцеловала меня в лоб.

На следующий день, когда гостей уже не было и все отправились по своим делам, я сразу же принялась выполнять все обязанности по дому, мыть и переодевать нашего мальчика и обводить его глаза сурьмой. Так делали в нашем селении для того, чтобы у ребенка были большие глаза и хорошее зрение. Порой днем приходили женщины, которые помогали мне по хозяйству.

Теперь я уже была не одна на горе, со мной был мой сын, которому я говорила:

– Сынок, ты дитя горы... дитя войны... Мой Рахман... Во время войны я испытала много трудностей, но

ты остался жив, и я знаю, что ты будешь очень сильным мальчиком.

Глаза Рахмана всегда смотрели в небо, и я часто приподнимала его, чтобы он видел и запомнил гору и дом, в котором родился. По ночам я пела ему колыбельные и качала на коленях, любуясь, как отражается в его глазах ночное звездное небо.

Через семь дней я обратилась к мужу:

- У меня дела, Алимардан.
- Какие еще дела? – удивился он.
- Мы с Рахманом пойдем нищенствовать.
- Нищенствовать?
- Что с тобой, женщина?

– Во время беременности я говорила, что готова нищенствовать, если родится здоровый ребенок. Это был мой обет, исполнив который, я воздам хвалу Всевышнему. Наш сын здоров, поэтому я отправлюсь в семь разных домов, чтобы попросить милостыни.

Привязав Рахмана к спине и взяв в руки трость, я отправилась в путь. Женщины с удивлением реагировали на мою просьбу, но помогали, чем могли. Собрав деньги в семи домах, я отправилась с сыном в мечеть и все собранные деньги бросила в ящик для милостыни, после чего ощутила душевную легкость. На оставшиеся деньги я купила чай с сахаром и, одолжив самовар с заварочным чайником у родственницы, села на улице и раздавала всем прохожим свежесваренный чай.

Ночью, намочив мочки ушей Рахмана спиртом, я молилась:

– О имам Реза! Прошу тебя сделать так, чтобы я в скором времени оказалась рядом с тобой!

Я знала, что с помощью Всевышнего имам способен исполнить любую мечту, и он не заставил меня долго ждать. В качестве возмещения ущерба пострадавшим во время войны мне выдали телевизор, который я продала

за 8 000 туманов и, добавив некоторую сумму, набрала денег для того, чтобы отправиться в паломничество в Мешхед к имаму Резе вместе со своим дядей, его женой, их сыном и тетей. Это было мое первое паломничество к имаму.

Квартира, которую мы снимали, находилась недалеко от мавзолея имама, поэтому каждый день мы могли совершать паломничество и вдоволь молиться Богу. Мы также решили отправиться в селение, расположенное недалеко от Махидашта, где жили мои родители и братья с сестрами. Они не ожидали нашего приезда и очень обрадовались, увидев меня с Рахманом в руках. Джомэ, которому тогда исполнилось 15 лет, обнял его и с довольной улыбкой на лице говорил:

– Теперь у меня есть племянник! Он скоро вырастет, и мы будем вместе играть!

– Когда он вырастет, ему уже надо будет играть с твоим ребенком, – засмеялась я.

Засмутившийся от моих слов Джомэ покраснел и не смог ничего добавить.

Лейла и Сима никуда от меня не отходили, а мама не спускала с рук Рахмана, жадно вдыхала его запах и заботилась о нем.

– Боже Милостивый, прошу Тебя, сделай так, чтобы с рождением Рахмана всё в нашей жизни наладилось! – неустанно молилась я, видя своих родных улыбающимися.

ГЛАВА 8

Когда военные действия развернулись в Авезине, главой ополчения добровольцев города Гилянгарб был назначен Гудрат Ахмадипур. Два моих брата, Ибрахим и Рахим, примкнули к ополчению Ахмада Кайсари. Джомэ, которому тогда исполнилось 16 лет, в доме был за мужчину, на которого очень рассчитывали родители. Он не отправился на войну, но выполнял все поручения, которые ему давали, и часто оказывал помощь солдатам.

Али Ашраф Хайдари также создал военное формирование под своим началом и сражался на передовых позициях. Сафаре Хошрафан тоже был в числе создателей партизанских отрядов. Все эти люди выполняли поручения Корпуса стражей Исламской революции и руководили довольно большим количеством бойцов.

Все наши мужчины были вооружены и вели боевые действия преимущественно в Авезине и Гурсефиде; благодаря их помощи Ирану удалось отвоевать эти населенные пункты. Никто лучше них не знал всех холмов, гор и окрестностей той местности, где велись бои, поэтому иного исхода мы и не ожидали.

На территории Авезина располагались три возвышенности: Абруйи, Садафи и Караджи. Во время распределения войск Рахим вместе с его отрядом был отправлен на холм Караджи, а Ибрахим – на Садафи, который

расположен у подножия горы Чагалванд. Порой они навещали нас с Рахманом и рассказывали, что, несмотря на их просьбы, командующие не соглашались на то, чтобы они воевали в одном отряде.

– Так будет лучше, – объясняли они. – Если кто-то из вас погибнет, то хотя бы второй останется в живых. Вас хотя бы не убьют вместе.

Ибрахим рассказывал, что иранские войска, вокруг расположения которых земли были заминированы, находились на расстоянии 50 метров от иракцев. При первом же приказе командования бойцы были готовы пойти в атаку.

– Порой я думаю о том, чтобы отправиться в Гурсефид и проведать наш дом, – говорила я братьям.

– Фаранг, ни в коем случае не делай этого! Сейчас там очень опасно. Если ступишь туда ногой, будь уверена, что живой ты оттуда не вернешься.

Дороги вокруг Исламабада были заполнены постоянно курсировавшими автомобилями КСИР и национальной армии. Видя их, мы понимали, что идут активные боевые действия, и молились о здоровье и жизнях наших солдат.

Однажды, когда в городе очередной раз пронесся слух о том, что иранские войска в Гилянгарбе, Гурсефиде и на близлежащих территориях ведут ожесточенную борьбу, я остановила один из военных автомобилей, ехавших с той стороны, и спросила, какова обстановка на фронте.

– Сейчас военные действия идут в Гурсефиде и нескольких других поселениях. Наши солдаты ожесточенно сражаются, чтобы полностью вытеснить вражескую армию, – объяснил водитель.

Подобные новости пробуждали во мне бурю эмоций, я сразу же принималась мечтать о том, что скоро война закончится и наш Гурсефид будет освобожден.

Весной 1982 года нас переположили крики людей и шум машин, которые с включенными фарами громко сигналили. В смятении я схватила ребенка и поспешила в дом к Резе, чтобы выяснить, что происходит.

– Слушай сама, Фарангис, – с блестящими от радости глазами сказал мне Реза, настраивая радиоприемник.

– ...иракские войска начали отступление и постепенно уходят из Гурсефида... – раздался в комнате голос диктора.

Я не могла поверить такому счастью и еле держалась на ногах.

– Не переживай, Фарангис, – подбежала ко мне невестка Туран, шустро подхватив Рахмана. – Все самое страшное позади.

Дождавшись прихода мужа, я тут же объявила ему:

– Алимардан, скорее! Мы возвращаемся домой в Гурсефид!

– Не сейчас, Фарангис, надо еще немного повременить.

– Даже на минуту не хочу задерживаться здесь, – недовольно ответила ему я. – Я отправлюсь туда, даже если ты не пойдешь!

После этих слов Алимардан не мог мне отказать. Решительно двинувшись на нашу гору, я собрала вещи Рахмана и вернулась в дом к родственникам, чтобы попрощаться.

– Простите за все беспокойства, которые мы вам причинили, – обратилась я к Резе и Неймаду. – Мы доставили вам немало хлопот. Единственное, о чем я вас прошу, это проследить за нашим домиком на горе и изредка наведываться туда.

По пути домой я только и успевала дрожащими руками вытирать слезы, бесконечно текущие по щекам, и думала о том, как сейчас выглядит наш дом, остались

ли там еще мои вещи и не пропала ли моя домашняя утварь. Когда мы доехали до Гилянгарба, я похолодела. Город был до неузнаваемости разрушен. Создавалось впечатление, что по нему прошлись огромным трактором и перекопали всю землю и дома. Все было покрыто толщей пыли, скорби и печали.

«Неужели это и есть тот самый город, который когда-то так волновал мое воображение и радовал своей красотой...» – в ужасающем оцепенении думала я.

Проезжая от Гилянгарба в сторону села, мы видели множество сожженных танков и автомобилей. Земля была покрыта бесчисленными предметами военной одежды, железными касками. С учащенно бьющимся сердцем и широко раскрытыми глазами человека, который два года не был на родине, я смотрела на останки былой мощи врага, когда-то бесчинствовавшего на этих землях.

Водитель остановил машину у какой-то сожженной пустоши и сказал, что мы прибыли. Мы не могли поверить своим глазам. Гурсефид сравнивали с землей. Дома были разрушены до основания, а на земле среди глины и камней лежали бесчисленные железные снаряды и домашняя утварь. Единственным, что уцелело, была земля, которая молча и безжизненно покрывала остатки чужей-то былой счастливой жизни. Шагнув вперед и пошатнувшись я стала судорожно вспоминать дома и их расположение, сердце мое разрывалось. Алимардан потерянно ходил вокруг, держась за голову.

– Это и есть мой дом, в который я так хотела вернуться? – спрашивала я себя.

Постепенно в селение стали прибывать и другие жители. Видя знакомые лица, мы до слез радовались друг другу и долго обнимались.

Через некоторое время, оставив сына с Алимарданом, я побежала в Авезин, который также застала в раз-

рушенном состоянии. У источника сидело несколько людей, которые прибыли туда раньше меня.

– Салам, Фарангис! – неожиданно крикнула одна из женщин, узнав меня.

Все взгляды обратились в мою сторону, и я разглядела своих отца и маму. Слезы хлынули из моих глаз, а сердце нестерпимо жалось. Джомэ, Лейла, Сима, Джаббар, Саттар – все встали со своих мест. Не веря своим глазам, они минуту стояли, а затем впятером побежали ко мне. Мы со слезами крепко обнимались, отец поцеловал меня в лоб и растроганно сказал:

– Добро пожаловать домой, Руле... Добро пожаловать.

Вместе мы отправились к нашему дому, а вернее – к месту, где когда-то стоял наш дом и где я выросла. Сев там на землю, я принялась водить по ней рукой, будто бы ожидая что-то там найти. Меня унесло в мои детские воспоминания, когда я бережно и аккуратно занималась уборкой дома... В тот момент я с нестерпимой силой ощутила всю боль, которую причинил нам Саддам... Он сломил нашу гордость...

Представители организаций по оказанию гуманитарной помощи прибыли чуть позже нас. Они сразу же принялись успокаивать шокированных жителей Гурсефида и Авезина и говорили о том, что наши дома восстановят и совсем скоро мы сможем зажить нашей привычной жизнью.

Через несколько дней к нам вернулись солдаты, воевавшие на фронте. Среди них были и Рахим с Ибрахимом, которых я уже так давно не видела. Они рассказывали, что вся близлежащая окрестность заминирована иракцами, которые во время отступления закладывали эти мины, чтобы нанести последний удар.

– Как выглядит мина? – спросила я.

– Они бывают разной формы, – объяснял Рахим. – Но все они взрываются, если на них наступить. Поэтому вы, и особенно дети, будьте осторожны, когда куда-нибудь идете. Нам всегда говорили, что мины хуже, чем бомбы. Помните, что из-за взрыва мины вы можете лишиться части тела.

Представители гуманитарной помощи, как и обещали, сразу приступили к уборке и очистке местности, а члены нашего городского собрания размышляли над тем, где будут строиться дома. Нусрет Кемери, Хусейн Алихани и Бехруз Кияни, члены этого собрания, собрали всех жителей и по согласованию с ними начертили расположение домов на бумаге. По указанию организации, которая занималась строительством, наши новые дома должны были построить немного поодаль от тех домов, в которых мы жили до войны. Но все мы были согласны с этим, так как для нас было лишь важно иметь свое жилище на родной земле.

Жители помогали строителям в возведении домов. Кто-то готовил обед и ужин, кто-то помогал непосредственно в строительстве. Работа шла довольно быстро, и один за другим появлялись новые довольно неплохие деревянные дома, изнутри отделанные глиной.

Никогда не забуду охватившее меня чувство, когда к нам подошли с бумагой и ручкой и сказали:

– Здесь будет дом Алимардана Хаддади.

Наш дом строили из камней и досок, и мы с мужем не могли остаться в стороне. По очереди заботясь о Рахмане, мы трудились вместе со строителями, чтобы помочь завершить работу как можно скорее. Строительство нашего дома заняло два месяца, и в этот период Рахман был особенно беспокойным, поэтому, несмотря на мое желание работать вместе с мужем и строителями, мне приходилось подолгу сидеть с сыном и уделять ему много внимания.

Через несколько месяцев были построены новые дома, и Гурсефид снова ожил, на его улицах вновь появились люди, которым словно подарили вторую жизнь. Все были готовы вернуться к своей привычной повседневной работе. Алимардан тоже нашел себе работу в поле, поэтому я имела возможность сидеть с Рахманом и периодически навещать родителей в Авезин.

Однако прошло не так много времени, как иракцы снова приступили к бомбежке Гурсефида. Казалось, что для иракского военного командования наш город являлся первоочередной целью. Помимо бомб, нас также атаковали бесконечными пулеметными обстрелами.

Однажды, услышав об очередной бомбежке Авезина, я бросилась туда и застала в доме дрожащих родителей с какими-то подушками в руках.

– Мама, папа, все хорошо! Все прошло! – поспешила успокоить их я.

В дом неожиданно зашла перепуганная Лейла.

– Где ты была? – резко спросила я.

– Я была на источнике, – дрожащим голосом ответила она. – Я испугалась и спряталась там.

– Что это за подушка, папа? – повернулась я к отцу.

– Одна из бомб упала к нам во двор, увидев ее, я бросился домой и крикнул вашей матери спрятаться. Мы взяли подушки, чтобы закрыть лицо и глаза от взрыва этой бомбы.

– Боже! Прошу тебя, отомсти Саддаму! – взмолилась я, не в силах видеть своих родителей в таком состоянии. – Отец, убери подушку, пожалуйста... Все осталось позади. Бомба не сработала... Прошу тебя...

Но отец, казалось, меня не слышал. Он был в таком шоковом состоянии, что не мог поверить, что опасность миновала. Чтобы как-то убедить его, что эта бомба уже не взорвется, так как на самом деле это даже не бомба,

а кассета для бомб, которые сбрасывают с самолетов, я отправилась во двор, взяла ее в руки и выбросила далеко за пределы дома. Я уже знала, что принцип воздушной бомбардировки таков: с самолетов сбрасывают специальные резервуары, в которых находится по несколько бомб, в процессе падения с неба они выпадают из носителя и взрываются, достигая земли. Однако сам резервуар не возгорается и не взрывается.

Я подметала двор, когда к нам зашла соседская женщина с мертвенно-бледным лицом.

– Что случилось? – беспокойно спросила я.

– Нет... ничего страшного... Просто... Сообщили, что твой брат... его рука... он ранен, – невнятно произнесла она.

В панике подумав о своем двенадцатилетнем брате, я в ужасе от этих слов ударила себя по голове, земля стала уходить из-под ног. Собравшись с мыслями, я со всех ног ринулась к отцовскому дому, думая о том, кто это мог быть: Джаббар или Саттар. Прибежав домой, я бросилась к плачущей матери, вокруг которой столпились успокаивающие ее женщины, и спросила:

– Мама, что случилось?

– Не переживай, – вошел в комнату отец. – Твой брат немного повредил руку, но с ним все хорошо.

– Кто ранен?

– Саттар...

– Где он? Как это случилось? – спрашивала я без остановки, в бессилии повалившись наземь.

– Он пас овец и увидел на земле какой-то предмет, похожий на ручку, который привлек его внимание. Не понимая, что это мина, он поднял ее. Произошел взрыв. Рядом с ним был ваш двоюродный брат. Сейчас с ними все хорошо. Не переживай.

– Фаранг, у него больше нет одного пальца... – подавленно сказала Лейла. – Все его тело в дырках...

– Вы же сказали, что ничего не случилось?! – крикнула я. – Я сейчас же еду в больницу!

– Твои братья уже там. Они сообщили нам, что все хорошо.

Мне пришлось дожидаться, когда Саттара привезут домой из больницы. Увидев моего маленького братика, я не могла поверить глазам. У него и вправду не было одного пальца на руке, а другие были перевязаны, на теле были многочисленные ранения от осколков. Еле сдерживая слезы, я провела рукой по его лицу и заметила глубокое ранение под глазом, свидетельствующее о том, что врачи извлекли оттуда большой осколок.

– Саттар... слава Богу, что твой глаз цел. Ты ведь меня видишь?

– Вижу, – улыбнулся он в ответ.

– Мой маленький пастушок, – нежно сказала я, поцеловав его маленькие ручки. – Разве вам не говорили ни в коем случае не поднимать незнакомые предметы с земли? Зачем ты поднял?

– Клянусь, Фаранг, если бы ты сама увидела ее, ты бы тоже подумала, что это настоящая ручка. Даже наш двоюродный брат подумал так и сказал, что она очень красивая. Он крикнул мне не брать ее, но взрыв произошел тогда, когда я хотел ее выбросить, – от воспоминаний Саттар начал плакать. – После взрыва я увидел кишки, вывалившиеся из разорванного живота брата, он в ужасе бежал, не слыша моих просьб остановиться. Я видел его живот, Фаранг... Я видел, как он был разорван...

– Все позади... – обняла я брата.

– Увидев меня, Лейла бросилась мне на помощь, но я крикнул ей, чтобы она позвала кого-нибудь на помощь для брата, потому что он очень сильно ранен.

Рахим, который привез детей из больницы, во время нашего разговора находился в той же комнате.

– Всевышний сжалился над обоими мальчиками... – сказал он. – Их отвезли в больницу рабочие из строительной организации... Фарангис, если бы я был в селе, я бы этого не допустил. Но меня не было... Нет ни меня, ни Ибрахима...

– Рахим, я тоже живу не близко, но постараюсь навещать чаще... Что мы будем делать с осколками, которыми покрыто его тело? – спросила я, видя, что Саттару все еще больно.

– О них не думай. Врач сказал, что они останутся теперь с Саттаром до конца его жизни.

Однажды теплым осенним вечером, когда я очередной раз приехала навестить родителей, мы с женщинами сидели во дворе и разговаривали. Взор мой был обращен в сторону иссушенной и сожженной степи, и я молила Господа послать нам благодатный дождь.

– Дети возвращаются из школы, – сказала одна из женщин, указав в другую сторону.

Я посмотрела в том направлении, так как знала, что Лейла в числе других сельских детей тоже возвращалась в это время домой. Я приподнялась с места, чтобы она меня разглядела издали, и, как обычно, бегом пустилась бы в мою сторону. Однако в этот раз Лейла неторопливо продолжила идти, держа свою сумку для книг, которую я ей сшила из мешка, и не побежала ко мне.

– Мама, почему Лейла плачет? – обеспокоенно спросила я, увидев при приближении сестры ее красное, заплаканное лицо.

Я поспешила к сестре и, приблизившись, онемела при взгляде на нее.

– Родная, что случилось? – спросила я, забирая из ее холодных рук сумку с книгами. – Почему ты плачешь?

Женщины позади меня также переполошились и окружили Лейлу с расспросами. От такого натиска и давления бедная девочка бессильно села на землю и, заплакав еще сильнее, сняла свои резиновые тапочки и показала окровавленные черные стопы.

– Кто это с тобой сделал?! – вне себя в панике спрашивала я, перекрикивая охающих женщин.

Но в ответ Лейла лишь плакала и ничего не говорила, а я сразу же поняла, что она чего-то боится.

– Сейчас же скажи мне, кто это сделал?!

– Наш учитель... – еле выдавила из себя Лейла. – Он наказал меня за то, что я не сделала домашнее задание.

Не в силах совладать с собой, я в ярости отправилась домой за палкой, полная решимости пойти в школу и наказать виновного.

– Фарангис, не смей! Куда ты идешь?! – закричала мать мне вслед.

– Даже не пытайтесь меня остановить! Я ударю этой палкой любого, кто посмеет меня остановить! – кричала я.

Несколько женщин, побежав за мной, схватили меня и закричали сыновьям:

– Мальчики, бегите к дому учителя и предупредите его!

Освободившись из их рук, я ринулась вперед, но, добежав до школы, встретила новое сопротивление в лице людей, которые не теряли надежды меня остановить. Среди них были и мои родители.

– Фарангис, ради Бога, оставь это, – обратился ко мне отец, отобрав палку.

Голос отца заставил меня опомниться, но от нестерпимой обиды я села на землю перед ним и в слезах спросила:

– Папа, почему ты не даешь мне постоять за нее и наказать этого мерзавца? Неужели ты не видишь ноги Лейлы?

Все вокруг молчали.

– А вы что делаете?! – кричала я на женщин. – Однажды хотите увидеть ноги и своих детей в крови и синяках?!

– Фарангис, ты в силах пойти и убить его... – сказала одна из женщин. – Но этот позор ляжет на всех нас. Человек, который приехал к нам преподавать, чужестранец и находится не на своей земле.

– Клянусь Богом, если он еще раз поднимет руку на наших детей, я не стану этого больше терпеть!

– Успокойся, Фарангис, – уговаривала меня другая. – Ему уже обо всем сообщили, и он больше не осмелится поступить так.

Резко оглянувшись в сторону школы, я увидела того самого учителя, который, предупрежденный одним из сельских мальчиков, с ужасом в глазах бежал в сторону трассы.

– Эй ты! Безбожник! – закричала я в ярости. – Неужели ты не видишь, что с нами сделал Саддам! Вся наша жизнь – словно ад! Каждый день наши дети теряют ноги, наступая на мины врагов! Ты не имеешь права так с нами поступать! Не имеешь!

После этих слов отец обнял меня и поцеловал в голову. Не теряя больше времени, я поспешила вернуться к испуганной сестре. Я искупала ее, обработала раны вазелином и сделала перевязку.

– Лейла, – шептала я ей, крепко обняв, – прошу тебя... Если такое еще раз повторится, не бойся и сразу же скажи мне.

– Хорошо, – кивнула она в ответ и уснула.

До сих пор я с дрожью в сердце вспоминаю тот день...

В числе саперов, которые под командованием Сафара Хошравана очищали близлежащие жилые территории от мин, были мои братья Рахим и Ибрахим. Ежедневно под молитвы жителей тех районов они начинали свою работу с Авезина и двигались дальше.

Мины стали для всех нас настоящей бедой, которая измучила и искалечила жизни людей хуже самолетов, когда-то сбрасывавших на нас бомбы. Несмотря на многократные предупреждения и предостережения, дети не сразу распознавали мины под ногами и, видя, как им казалось, интересные предметы, поднимали их с земли и подрывались. Не успели мы услышать радостные вести об окончании боев, как для нас началась новая война – война людей и мин. С каждой новой жертвой паника в нас росла, и мы все больше боялись за своих детей и близких. Услышав взрыв, мы в ужасе понимали, что потеряли очередного человека.

Особым ударом для всех была смерть подорвавшегося на mine Сафара Хошравана, который всегда бесстрашно опережал других саперов и занимался разминированием окрестностей. Никогда не забуду тот день, когда, услышав взрыв, мы побежали в сторону горы и обнаружили Сафара мертвым. Человек, который обезвредил огромное количество мин, сам подорвался во время попытки обезвредить одну из них. В тот день навзрыд и не скрывая скорби плакали все: жители селений, солдаты...

– Как погиб Сафар Хошраван? – спросила я на следующий день у Рахима, который в день смерти Сафара вместе с другими солдатами был рядом с телом и занимался похоронами.

– В тот день была договоренность поработать на землях за холмом Абруйи, где, согласно словам Сафара, все было усыпано противотанковыми минами, которые можно обезвредить только с помощью бульдозера. У нас

имеется два окопа, один из которых расположен в Караджи, а другой – на Абруйи, где было около 80 солдат. Эти окопы мы укрепляли мешками с песком, дровами и хворостом. Узнав о том, что водитель бульдозера отказался двигаться дальше, увидев, как на mine подорвался один из солдат, Сафар решил сам отправиться на место. По указанию начальства он собирал мины, чтобы потом взорвать их в безопасном месте. Когда саперы решили отдохнуть и поесть немного черешни с дерева, Сафар отказался и сказал: «Это опасно. Нужно сначала очистить всю территорию. По этим землям ходят ваши дети...». Не успел он договорить, как мина, которую он держал в руках, взорвалась. От взрыва пострадали и другие стоявшие рядом солдаты, а самому Сафару оторвало руку. Это огромная потеря для всех нас, Фаранг... Плакали все... Мы похоронили его на кладбище Вижнан, когда нашли у него в кармане записку с завещанием, где он завещал похоронить его в Гилянгарбе рядом с его другом Али Акрамом Парма.

Когда умер один из членов семьи Фаридуни, после кладбища, на котором присутствовало огромное количество людей и порядка 200 машин, я отправилась в дом, где проводилось траурное мероприятие. В этом скоплении людей меня не покидал страх, укоренившийся глубоко в сердце. У меня было какое-то ужасное предчувствие и боязнь того, что нас начнут бомбить иракские самолеты.

Согласно нашим традициям, немного постояв у двери, я вместе с другими женщинами вошла в дом, наблюдая за бесконечным потоком машин, которые ехали на кладбище, а оттуда направлялись в сторону дома, где мы находились. Неожиданно мое внимание привлек один пикап, в котором сидели мужчины и женщины, также

приехавшие на поминки. В одно мгновение на моих глазах 18–19 человек, что сидели в этой машине, колесо которой наехало на противотанковую мину, от удара взрывной волны взлетели в воздух. Людей разорвало на части, их останки упали на землю перед нами. Поднялся душераздирающий крик. Я до сих пор помню, как в воздухе мотало бездыханные тела молодой Хамиды и ее дочери Кафие.

Когда этот убийственный смерч бросил тела наземь, я вместе с другими людьми бросилась на помощь пострадавшим, которые кричали от боли, и узнала Рейхане, жену Гахрамана, у которой сильно пострадали ноги. Сердце мое застыло от взгляда на нее и на землю вокруг, которая была залита кровью и покрыта частями человеческих тел. Женщины, стоявшие у стены, не могли прийти в себя и кричали.

Решив перенести раненых в машины, я попыталась первым делом поднять маленькую девочку, которая лежала на земле без сознания. Но не успела я поднять ее с земли, как увидела, что у нее оторвана рука. Тела были настолько искалечены, что их было просто невозможно перенести. Большинство раненых скончались по пути в города, остальных удалось довести до больницы.

Рейхане провела в больнице около месяца, и ее вернули домой с многочисленными осколками в теле, которые не смогли извлечь.

Все селение снова облачилось в черное...

Опять возобновились бомбежки Гурсефида, вынуждавшие местное население вновь вступить на тропу войны и бесконечного бегства с места на место. Меня тогда успокаивало лишь то, что у нас есть хотя бы маленький домик с одной комнатой в самом сердце гор. Вместе с Алимарданом мы собрали все необходимое и отпра-

вились с сыном в Исламабад, а мои родители решили остаться в Авезине.

В Исламабаде Алимардан снова устроился на работу в муниципалитет, а я занималась дома нашим скромным хозяйством и сидела с сыном, которому заметно нравилась жизнь на горе.

Однажды, где-то за неделю до праздника Навруз, я решила отправиться за водой с Рахманом на руках. Когда мы спустились с горы, началась сильнейшая атака иракских самолетов, беспощадно бросавших на город снаряды и бомбы. В те дни мы потеряли очень многих людей, и ситуация была настолько опасна, что члены КСИР стали объезжать все близлежащие районы, приказывая населению как можно скорее покинуть дома. Поэтому нам ничего не оставалось, как согласиться, сесть в машины и поехать туда, куда нас повезут.

Через несколько часов пути мы, двадцать семей, прибыли на заброшенную ферму недалеко от Керманшаха. Там мы сразу принялись все вычищать и создавать условия для жизни. Досками мы отделили небольшие территории, выделив каждой семье по месту и огородив его также одеялами. Так мы соорудили себе «дома». Все, чем мы обладали из утвари, были керосиновая лампа, переносная плита и несколько тарелок.

В марте 1984 года Алимардан отправился в Исламабад, чтобы привезти некоторые недостающие в хозяйстве предметы. Вернувшись домой, он с поникшим видом положил все вещи на пол и молчал, отворачивая от меня свое мертвенно-бледное лицо.

– Алимардан, что-то случилось? – не без тревоги спросила я.

– Нет-нет... Что еще могло случиться? – пробормотал он, тут же взявшись за один из принесенных им мешков, чтобы как-то себя занять и не давать мне повода для волнения.

Я опустила на землю Рахмана, которого держала на руках.

– Пойди поиграй с детьми, малыш.

Дождавшись ухода сына к соседским детям, я вновь посмотрела на молчащего мужа.

– Алимардан, прошу тебя, скажи, что случилось?

– Фарангис... Все когда-нибудь умрут.

Произнеся эти слова, от которых мое сердце, казалось, остановилось, он подошел ко мне и взял за руки.

– Не переживай, прошу тебя... Твой брат Джомэ...

Больше я ничего не слышала. Страшный крик вырвался из моей груди. Мой брат... Мой маленький братик подорвался на mine... Мой дорогой Джомэ...

– Фарангис, успокойся... Пожалей себя. Прошу тебя! Утром мы с тобой вместе отправимся туда, а пока тебе надо успокоиться и попытаться поспать.

Однако та ночь никак не заканчивалась, а солнце словно не хотело вставать. Абсолютно лишившись терпения и будучи не в состоянии сомкнуть глаз, я попросила мужа отправиться в путь, и мы выехали в Гурсефид в полночь. Всю дорогу из Гурсефида до Авезина мы прошли молча, Алимардан держал на руках Рахмана, а я плакала, слыша в голове звонкий смех моего дорогого братика, которому тогда только исполнилось 16 лет.

Зайдя в слезах домой, я застала родителей и всех своих братьев и сестер плачущими.

– Будь ты проклят, Саддам! – закричала я. – Да нишпешет Аллах на тебя те муки, что ты наслал на нас!

– Доченька, твой брат ушел от нас... – обняв меня, сквозь слезы сказал отец.

Его слова, словно огонь, обожгли меня. Я обняла крепко его и упала без сознания.

Мы прибыли домой тогда, когда Джомэ уже похоронили на кладбище Милиль. Два месяца назад я в последний раз видела своего братика, который так любил

Рахмана и часто, смеясь и веселясь, проводил с ним время.

– Мама, как это случилось? – спросила я, когда немного пришла в себя.

– Да онемееет мой язык! – ответила она, вытирая слезы. – Это я попросила его отправиться за уставшим отцом и помочь пасти овец. Не прошло и часа после его ухода, как мы услышали взрыв.

– Кто первый обнаружил его?

Отец молча указал на Лейлу, которая, мертвенно-бледная, сидела в углу и плакала, уставившись в одну точку. Я молча подошла к своей малышке и крепко обняла, отчего она заплакала еще сильнее. Моей сестре тогда было 14 лет, и в этом возрасте она увидела смерть... смерть родного брата.

– Фарангис, – дрожа всем телом, произнесла она, – после взрыва ко мне прибежала двоюродная сестра и сказала, что в том направлении шел Джомэ. Я очень испугалась от ее слов, но побежала к нему, чтобы помочь.

Я еще крепче обняла сестру и покачивалась вместе с ней. Отец плакал.

– Я побежала на холм, – продолжала Лейла, – и увидела его лежащим на земле. Все его тело было в крови... Я не осмелилась подойти совсем близко. Жена дяди прибежала позже и тоже отвернулась, не сумев подойти ближе... Фарангис, Джомэ смотрел на меня... смотрел, но не моргал... Поверь... Он был жив! Жена дяди накинула на его лицо платок, я закричала, чтобы она этого не делала, но в ответ она попросила меня отойти в сторону. Я закричала: «Это мой брат! Дай мне посмотреть на него!». Тогда она обняла меня и сказала: «Лейла... Джомэ умер». «Он не умер! – кричала на нее я. – Он же смотрел на меня!».

Слушая Лейлу, я готова была провалиться сквозь землю; казалось, я потихоньку схожу с ума. Не вытерпев,

отец вышел из дома, а маме стало очень плохо. Я поспешила дать ей воды и обнять и в этот момент взглянула на своих испуганных братьев и сестер, неподвижно сидевших вместе в черной одежде. Все они плакали и не могли успокоиться.

– Будь ты проклят, Саддам... – шептала я, испытывая всепоглощающую и жгучую ненависть. – Да проклянет тебя Аллах за твои мины...

Обняв еще крепче дрожащую и убитую горем мать, я спросила:

– Мама, почему вы меня не дождались? Не дали мне на него посмотреть в последний раз...

– А что ты хотела увидеть? Тебе хотелось увидеть разорванный труп брата? Я не хотела, чтобы ты видела его таким. Сейчас он спокойно лежит в своей могиле. Фарангис... Теперь он нашел покой... Он нашел покой... – повторяла она, словно в бреду.

Надев чадру, я отправилась на кладбище на поиски могилы своего брата. Найдя его надгробие, я упала на землю и стала обнимать свежий песок, которым была засыпана его могила. Казалось, только вчера Джомэ с Рахманом, смеясь, отправился на родник, чтобы искупаться.

– Боже, успокой мое сердце! Молю тебя! – стонала я.

Одна мина за другой... Каждый день мы теряли людей... Эти мины постепенно и скрытно уничтожали нас по очереди, погрузив в бесконечную скорбь и траур.

Солдаты иранской армии, включая Рахима и Ибрахима, обучали детей тому, как быть осторожными и не наступить на мины, но, несмотря на эту подготовку, каждый день откуда-то раздавались звуки взрывов.

Однажды за мной вновь послали человека с просьбой приехать в Авезин.

– Кто на этот раз?! – воскликнула я, ударив себя по груди, и поспешила к родителям.

На этот раз на мне подорвался наш двоюродный брат. На поминках царила атмосфера гнева и боли. Увидев меня на пороге, жена дяди тут же крикнула:

– Фарангис, подойди ко мне ближе! Прошу тебя! При взгляде на тебя я утешаю себя мыслью о том, что ты убила хотя бы одного из них... Эти безбожники убили моего сына! Убили моего сына у нас дома!

– Что произошло, тетя? – со жгучей болью в сердце спросила я.

– Мансур попросил меня приготовить мясную подливку, а сам отправился к реке ловить рыбу. Он не знал... не знал тогда, что поймает не рыбу, а гранату... Найдя на берегу эту дрянь, он бросил ее в реку, и она взорвалась... Сначала на тракторе его отвезли в Гилянгарб, а затем на машине – в Керманшах, чтобы на самолете перевезти в Тегеран. Но мой мальчик не выдержал... он скончался в пути... мой маленький мальчик...

Я крепко обняла тетю и подумала о том, что с этих пор любое упоминание о рыбах будет навлекать на бедную женщину мысли о Мансуре, а наша река всегда будет напоминать ей об обагрившей воду крови ее мальчика...

Каждый день я старалась навещать родителей и братьев с сестрами, а однажды решила взять с собой Симу и Джаббара. Десятилетние близняшки сами очень тянулись ко мне, а я чувствовала себя спокойнее, когда понимала, что малыши рядом со мной и в безопасности.

Ночью, обнаружив, что у нас закончилась вода, я предупредила детей, что выхожу и скоро вернусь.

– Куда ты идешь? – спросил Алимардан, заметив у меня в руках бочонок.

– К колодцу, чтобы набрать нам воды.

– Фаранг, уже темно. Посмотри, какая лунная ночь на дворе. Лучше оставь это на завтра.

– Не могу, рано утром мне понадобится вода, чтобы замесить тесто.

Взяв с собой фонарь, я скрылась в темноте ночи, добралась до колодца и, наполнив бочонок водой, вернулась.

– Алимардан, где Сима? – резко спросила я, не увидев в комнате сестру.

– Разве она не с тобой? – удивился муж.

– Нет, ее со мной не было.

– Когда ты вышла, она захотела пойти с тобой.

– То есть Сима шла за мной?! – вздрогнула я, в страхе подумав о самом страшном.

Я тут же выбежала на улицу и стала кричать:

– Сима! Сима! Где ты?!

Голова моя наполнилась страшными мыслями.

«Вдруг она в темноте наступит на мину... Вдруг она заблудится... Или ее загрызут волки... Что я наделала? Я должна была уберечь ее!».

– Фарангис, что случилось? – спросил меня Гахраман, неожиданно увидевший меня, метавшуюся в панике на улице.

– Пропала Сима!

Посветив фонарем в сторону зятя, я заметила, что он стоит с ружьем за спиной, только что вернувшись с охоты.

– Не волнуйся! Значит, она недалеко от источника. Найдем ее там!

Мы так и поступили и, не теряя ни секунды, звали Симу, двигаясь в сторону источника, недалеко от которого я сразу заметила какую-то тень. Посветив в том направлении, я узнала сестру и, вскрикнув, побежала к ней.

– Сима! – сквозь слезы сказала я, крепко ее обняв. – Что ты наделала?! Как ты могла так поступить со мной? Я так испугалась. Ты же могла нарваться на мину в темноте!

В ту ночь от сумасшедшего биения сердца, которое я до последнего не могла унять, и беспорядочных страшных мыслей, продолжавших приходить мне в голову, я не могла найти себе места. Казалось, я постарела разом на несколько лет. В полнейшем испуге я принялась привязывать веревкой ногу сестры к своей ноге, несмотря на ее недовольство.

– Руле, что ты делаешь? – возмущалась она, не понимая, зачем я так поступаю.

– Привязываю твою ногу к своей, чтобы ты не убежала.

– Нет, не надо. Мне неудобно!

– Нет, Сима, я не могу поступить иначе. Я не переживу, если подобная ситуация повторится снова. Прошу тебя...

Следующим же утром я отвела обоих близняшек домой и передала матери.

В августе 1984 года в 6 часов утра раздался стук в дверь.

– Что случилось? – спросила я, открыв дверь и увидев за ней двоюродного брата.

– Джаббар ранен, – с побледневшим лицом ответил он.

– Он умер? – сквозь наворачнувшиеся на глаза слезы спросила я.

– Нет, клянусь! Он просто ранен. Поедем со мной в Керманшах, он сейчас там.

Быстро переодевшись, я выбежала из дома вместе с братом, заклиная его в пути рассказать мне, что именно случилось.

– Твой отец попросил Джаббара отвести овец на пастбище и дать им напиток из источника. Через некоторое время люди, находившиеся неподалеку, увидели огонь в том месте, где они слышали взрыв. Горело сено, собранное в Хейдарпуре. Лейла прибежала на место пожара и увидела лежащего на земле Джаббара. Она подняла брата и, заметив его обожженные израненные руки, перевязала их своим платком и сразу же забрала домой.

– Это опять была мина?

– Да, это была мина. Она взорвалась у него в руках...

– Господи, молю тебя, защити моего брата! – застонала я, схватившись за голову.

Всю дорогу, показавшуюся мне целой вечностью, я молилась Богу и давала бесконечные обеты, прося о том, чтобы мой маленький братик остался жив. Невыносимо для меня было видеть моих родных, вынужденных испытывать такие страдания.

Ноги мои подкосились и стали ватными, когда, выйдя из машины перед больницей Талегани, я увидела Рахима и Ибрахима с покрасневшими и заплаканными лицами.

– Братик мой! – закричала я, не в состоянии сдвинуться с места.

Увидев меня, Рахим и Ибрахим заплакали еще сильнее и направились в мою сторону.

– Не плачь, Фаранг... Все обошлось, – пытались они успокоить меня.

Позже, когда я увидела Джаббара в палате, у меня чуть не остановилось сердце. Дыхание перехватило. Наш маленький мальчик лежал без сознания, по всему его телу были видны многочисленные черные осколки, зубы были выбиты. Ему оторвало руку ниже локтя.

– Не волнуйтесь, – подошла ко мне одна из медсестер, видя, как я стою ни жива ни мертва у двери палаты. –

Ему обязательно сделают операцию и поставят протез¹.

Пошатываясь, я подошла к кровати Джаббара и, поцеловав его, села рядом.

– Боже, молю тебя, пусть он очнется... Прошу тебя... Помоги нам...

Все трое суток, что Джаббар лежал без сознания, я была рядом с ним в больнице и, не переставая плакать, пела колыбельные. Периодически меня просили выйти из палаты, и я проводила время в коридоре или на улице, прося охранника впустить меня обратно в больницу к брату.

«Как же он теперь будет жить без одной руки и со столькими ранениями... – переживала я. – А что, если он проснется, и ему станет хуже? Мой милый Джаббар, если бы я могла перенести на себя все твои боли...».

Рахим и Ибрахим также были рядом с Джаббаром. Не менее измученные и с красными от слез глазами, они старались поддерживать меня.

– Если вы не отомстите за все Саддаму, он так и будет издеваться над нами...

– Сразу же по возвращении в селение мы займемся полной очисткой земли от мин, – обещали они.

Через три дня, когда Джаббару сделали операцию по ампутации оставшейся части руки до локтя, он пришел в себя и первым делом с беспокойством попытался посмотреть на свои руки. Сердце мое разрывалось при взгляде на то, как он молча и медленно осматривал свои ранения.

Позже Лейла в слезах рассказывала мне:

– Первой, кто увидел Джаббара, была я... Его пальцы, лежавшие на земле, я по одному собрала и показала

¹ На протяжении всей своей жизни Джаббар так и не пошел на протезирование, говоря всем, что отсутствие руки для него – это напоминание о пережитой войне.

отцу. Он поручил мне закопать их, и я похоронила их на нашем кладбище...

– Тише... тише, родная... – шептала я в слезах, обнимая свою храбрую сестру. – Это все проклятая война...

В таком юном возрасте Джаббар и Лейла испытали на себе такое, чего не смог бы вынести и взрослый человек.

– Фаранг, когда мы поедем домой? – спросил Джаббар спустя несколько дней после улучшения его состояния.

– Скоро, малыш, очень скоро, – старалась непринужденно и с улыбкой отвечать я. – Скоро, когда тебе станет еще лучше, мы обязательно вернемся домой.

Немного погода я спросила:

– Джаббар, почему ты тогда поднял мину? Почему не проявил осторожность?

– Фаранг... я честно подумал, что это ручка, и взял ее просто, чтобы посмотреть.

По возвращении в селение все саперы и добровольцы, включая Рахима и Ибрахима, собрались, чтобы организовать новые работы по очистке окрестностей Авезина от мин. Солдаты из национальной армии также прибыли помогать жителям очищать местность на территории, прилегающей к холмам. Рахим поклялся, что до конца своей жизни будет делать все возможное для того, чтобы обезопасить наши жизни и обезвредить все мины. Утром мужчины отправлялись в сторону гористой местности Авезина, а вечером возвращались с целой горой найденных мин, которые они сдавали в специально отведенное для этого место в военном лагере. Однако сколько бы ни обезвреживались эти мины, полностью очистить наши земли казалось несбыточной мечтой.

– Али-Шир Гелехдари нарвался на мину! Помогите! – услышали мы однажды крики в селении.

Али-Шир был моим двоюродным братом. Едва эти крики услышал Рахим, он побежал туда, где произошел взрыв, и вернулся ошеломленный, с бездыханным телом Али-Шира на спине. Увидев всеми любимого Али-Шира без ног и окровавленного, женщины громко заплакали.

– Али-Шир потерял много крови, – рассказывал в слезах Рахим. – Я взвалил его на спину и побежал что было силы, как вдруг он сказал: «Дай мне воды. Я хочу пить». Несмотря на мое нежелание терять время и объяснения, что вода ему сейчас вредна, он умолял меня все равно напоить его. «Я умираю», – говорил он. Положив его осторожно на землю, я дал ему немного попить. Сделав несколько глотков, Али-Шир глубоко вздохнул и покинул этот мир...

Однажды днем, когда на небе вновь появились пролетающие мимо иракские самолеты, четверо местных детей: Акбар Фаттахи, Джахангир, Салман и Саййад Фаридуни, – а также один из жителей Дейра, которого звали Моджтаба, играли неподалеку от селения. Вдруг раздался оглушительный грохот такой силы, что никто не мог понять, что могло при взрыве издать такой звук. В панике выбежав из домов, мы бросились к тому месту, где играли дети, и увидели их тела, разбросанные по земле.

– Фарангис, – обратился ко мне Хусейн Фаттахи, отец Акбара, не в состоянии шагнуть дальше, – молю тебя, да уйдут все твои страдания... Посмотри, как мой Акбар.

Подбежав еще ближе к месту трагедии, я закричала и расплакалась. Все дети погибли от взрыва и лежали без движения на земле, покрытой кровью и кусками плоти. Видя мое состояние, Хусейн все понял и громко зарыдал.

Рахим, Ибрахим и дядя Хешмат прибежали чуть позже. Никто из стоящих вокруг людей не осмеливался приблизиться к месту взрыва.

– Рахим, – закричали женщины, увидев, что он шагнул вперед, – там слишком много мин! Будь осторожен!

– Моя жизнь не дороже жизни этих детей!

Молча и затаив дыхание, мы стояли чуть поодаль и наблюдали за тем, как Рахим осторожно наступал на землю. Каждый его благополучный шаг сопровождался нашим вздохом. Никто, кроме Рахима, так и не осмелился пройти на заминированное поле, и он в одиночку вынес всех детей по одному. Семьи погибших были вне себя от утраты, женщины кричали и рвали на себе волосы.

– О Господи! Эти дети отправились за хворостом и инжиром, но так и не смогли вернуться!

Через некоторое время мы уложили детей в машины скорой помощи, которые прибыли на место взрыва, и отправили в больничный морг.

Утром пятерых детей под стоны и рыдания жителей селения мы похоронили на кладбище Гурсефида. Все погибшие были двоюродными братьями и учились в девятом классе. Отец Салмана Фаридуни, несколько лет находившийся в плену, по возвращении домой спросил: «А где мой сын?». Поняв, что его больше нет в живых, он упал и бил руками по земле.

Горе за горем... Рыдания за рыданиями... Черный стал единственным цветом, который мы носили. Каждый взрыв, будоражащий все наше нутро, означал для нас новые жертвы, и всё, о чем мы тогда думали: «Кто на этот раз?.. Кто на этот раз потерял близкого?».

ГЛАВА 9

Мой деверь Гахраман Хаддади был очень храбрым и доблестным мужчиной, он с давних времен увлекался охотой и проводил много времени в своей мастерской, где изготавливал ружья, используя при этом старые кузнечные инструменты.

Бомбардировки с иракских самолетов вновь участились, поэтому большую часть дня жители Гурсефида и Авезина проводили в горах, решаясь спуститься с детьми в дома лишь с наступлением темноты. Чтобы никто не узнал о нашем пребывании в домах, где мы зажигали лампы, нам приходилось завешивать окна одеялами и сидеть как можно тише.

Однажды, когда я хлопотала на кухне и размешивала еду в кастрюле, неожиданно вошел Гахраман.

– Фарангис... быстрее... поторопись, – в панике отрывисто заговорил он. – У Рейхане боли! Похоже, начались схватки!

– Не волнуйся, – взяв брата за руки, сказал Алимардан. – Фарангис, ступай к ней.

Когда я добежала до дома Гахрамана, я обнаружила, что рядом с рожавшей Рейхане уже находилась соседка.

– Рейхане, я здесь, не переживай. Дай Бог, у вас родится здоровый малыш и...

Не успела я договорить, как вдруг земля затряслась от взрывов бомб, которые начали сбрасывать с иракских

самолетов. Отовсюду из темноты ночи стали раздаваться крики людей, которые в панике бежали в сторону Гурсефида.

Тем временем схватки у Рейхане становились сильнее. Выйдя на улицу, я разыскала Гахрамана и сказала:

– Срочно найди какую-нибудь машину! Нам нужно отвезти Рейхане в город!

– Сейчас, – кивнул Гахраман и тут же кинулся на поиски какого-либо транспорта.

За время его отсутствия я накрыла Рейхане одеялом, собрала все необходимые вещи и одежду для малыша.

– Фарангис! – раздался голос с улицы. – Выводите Рейхане!

Гахраман одолжил микроавтобус у соседа и ждал нас рядом с домом.

– Рейхане, – обратилась я к невестке, – тебе придется постараться ради малыша и быть очень сильной. Над нашими головами летают самолеты, поэтому придется бегом добраться до машины.

– Хорошо, – кивнула Рейхане, пытаясь справиться с очередными схватками.

Я помогла ей подняться с постели, и мы быстрым шагом направились к поджидавшему нас Гахраману. Зайдя в микроавтобус, по состоянию Рейхане я поняла: схватки достигли такой силы, что мы не успеем доехать до города, и нам необходимо принять роды прямо в автомобиле. Под завывание без конца пролетающих над головой самолетов я с помощью соседки немного приподняла Рейхане и побрызгала ей в лицо водой. Страх в моей душе нарастал с новой силой, сердце бешено колотилось, и мне казалось, что я не смогу помочь малышу появиться на свет в таких условиях, но я изо всех сил старалась не показывать Рейхане своих переживаний. Видя, что соседка тоже вся в тревоге, я пыталась внушать роженице уверенность в том, что знаю, что делать.

Попросив Гахрамана выйти из машины, в абсолютной темноте, без элементарных средств гигиены и даже без воды я помогла ребенку родиться. Все, что у меня было в тот момент, – маленький нож для фруктов, с помощью которого в пространстве, где невозможно было даже повернуться, я перерезала пуповину новорожденному. На свет родился мальчик, крики которого сливались с грохотом взрывов за стенкой микроавтобуса.

– Рейхане, у тебя родился прекрасный мальчик! – сказала я с радостью, мешавшейся со страхом.

Под давлением охватившей меня тревоги за ребенка я принялась быстро его пеленать, боясь, что в любую минуту бомбу могут сбросить на наш микроавтобус. Пока гремели двигатели самолетов и взрывы, мы не могли включить ни фары машины, ни лампу, так как всеми силами старались уменьшить риск быть замеченными врагом. Когда шум вокруг утих, я осторожно высунула голову из окна микроавтобуса и, убедившись, что снаружи безопасно, с помощью соседки помогла Рейхане выйти. Пройдя мимо нескольких очагов пожара, мы направились к ее дому, где нас ожидал Гахраман. Увидев жену и малыша невредимыми, он воздел руки к небесам.

– Поздравляю, Гахраман! – сказала я ему с улыбкой, протягивая новорожденного. – Посмотри, какое чудо у вас родилось в этих условиях.

– Пока самолеты не вернулись, нам нужно поторопиться. Безопаснее будет в горах! – сказал взволнованно Гахраман, который, как и все мы, понимал, что подобные затишья длились недолго.

– Я не смогу, идите без меня, – безнадежно ответила Рейхане.

– Я понесу тебя на спине, – сказал Гахраман, возвращая мне своего новорожденного сынишку.

– Рахман, сынок, – обратилась я к напуганному сыну, сидевшему на руках у Алимардана, и показала малыша, – поздоровайся. Это твой братик.

– Спасибо, Фаранг... – с облегчением обратился ко мне измученный Алимардан.

Вместе с другими жителями селения под хор собак, лаявших в темноте ледящей душу ночи, мы направились в сторону гор. По пути Гахраман, всю дорогу несший на себе жену, устал и решил передохнуть. Передав ему новорожденного, с помощью других женщин я помогла бедняжке Рейхане, измученной и обессиленной от всего, что произошло за последнее время, подняться и дойти до горы. Не успели мы добраться до подножия, как вновь послышался свист падающих с неба бомб, которые при соприкосновении с землей моментально оглушительно взрывались, сотрясая все вокруг.

– Нам нужно остановиться здесь... – сказала я. – У нас больше нет выбора.

– Да, – бессильно кивнула Рейхане, для которой мы тут же постелили одеяло и устроили место, где она смогла бы отлежаться.

– Я не могу тебе сейчас ничего приготовить, но хотя бы постараюсь принести сладкий чай, чтобы ты хоть немного окрепла, – сказала я, немного посидев рядом с невесткой.

Когда утих шум самолетов, я развела неподалеку костер и установила над ним чайник. Дождавшись, когда вода закипит, я тут же потушила костер и принесла Рейхане чая. Бедняжка еле открыла глаза и отпила немного из стакана. Невозможно было смотреть на нее без боли и сожаления. Женщина, которая только что родила, вместе со своим новорожденным сыном вместо того, чтобы отлеживаться, отдыхать и есть питательную пищу, вынуждена была лежать на камнях среди скал, укрываясь от бомбардировки вражеских самолетов.

– Фарангис, как мне быть? Ты думаешь, ребенок будет жить? Он будет здоровым? – еле шевеля губами, произнесла Рейхане.

– Конечно, будет! Даже не смей переживать об этом. Он ведь под защитой Всевышнего. Мы тоже рядом!

Я понимала, почему она так переживает. Ведь, согласно нашему местному поверью, новорожденного ребенка нельзя выносить на улицу, пока ему не исполнится 40 дней, мы же были вынуждены с самого начала находиться вне дома. Однако, увидев мое уверенное и невозмутимое лицо, Рейхане успокоилась и, закрыв глаза, спокойно уснула. Положив рядом с ней малыша и обняв своего сына Рахмана, я тоже заснула, прислонившись к огромному каменному валуну.

Вот так родился Мусаййиб, сын Гахрамана и Рейхане. Сорок дней после его рождения я продолжала ухаживать и за ним, и за его матерью, которая через некоторое время заметно оправилась. Привязывая Рахмана к спине, я спускалась с горы в селение, чтобы принести необходимую провизию и вещи, а затем возвращалась к нашему убежищу и пекла для них хлеб на раскаленных камнях.

– Алимардан, что нам делать? Поблизости нет даже врача. – спросила я мужа, который день мучаясь от сильнейшей зубной боли.

– Если тебе очень плохо, нам нужно поехать в Керманшах.

– Как же так мы поедem в Керманшах? Там ведь тоже идет бомбежка.

Ночью, когда боль стала совсем невыносимой, я достала из старого сундука шаль, которой перевязала голову, и, насыпав в платок немного нагретой на лампе соли, приложила сверток к зубу, чтобы как-то унять нестер-

пимую боль. Пытаясь чем-нибудь себя отвлечь, я вышла во двор, но боль лишь усилилась. В тот момент я была беременна вторым ребенком.

– Фарангис... – взволнованно посмотрел на меня муж.

– Алимардан, я умираю... Помоги мне... – еле произнесла я вне себя от боли.

– Что ты такое говоришь?! Прошу тебя, потерпи до завтрашнего утра, Фаранг. Мы обязательно пойдём к врачу.

Я приложила к зубу молотую гвоздику и курдские специи и приготовилась ждать дальше, надеясь, что боль скоро утихнет. Однако, вернувшись через некоторое время, муж меня не узнал. Скрючившись на полу и держась за живот, в котором тихонько шевелился малыш, я сидела в поту с ног до головы с остекленевшими и выпученными глазами.

– Я больше не могу терпеть, Алимардан. Ничего не помогает. Позови брата, и мы просто вырвем этот зуб.

– Дорогая, сейчас очень поздно... Он, наверное, спит. Осталось потерпеть совсем немного до утра, мы возьмем машину и поедём в больницу. К тому же Гахраман ведь не доктор, он простой кузнец.

– Я больше не могу терпеть. Где мы найдем врачей? Они все бежали из этих мест.

– Опасно вырывать зуб во время беременности. Ребенок может не перенести этого!

– Если это мой ребенок, то ему придется потерпеть! – сердито ответила я. – Эта боль меня убивает!

– Хорошо. Я скоро вернусь!

Через несколько минут он привел перепуганного Гахрамана.

– Фарангис, как ты?

– Гахраман, помоги мне... Этот зуб меня убивает! Выдерни его!

– Нельзя, Фаранг, – сглотнув, напряженно сказал он. – Ты скоро родишь ребенка, и в таком состоянии нельзя выдергивать зуб. Я не врач.

– Умоляю тебя, Гахраман. Ничего не случится, просто выдерни его. Не переживай. Я все стерплю.

– Боже, что мне делать? – беспомощно взглянул на брата Гахраман. – Хочешь, я побегу и найду машину на трассе? Мы сейчас же поедem в Керманшах.

– Гахраман, если ты этого не сделаешь, то я вырву его сама! Просто скажи, как мне это сделать.

Больше ничего не сказав, Гахраман молча отправился за плоскогубцами, а Алимардана послал за спиртом.

– Садись здесь, Фарангис. Ты не должна двигаться, понимаешь? У меня дрожат руки.

– Не волнуйся, я не буду мешать.

– Алимардан, держи лампу у ее лица так, чтобы я хорошо видел.

Зажав руками подол своего платья, я открыла рот как можно шире и, как и обещала, изо всех сил старалась не двигаться. Как только Гахраман придавил плоскогубцами зуб и попытался его вытащить, от боли у меня сильнее закружилась голова; казалось, что он сейчас вырвет всю челюсть. В глазах потемнело, и я чуть не упала в обморок, но тут Гахраман мне показал злополучный зуб с куском плоти. Изо рта у меня полилась теплая кровь.

– Всё! Всё закончилось! – с облегчением воскликнул зять. – Фарангис, с тобой всё в порядке?

– Да, – кивнула я.

– Вот, возьми эту вату. Я намочил ее курдским лекарством.

Гахраман положил вату на место удаленного зуба и присыпал сухими лепестками черного чая. Под голову, как только я прилегла, мне сразу же подложили подушку.

– Фарангис, с тобой точно все хорошо?

– Да, – тихо ответила я.

– Будь ты проклят, Саддам! Во что ты превратил нашу жизнь!

Алимардан и Гахраман сидели рядом со мной, боясь отойти хоть на шаг. Место зуба очень сильно болело, но я была спокойнее, понимая, что источник боли удален и скоро мне станет полегче. Через час я захотела встать на ноги.

– Фарангис! – не веря своим глазам, ликовал Гахраман. – Клянусь Богом! Ты жива!

– А ты что думал? – улыбнулась я. – Видишь, я не умерла. И ребенок тоже жив. Уже солнце встало, вам обоим надо поспать.

Немного успокоившись и удостоверившись в благополучном исходе, Гахраман вернулся домой, Алимардан заснул рядом с Рахманом, а я лежала около них, поглаживая живот и моля Бога уберечь нашего ребенка и защитить всех нас.

После покупки маленького телевизора нам удалось как-то разнообразить наши вечерние будни. Часто мы проводили время за просмотром различных телепередач про войну. Однажды ночью, когда мы смотрели программу об Ирано-иракской войне, где показывали наших солдат, я, не сдержавшись, воздела руки к небесам:

– Господи, молю Тебя уберечь нашу армию! Вверяю Тебе жизни Рахима и Ибрахима!

– Хорошо, что у них есть возможность часто навещать родных, – задумался Алимардан, сидевший рядом со мной. – Многие солдаты, которые участвуют в военных действиях, сейчас находятся далеко от дома и могут увидеть своих близких лишь раз в несколько месяцев... Хочешь, пойдём к моим родителям и останемся на ночь у них?

– Было бы очень хорошо! – обрадовалась я. – Дай мне только минутку прибраться здесь немного.

Заворачивая в одеяло Рахмана, Алимардан озабоченно сказал:

– Я сам понесу сына, тебе уже нельзя носить такие тяжести.

– Какие такие тяжести? – улыбнулась я, снимая чайник с печки. – Нам еще осталось целых два месяца до родов.

Заперев дверь, в холодную и темную ночь мы отправились к родителям мужа, но, не дойдя до дома, услышали веселый хохот и шум.

– Похоже, для нас там нет места, – улыбнувшись, сказала я мужу.

– Тем лучше, что у них гости! Будет веселее.

Войдя в дом, мы обнаружили там Гахрамана с семьей и еще нескольких родственников.

– Э-э, нет! Так не пойдет! Вы опоздали! Вам уже тут места не найдется, – в шутку закричал Гахраман.

– Если вы думаете, что места на всех не хватит, тогда просим вас выйти. Мы ведь только пришли, а вы тут, видимо, давно сидите! – пошутила я ему в ответ.

– Присаживайтесь и угощайтесь сухофруктами, – улыбаясь, сказала свекровь, наливая для нас свежезаваренный черный чай.

Все сидели и смотрели телевизор, как вдруг Гахраман предложил переключиться на иракские телеканалы, к которым мы имели доступ благодаря тому, что находились недалеко от ирано-иракской границы.

– Давайте посмотрим, что там говорят эти лжецы! – сказал он.

Едва он переключил канал, как на экране телевизора появилось лицо Саддама Хусейна.

– Будь ты проклят, безбожник! Да не простит тебя Аллах! – посыпались громкие проклятия со всех сторон при виде общего злейшего врага.

– Завтра мы начнем атаковать и восток, и запад Ирана, – говорил Саддам. – Завтра будет очень тяжелый

день бомбежек! Иранцам лучше оставить свои дома и бежать как можно быстрее!

– Опять этот злодей за свое! Никак он не оставит нас в покое! – воскликнула я. – Его слова прежде всего касаются всех нас, так как усиленная бомбежка всегда начинается с Гурсефида, и уже затем они двигаются дальше в близлежащие города.

– Нет, ему нет дела до вас... – задумчиво ответил Гахраман. – На этот раз он идет за мной... Я нечасто вижу и запоминаю сны, но вчера мне приснилась моя собственная смерть.

– Зачем ты так говоришь?! – возмутилась я. – Ты никогда не был трусом! И тебе совсем не идут такие слова.

– Фарангис, видишь, как он невнимательно разговаривает с нами, – опечаленно и взволнованно сказала Рейхане. – Да убережет нас Аллах от того, что ты говоришь!

– Не дай Бог! – воскликнула встревоженная свекровь и принялась читать молитвы из Корана.

– Завтра же рано утром не медля мы отправимся в горы и там всё переждем. Вернемся домой, как обычно, лишь с темнотой, – сказала я, как вдруг за окном ворон прокаркал три раза.

Лица всех присутствующих побледнели. «Не к добру это...» – подумал каждый, но побоялся произнести вслух. Ведь все знали о примете, согласно которой трехкратное карканье ворон – признак грядущей беды.

– Боже, молю тебя, отвори от нас все напасти, – тихо произнесла я.

– Вот! Видите, этот ворон сейчас обо мне предупреждал. Так что вы не волнуйтесь! – настаивал на своем Гахраман.

– Прекрати! – резко ответил Алимардан, беспокойно отворачиваясь от брата. – Как ты можешь говорить такие вещи! Расскажи лучше, что за сон ты видел?

– Во сне семеро солдат стояли за покойным дядей жены... Ко мне подошел покойный дядя Йакуб и сказал: «Они пришли за тобой. Тебе надо идти».

– Это всего лишь сон! – сказала я. – И это еще ничего не значит, ведь всё в руках Аллаха. Уповай на него и моли о том, чтобы все завершилось благополучно!

– Да! Гляньте, как струсил наш Гахраман! – стали сыпать шуточки со всех сторон. – Оказывается, он тот еще трусишка!

– Нет же, – улыбаясь, ответил Гахраман на задиристые шуточки родственников, – мне вовсе не страшно! Я вас лишь предупреждаю о том, что скоро настанет мое время и мне придется уйти.

До полуночи все пытались переубедить Гахрамана и много шутили, стараясь забыть его зловещее предсказание. Наши веселые голоса и шуточки разносились по всему Гурсефиду, пока в полночь все не разошлись по домам.

Рано утром, прежде чем отправиться в укрытие на горе, я встала, чтобы приготовить хлеб. Я в спешке месила тесто, как вдруг за дверью раздался голос Гахрамана.

– Йа Аллах! – сказал он, предупреждая о том, что заходит в дом.

– Добро пожаловать! Заходи! – обрадовалась я.

– Проходи, брат, – сказал Алимардан, встречая брата с малышом Мусаййибом, которого тот держал на руках.

– Прости, я немного занята, решила замесить тесто...

– Невестка, не переживай, занимайся своими делами.

– Можешь немного подлатать мое ружье? – спросил Алимардан, усаживая брата на стул во дворе.

Не успел Гахраман провести и нескольких минут за починкой ружья мужа, как в дверь постучался наш сосед Хусейн.

– Гахраман, я увидел, как ты шел сюда, и поспешил прийти, чтобы попросить тебя помочь с одним делом. Мне там нужно кое-что заварить дома. Можешь помочь?

– Да, конечно, – ответил Гахраман, возвращая ружье брату. – Я пойду помогу Хусейну и вернусь, чтобы доделать твоё ружье. Пусть Мусаййиб останется у вас.

– Подожди, попей хотя бы чая! – попыталась я обновить его хоть ненадолго.

– Нет-нет, я пойду.

Не успела я взять в руки спички, чтобы нагреть чайник, как вдруг в небе раздался шум двигателей стремительно надвигающихся на нас самолетов. Выбежав на улицу и увидев два самолета, я тут же закричала:

– Алимардан! Найди Рахмана!

– Фарангис, где он? – раздался позади голос Гахрамана.

– Он на улице рядом с соседним магазином! Я побегу сама! Спрячь Мусаййиба!

Добежав до магазина, я обнаружила сына, с любопытством и задумчиво разглядывавшего самолеты в небе. Увидев, как я перепугана, бедный мальчик и сам сильно испугался, а я, закрыв ему лицо, изо всех сил старалась как можно быстрее добежать до окопов, которые мы вырыли заранее на случай, если не успеем во время бомбежки добежать до горы. Рахим и Ибрахим помогли нам создать это убежище, укрепленное мешками с песком и крышей.

Запрыгнув в один из окопов, я сидела, затаив дыхание, оглушенная гулом самолетов, которые пролетали над нашими головами настолько близко, что казалось, будто они приземлятся на наши крыши. Не успела я подумать о том, где мой муж, как раздались взрывы снарядов, которые стали сбрасывать с самолетов. Вокруг поднялась паника, люди в ужасе пытались добежать до ближайшего убежища. Пока самолеты поднимались

ввысь, чтобы сделать круг и зайти на новую атаку, все изо всех сил торопились, чтобы добежать до укрытия. Из своего окопа я наблюдала за тем, что происходит. В ушах раздавался нестерпимый звон, весь город накрыло пеленой пыли и песка. Казалось, передо мной разворачивается одна из картин ада. Моя соседка Фарханг с четырьмя детьми стремительно бежала к окопу, однако было слишком поздно. Сначала раздался звук двигателя самолета, а затем взрыв... Тела детей разбросало перед окопом.

– Фарханг! Фарханг! – кричала я вне себя. – Ты слышишь меня?!

Но ответа не было... Я стала звать всех детей по имени, но никто не отвечал... Мне захотелось, чтобы все, что я вижу, оказалось страшным сном. Не верилось, что вот так просто на моих глазах Фарханг с четырьмя маленькими детьми оказались безжалостно убиты. Все мысли в голове перепутались, стало трудно соображать. Я резко обернулась, вспомнив о Рахмане, которого положила рядом с собой. В ужасе обнаружив кровь, льющуюся изо рта ребенка, я стала судорожно вытирать ее рукой, а затем – подолом своего платья, но кровь не переставала течь.

Когда бомбежка немного утихла, выглянув из окопа, я увидела нашу соседку Хавар Шахбази.

– Хавар! Прошу тебя! Помоги! Рахману плохо!

Услышав мой голос, Хавар подбежала к окопу.

– Что случилось? Высунь голову ребенка, чтобы я могла посмотреть.

– Вот! Изо рта идет кровь! Хавар!

– По виду с ним все хорошо, он не ранен. Но я не знаю, откуда кровь!

Крепко обняв сына, я выбежала из окопа, как вдруг возобновилась бомбежка. Забежав в новое укрытие, я пыталась перевести дыхание в разворачивающемся вокруг меня сценарии Судного дня.

Похоже, я уже никогда не смогу забыть девочку без головы, которая пробежала мимо меня с фонтаном крови из шеи. По одежде я пыталась понять, чей это ребенок, и, узнав, от страха и паники зажмурилась и упала на землю, громко крича.

Тяжело раненная Хавар лежала на земле, но, увидев дочь, она с криками поднялась, побежала к ней и обняла испускающее дух дрожащее тело маленькой девочки. Мне казалось, что я сама больше не живу, и абсолютно забыла о кровотечении изо рта сына. Собравшись силами, я побежала к кричащей от боли Хавар, она царапала себе лицо и рвала волосы. Тело ее ребенка дрожало в ее руках, а я не могла ничем помочь. Мне стало казаться, что я сейчас упаду в обморок, как вдруг я словно пробудилась, почувствовав удары внутри живота. Мой ребенок боролся за жизнь внутри меня...

– Фарангис!! Фарангис! – раздался родной голос за спиной.

Алимардан в ужасающей панике бежал ко мне, ударяя себя по голове. Я вновь, будто бы лишённая костей, упала на землю.

– Фарангис! Мой брат умер! Гахраман умер! – кричал он в ужасе.

– Что случилось? Приди в себя!

– Почему Рахман весь к крови?! Он ранен? – не успокаиваясь, кричал покрытый кровью Алимардан, крепко обнимая сына.

– Нет, но я не понимаю, почему идет кровь. Скажи мне, что случилось?

– Помоги Гахраману! Я не могу!

– Гахраман ведь был в нашем доме!

Но Алимардан, не в состоянии что-либо добавить, лишь указывал пальцем в ту сторону, где, по-видимому, лежал его брат. Я побежала туда, а Алимардан последовал за мной.

Увидев лежащего на земле Гахрамана, я резко остановилась, ноги стали ватными. Весь окровавленный, он лежал без движения, упав на годовалого Мусаййиба, который судорожно бился и громко плакал. Я осторожно вытащила ребенка, которому совсем недавно сама перерезала пуповину в микроавтобусе, и передала мужу, а затем придвинулась ближе к Гахраману, чтобы попытаться приподнять его голову. Но мои пальцы ощутили что-то мягкое, и я подумала, что это, должно быть, сгусток крови, скопившейся у него на голове. Однако, посмотрев повнимательнее, поняла, что это мозг. Я держала в руках мозг Гахрамана. Поняв это, я чуть не потеряла сознание. Приглядевшись, я поняла, что Гахраман дышит, а конечности его периодически дергались.

– Следи за обоими мальчиками! – крикнула я мужу, собрав всю волю в кулак. – Я скоро приду!

Побежав домой, я принесла одеяло и укрыла им содрогавшееся тело деверя.

– Ничего, ничего, брат Гахраман, – повторяла я, пытаясь не обращать внимания на боли в животе, которые неожиданно дали о себе знать. – С тобой все будет хорошо! У тебя немного ранена голова, но мы скоро отвезем тебя в больницу.

Алимардан сидел на земле и, крепко держа на руках обоих детей, в ужасе смотрел на меня.

– Фарангис! – крикнул наш сосед Реза, увидев нас на земле. – Что случилось? Вам нужна помощь?

– Да! – благодарно вскрикнула я. – По трассе подъезжает военная машина, я перевязала в одеяло Гахрамана. Нам нужно аккуратно отнести его в машину и отвезти в больницу.

Мы осторожно перенесли Гахрамана в машину, уложили вместе с другими ранеными и отправились в путь. Однако, проехав некоторое расстояние, я закричала водителю:

– Стой!

Я не могла поверить своим глазам. На земле, окровавленная, лежала моя свекровь. Я быстро выпрыгнула из машины, не обратив внимания на лежавшие на земле осколки стекла, которые вонзились мне в ногу. Однако в тот момент это было неважно. Все тело бедной свекрови было покрыто многочисленными осколочными ранениями. Бережно подняв ее и уложив рядом с остальными ранеными, мы продолжили путь.

– Поаккуратнее, прошу вас! – крикнула я водителю, видя, как из стороны в сторону мотает голову Гахрамана. Однако я прекрасно понимала, почему мы едем с такой скоростью: раненых необходимо было как можно быстрее довести до больницы, ведь каждая минута была на счету.

Свекровь пребывала в состоянии глубочайшего шока и, казалось, была без сознания.

Неожиданно, взглянув на Гахрамана, я заметила, как он открыл глаза и посмотрел на небо.

– Гахраман! Брат мой! – закричала я, словно пытаюсь привести его в сознание, но все было бесполезно. Гахраман снова закрыл глаза и испустил дух в машине. Сердце мое сжалось от боли, из глаз хлынули слезы.

«Неужели он ушел навсегда?!» – думала я, вспомнив наши шутки накануне и до последнего не веря своим глазам.

– Все в порядке? – обернувшись, спросил меня водитель.

– Да, все в порядке... – ответила я, тихо плача.

Еще столько недосказанного было в моем сердце...

«Гахраман, – в мыслях говорила я ему, – как жаль мне твои истрескавшиеся рабочие руки... руки, которые когда-то помогли мне сделать топор. Гахраман, ты мой брат, а не только брат моего мужа. Ты был моим учителем...».

Взяв безжизненную руку свекрови, я поцеловала ее, приложила к лицу, закрыв глаза, а затем положила на сердце Гахрамана. Так мы всегда поступали с детства, когда нам было плохо, – прикладывали руку матери к груди, чтобы успокоиться.

Через некоторое время мы доехали до больницы, где я убедилась в том, что свекрови оказывают медицинскую помощь, а сама вместе с Гахраманом поспешила вернуться в селение.

В тот день многие потеряли своих родных и близких. На лицах уцелевших людей, казалось, абсолютно не было признаков жизни. Около двадцати родственников собрались, чтобы омыть тело Гахрамана перед погребением. Алимардан с мертвенно-бледным лицом, словно тень, ходил по окрестностям и не мог найти себе места. Я же стала ощущать странную и изнуряющую боль в животе, о которой никому не сказала, решив потерпеть до конца траурного мероприятия.

Неожиданно на небе вновь показались самолеты. Схватив Рахмана, я бросилась к окопам, чтобы снова переждать бомбардировку. Когда очередная атака завершилась и все люди вышли из убежищ, Рахим, взяв в руки лопату, обратился ко всем:

– Нам нужно поторопиться и как можно быстрее вырыть могилы, пока эти проклятые саддамовцы вновь не налетели на нас.

Выдвинувшись вперед с единственной лопатой, имевшейся у нас в тот момент, Рахим принялся копать могилу, как вдруг в небе снова появились самолеты. Все двадцать человек, собравшиеся для похорон, в неудержимой панике стали запрыгивать в яму, которую рыл Рахим.

– Что вы делаете?! Остановитесь! – кричала я обезумевшей толпе. – Он же задохнется под вами!

– Мне нечем дышать! – раздавался голос Рахима снизу.

На наше счастье, в тот момент с самолетов не стали сбрасывать бомбы. Первое время с них лишь осуществляли обстрел из автоматов, от пуль которых нам удалось укрыться, и Рахим, слава Богу, смог вовремя выбраться наружу и отдышаться.

До самой последней минуты эти самолеты то и дело кружили на небе, то обстреливая нас, то сбрасывая бомбы, не давая возможности похоронить девятерых человек. В результате, не сумев провести траурное мероприятие как подобает, Рахим и Шахмурад, наш двоюродный брат, помогавший ему выкапывать ямы для тел, попросили всех присутствующих прочитать одну суру из Корана для всех погибших.

– Да простит Всевышний грехи наших близких! – начал Алимардан. – Мой брат сегодня покинул этот мир! Прочитайте суру «Аль-Фатиха» и как можно быстрее уходите отсюда. Я не хочу, чтобы кто-то еще потерял свою жизнь здесь...

Без сил я села на землю и опустила руки в песок, которым была засыпана могила Гахрамана. Из глаз безостановочно текли слезы.

– Ты мне был как брат, дорогой Гахраман... – шептала я.

– Прости нас, Гахраман, брат мой... – шептал Алимардан с другой стороны могилы, держа на руках Рахмана.

Так и не сумев побыть с Гахраманом подольше, мы поспешили вернуться домой. Как же было больно проводить такую скомканную траурную церемонию для человека, который заслуживал намного большего, но нам ничего не оставалось, как покинуть небезопасное место. По дороге домой боль в животе не проходила, что не могло меня не беспокоить. В попытках как-то унять ее я выпила сладкой воды, но стало лишь хуже, на лице и по всему телу выступил пот.

«Должно быть, это из-за того, что я провела очень тяжелый день», – думала я.

Спустя некоторое время к нам приехали родственники из Исламабада.

– Вставайте и собирайтесь! Мы приехали за вами! Здесь вам больше оставаться нельзя. Тут очень опасно, – говорили они.

– Фарангис, с тобой все в порядке? Ты не очень хорошо выглядишь, – взволнованно спрашивал каждый.

– Да, все хорошо.

– Фарангис, возможно, это признаки родов, – взволнованно сказала Туран, жена моего двоюродного брата.

– Нет-нет, еще рано. Нам еще два месяца ждать.

– Может, он все же сместился... и торопится выйти на свет?

– Мы не можем оставить вас здесь в таком состоянии. Собирайте свои вещи.

Так, второпях собравшись, мы выехали в путь и, ночью добравшись до Исламабада, остались в доме Резы. Ночь я провела в сильнейших болях и муках, которые изо всех сил старалась мужественно перетерпеть так, чтобы никого не разбудить.

– Я должна потерпеть. Малыш, тебе еще рано появляться на свет. Надо подождать... – говорила я, глядя на наш домик на горе, где когда-то родила Рахмана.

Однако в 6 утра, когда боли стали совсем невыносимыми, я все же поняла, что перетерпеть не удастся и ребенок действительно вот-вот родится.

– Алимардан, скорее позови на помощь. Скоро родится наш малыш, – дрожащим голосом сказала я, разбудив мужа.

Сразу после прихода Туран на свет родилась наша девочка Сохейла. Увидев своего ребенка, полностью обесилевшая, я потеряла сознание.

Открыв глаза, я поначалу не поняла, где нахожусь.

– Где я? – безуспешно попытавшись подняться, спросила я.

– Фарангис, все хорошо. Мы отвезли тебя в больницу, когда тебе стало плохо, – улыбаясь, сказала сидевшая рядом Турана. – Ты уже довольно себя измучила, поэтому тебе надо поспать. Дочка жива и невредима. Не переживай.

– Я не смогу больше спать.

Резко повернувшись, я увидела на соседней кровати знакомое лицо.

«Господи! Это же моя свекровь! – в смятении подумала я. – Но как она сюда попала?».

Попыталась все вспомнить, и в голове тут же всплыли мысли и картины: голова Гахрамана, плачущий Мусаййиб, обезглавленная дочь Хавар, израненная свекровь. Все это вновь болезненно закружилось в сознании, и меня вырвало.

– Держись, Фарангис! Не сдавайся, – подбадривала меня свекровь, когда я вновь открыла глаза. – С ребенком все хорошо. Поздравляю тебя с рождением дочки.

По улыбке на лице свекрови я поняла, что бедная женщина еще не знает о смерти сына. Турана позади нее знаками дала мне понять, что ей еще никто не говорил.

– Со мной все в порядке, – склонив голову, сказала я. – Просто мне тяжело оттого, что дочки нет рядом.

– Не волнуйся. Малышка находится недалеко от нас. Я сама буду кормить ее молоком, – успокоила меня Туран.

– Вам нельзя было носить тяжести, – сказал доктор, неожиданно вошедший в палату. – Как вы могли терпеть такую боль? Вы чуть не умерли!

– У меня не было другого выбора, доктор. Я должна была...

– Бог смиростивился над вами и ребенком. Вы обе были на грани смерти. Дочка родилась на два месяца раньше, потому что произошло опущение матки. Не

каждая женщина способна вынести то, что вытерпели вы. Я сейчас пропишу лекарства, которые помогут вам побыстрее поправиться и набраться сил.

Те два дня, что я находилась в больнице, Алимардан, родственники и соседи заботились о дочке. Туран, как и обещала, давала ей молоко, так как сама в то время имела грудного ребенка. А я боялась встречаться взглядом со свекровью. Меня сковывал страх при мысли о том, что она может спросить меня о Гахрамане. Однако, как бы я ее ни избегала, вопрос ее оказался неотвратим.

– Руле, ты слышала что-нибудь о Гахрамане? За все время, что мы здесь, он еще ни разу не приходил навестить меня.

– Ах! – закричала я, притворяясь, что у меня заболел живот.

– Что с тобой, Фарангис?! – взволнованно спросил Алимардан, вбежавший в палату, как только услышал мои крики.

– Ничего! – в слезах ответила ему я. – Просто скорее заведи меня отсюда! Я хочу домой.

Меня беспокоили сразу несколько вещей: волнение за дочь, мысли о покойном девере и тревога за свекровь, перед которой мне было невыносимо стыдно. Я больше не могла ей врать и при первой же возможности тут же сказала мужу, что не могу находиться с ней в одной палате.

Из-за нестабильного и опасного состояния свекрови врач не разрешил выписывать ее из больницы и строго-настрого запретил огорчать плохими вестями, которые могли усугубить ее здоровье. Мне же позволили уехать домой. С этой новостью я будто бы получила новый глоток жизни.

Солнце озаряло своими лучами нашу палату сквозь окно, выходившее на больничный парк, в котором изредка прогуливались пациенты вместе с посетителями.

– Когда выйдешь за пределы больницы, будь осторожна, – сказала свекровь перед моим отъездом. – Береги себя и дочку, и закахивайте ко мне почаще, пожалуйста.

– Обязательно. Вы тоже поскорее поправляйтесь и возвращайтесь домой. Нам понадобится ваша помощь.

– Пока еще раны от осколков гноятся, но, даст Бог, я скоро выздоровею и увижу свою внучку.

Собрав вещи с помощью Алимардана и взяв список необходимых лекарств, я наклонилась к свекрови, чтобы поцеловать ее, и мои глаза вновь наполнились слезами.

– Мама, помните, что вы – наша гордость, – сказала я дрожащим голосом, взяв ее за ту самую руку, которую когда-то клала на грудь ее умирающего сына. – Мы очень любим вас и ждем. Выздоровливайте поскорее.

Через 40 дней пребывания в больнице, когда свекровь уже находилась в доме у своего брата, ей рассказали о смерти Гахрамана.

ГЛАВА 10

В 1985 году, когда Ибрахиму исполнилось 22 года, мы решили засватать для него девушку, которая была нашей родственницей из города Кофравар. Подобная идея казалась нам настоящим глотком свежего воздуха после всего того, что мы пережили. Свадьба, как мы надеялись, должна была вновь пробудить в нас давно забытый вкус к жизни и желание радоваться. Поэтому, спросив разрешения и благословение у семей, которые все еще соблюдали траур по своим погибшим, сев в микроавтобус и взяв с собой гостинцы: рис, разнообразные сладости и мясо, – мы отправились в Кофравар, чтобы попросить руки дочери наших родственников. Получив их одобрение, через три месяца мы решили сыграть небольшую свадьбу, на которую, разослав пригласительные открытки, мы позвали и родственников, и друзей, и даже бойцов КСИР. Кто-то смог раздобыть музыкальные инструменты, ведь измученные трауром сердца людей так истосковались по музыке! В воздухе витала атмосфера радости. Женщины готовили плов с говядиной в огромных казанах, а затем раскладывали его по большим тарелкам, каждая из которых была предназначена для троих людей.

– Ибрахим, пришло время привезти невесту из Кофравара, – сказала я брату.

– Я не могу ехать... Лучше вам поехать и забрать ее без меня. Нехорошо мне, жениху, ехать за невестой, –

запинаясь и стесняясь, ответил Ибрахим, который еще ни разу не видел свою будущую жену.

В итоге через некоторое время невесту привез Рахим. Ее вывели к гостям под звуки музыки и веселого улюлюканья женщин, вытирающих слезы не то от счастья, не то от боли, о которой они смогли ненадолго позабыть. Все мы скучали по тем, кто уже больше никогда не сможет разделить с нами подобные счастливые моменты жизни, но все понимали, как важно нам было в тот момент немного отвлечься. Я же часто ловила себя на мысли о том, что периодически смотрю на небо в страхе, что над нашими головами вновь покажутся военные самолеты, предвестники новых страданий и боли.

Невеста была очень юной двенадцатилетней девочкой. Она была настолько мала, что даже в своей красной фате терялась среди гостей, которые окружали ее и радостно кричали.

Через несколько дней после свадьбы я застала брата собирающим вещи.

– Куда ты собираешься, Ибрахим?

– Туда, где я должен быть, – удивленно улыбнувшись, сказал он.

– Ибрахим, мы женили тебя для того, чтобы ты как можно реже нас покидал, – взволнованно сказала мама.

– Ничто не может заставить меня задерживаться здесь. Я должен идти.

– Послушай...

– Нет, это вы послушайте. Неужели вас обрадует, если я буду постоянно находиться здесь, а мои братья останутся одни в окопах, которые мы вырыли? Это то, чего вы хотите от меня? Пока враг шагает по нашей земле, мужчине стыдно отсиживаться дома!

Несмотря на все наши уговоры и наставления, Ибрахим все-таки собрал вещи и уехал на войну, пообещав возвращаться раз в месяц.

В марте 1986 года мы проводили в доме отца траурное мероприятие по случаю годовщины со дня смерти Джомэ. Прошел год с того момента, как не стало моего брата.

Зайдя в комнату, где отец сидел с родственниками, я собрала грязные стаканы и отнесла их к источнику.

«Как же часто Джомэ приходил сюда и плескался в воде... – подумала я. – Как будто это было совсем недавно...».

Недалеко от себя среди густой зеленой травы я заметила два цветка, бутоны которых уже полностью распустились. Несмотря на то, что праздник Нового года еще не наступил, весна, казалось, уже полностью вступила в свои права, и солнце, словно вырвавшись на свободу, сияло во всю свою буйную и неудержимую силу, проникая в каждый уголок.

«Мы не будем праздновать Навруз в этом году, – продолжала я размышлять. – Джомэ погиб в это время, и у нас еще столько погибших. Как тут можно думать о празднике?..».

Резко поднявшись с земли и взяв поднос со стаканами, я отправилась домой.

– Отец, куда ты идешь? – удивленно спросила я, увидев отца с посохом в руках, выходящего из дверей.

– Пойду пасти овец, а ты побудь с гостями. Мне что-то нездоровится...

– Лучше я сама выведу овец, папа. Вернись домой.

– Нет, я сделаю это сам! – поправляя воротник, уверенно и категорично ответил он. – Я хочу подышать свежим воздухом.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Провожая взглядом заметно сторбившегося за эти годы отца, я долго наблюдала, как он медленным шагом ступает по земле и бьет своей палкой о камни, чтобы овцы продол-

жали идти. Я знала, что папе хотелось побыть одному и вдоволь наплакаться.

После ухода отца родственники тоже решили вернуться домой, а мы с мамой принялись готовить хлеб. Мама раскатала тесто и пекла его в печи, а я аккуратно складывала лепешки в стопку, периодически поглядывая за Рахманом, который за домом играл с соседскими детьми.

– Иди к сыну и последи за ним. Я сама тут справлюсь, – сказала мама, заметив мое беспокойство за ребенка.

– Нет, я останусь и помогу.

Через час, отряхнув свое платье и намочив лицо, мама взяла несколько готовых лепешек и, увязывая их в ткань, спросила:

– А где Сима?

– Не знаю. Сима! Сима!

– Да, мама! – послышался веселый голос сестры с улицы. – Я играла с девочками. Тебе помочь?

– Отнеси отцу этот хлеб и еду, доченька.

– Хорошо, – ответила Сима, сразу потянувшись за небольшим посохом.

Забрав у мамы сверток, она вприпрыжку побежала к отцу, хлопая своими шлепанцами, которые были ей заметно велики.

Я же взялась за веник и принялась подметать дом.

– Мама, скоро праздник. Хорошо было бы помыть этот ковер.

– Какой еще праздник, Фарангис...

– Я не имела в виду весело отмечать этот день. Я просто хотела предложить помыть ковер...

Больше ничего не добавив, я молча собрала мусор в совок и выбросила в ведро. Вдруг задрожала земля. Мама уронила посуду, которую держала в руках. Вокруг слышались леденящие душу крики. У меня перехватило

дыхание, когда, выглянув в окно, я увидела, как люди бегут в сторону горы и кричат друг другу:

– Что произошло?!

– Кто это был?!

Бросив совок на пол, я выбежала на улицу и, побежав в направлении толпы, ужаснулась от увиденного. На земле вся в крови, искалеченная, лежала наша маленькая Сима... Отец, облитый кровью, сидел рядом на земле, где лежали осколки взорвавшейся мины, и бил себя по голове... В ту минуту я чуть не потеряла сознание.

– Отойдите все! – закричала я людям, которые столпились вокруг.

Видя испуганные лица людей и слыша их крики, Сима испугалась и заплакала.

– Сима, смотри на меня. Успокойся. Дыши.

Сима, изо всех сил собравшись, перевела свои полные ужаса глаза на меня.

– Ничего не случилось. Ты просто немного ранена. Все будет хорошо. Сейчас мы отвезем тебя к врачу.

– Кто-нибудь, найдите машину! Скорее! – закричали в толпе.

Я попыталась приподнять Симу, но та вскрикнула от боли: у нее были сильно повреждены копчик и бедра.

– Отец, что случилось?

– Я совершал намаз и даже сам не понял, что произошло... Взрыв раздался во время молитвы... Это была мина... Опять мина... Да будут они прокляты!

Взяв на руки маленькую сестру, обливавшуюся кровью, я устремилась к селению, где нас уже поджидала машина.

– Боже, что это за напасть на нас снова свалилась! – кричала в ужасе мама, ударяя себя по голове.

– Вы с отцом оставайтесь здесь, а я поеду с Симой. Мама, последи за моими детьми, пока я не вернусь.

– Будь ты проклят, Саддам! Будь ты проклят, Саддам!! – повторила она.

Быстро сев в машину, мы помчались в больницу. Сима плакала, а я изо всех сил старалась ее отвлечь и успокоить.

– Фарангис, что со мной?

– Ничего страшного. Одежда немного испачкалась в крови, и есть небольшие ранения. Но врачи скоро все поправят.

– Я боюсь, что они сделают мне укол.

– Не волнуйся, все будет хорошо.

– Фарангис, я даже не поняла, как это произошло, – в слезах изливалась она. – Пока папа молился, я тоже присела рядом, и вдруг земля под ногами взорвалась...

– Боже, молю Тебя, сохрани жизнь моей сестре, – тихо молилась я, тайком от Симы утирая слезы. – Пусть ее ранения будут несерьезными... Прошу Тебя. Она лишь девочка. Боже, смилуйся над ней!

Неожиданно водитель остановил машину, увидев на дороге размахивающего руками Рахима.

– Сима, родная... – обезумев, говорил он, сев к нам в машину. – Что с тобой случилось? Фарангис, где ты была? Мы же доверили тебе детей. Клянусь Богом, я не прощу тебя!

– Что ты такое говоришь?!

– Как ты могла допустить, чтобы сестра подорвалась на mine?! Разве я не просил тебя следить, чтобы они никуда не ходили?!

– Она пошла к отцу, когда тот пас овец!

– Как ты могла в здравом уме отпустить сестру к этим овцам! Это уже четвертый ребенок! Мало мы пострадали за все это время, теперь еще это! Мало было смерти Джомэ, которого разорвало на куски, Джаббара, который лишился руки, Саттара, которому оторвало пальцы! Все тело ребенка до сих пор в осколках. Теперь

благодаря тебе и с Симой произошло то же самое! Как ты могла?!

– Что я могла сделать, Рахим?! До каких пор мне запрещать им ходить на улицу! Это же дети! Она просто вышла отнести отцу еды! В чем я виновата?!

– Пожалуйста, ради Бога, прекратите! – не выдержал водитель. – Рахим, в чем виновата Фарангис?! Аллах велик! С ребенком все будет хорошо.

После этих слов Рахим больше ничего не добавил. Он очень переживал и плакал, глядя на маленькую Симу, которая, увидев, как мы ругаемся, разрыдалась еще сильнее.

– Ребенок боится... Если ты успокоишься, убив меня, то пожалуйста. Я готова!

В ответ Рахим закрыл лицо платком и, содрогаясь, плакал до самой больницы в Гилянгарбе. Увидев Симу, врач ужаснулся. У сестры была оторвана часть бедра.

– Медсестра! – сказал он, попытавшись взять себя в руки. – Принесите мне все необходимые медицинские принадлежности. А вы, сестра пострадавшей, помогите мне! Надо разрезать ее штаны.

Взяв ножницы, я разрезала штаны Симы, которые после взрыва и так были разорваны в клочья. Сима, шоковое состояние которой постепенно стало проходить, начинала ощущать усиливающееся чувство боли. Заметив это, доктор сразу сделал укол обезболивающего и сказал:

– Я постараюсь как-то зашить рану, но после этого вам необходимо будет срочно забрать ее в Исламабад.

Подойдя ко мне ближе, он шепнул:

– Я не знаю, что мне делать. У нее почти полностью оторвало бедро и немного задета кость. Состояние очень тяжелое...

– Ради Бога, сделайте все, что необходимо. Сима должна жить!

Увидев копчик и спину сестры, я ощутила дрожь в коленях. Кожа девочки была изорвана в клочья. Все ее почерневшее тело было покрыто многочисленными осколками. Взяв сестру за руки, я обратилась к врачу:

– Прошу вас... Начинайте.

В течение двух часов работы врача Сима плакала и от боли кусала мою руку, позднее почерневшую от синяков. По наморщенному лбу и напряженному лицу врача я понимала, что он старается сделать все, что в его силах, чтобы сохранить жизнь нашей девочке.

Мужчина из Гилянгарба по фамилии Шакийан во время операции стоял рядом с нами и, видя, как сильно я переживаю и плачу, успокаивал нас всех.

Спустя два часа врач обратился ко мне и Рахиму:

– Я сделал все, что мог, но, к сожалению, раны слишком глубокие и кровотечение очень обильное. Повреждена кость. Вам следует немедленно отвезти ее в Исламабад, если хотите сохранить ей жизнь.

– Я отвезу вас! Возьмите ребенка! – тут же откликнулся Шакийан, услышав слова врача.

– Большое вам спасибо, – сказал Рахим, с искренней благодарностью посмотрев на нашего спасителя. – Да облегчит Аллах вашу жизнь!

– Поторопитесь. Машина готова!

Осторожно взяв на руки перебинтованную, стонущую от боли сестру, мы поспешили перенести ее в машину и сразу тронулись в путь по гористой и холмистой местности. По дороге Сима то теряла сознание, то снова пробуждалась, периодически издавая глубокие вздохи. Я знала, что она прокручивает в голове момент взрыва и от этого мучается еще сильнее.

«Как сейчас моя собственная дочь?.. – вдруг подумала я. – Что делает Сохейла? Поела ли она? Как она обходится без моего молока? С ними все хорошо... Сейчас я нужнее моей сестре».

В больнице Исламабада нас встретили медсестры, они сразу забрали Симу и увезли в операционную. Из последних сил я стояла перед дверями операционной в ожидании вердикта врачей, но в итоге, полностью обессилив, еле выдерживая сердечную боль, села на пол и погрузилась в мысли:

«Наверное, Рахим прав, и я действительно виновата в том, что случилось с Симой. Я сама должна была отнести еду отцу. Лучше бы это произошло со мной... Сначала Саттар, затем Джаббар, Джомэ... а теперь и Сима стала жертвой этих мин из-за моей неосторожности...».

Через несколько часов Симу перевели в реанимационную палату. Сердце мое заполыхало при взгляде на мою беззащитную худенькую девочку, казавшуюся еще меньше на больничной кровати. Она лежала с закрытыми глазами и не двигалась.

– Сестренка моя... – сказала я в слезах, бросившись к ней.

– Вы сопровождающий пациента? – раздался сзади голос врача через некоторое время, когда Сима открыла глаза.

– Да, я ее сестра.

– Девочке надо будет побыть в больнице еще несколько дней. С помощью Всевышнего, она скоро пойдет на поправку. Однако из-за обильной потери крови вам надо будет постараться и помочь ей правильно питаться, чтобы она побыстрее восполнила силы. Вот, в этой банке все осколки, которые мы извлекли из ее тела.

Взяв стеклянную банку из рук доктора, я принялась ее пристально рассматривать. Внутри были сотни мелких осколков и один довольно большой.

– Чего же вы еще от нас хотите?! – с ненавистью прошептала я, глядя в банку. – В чем была виновата моя маленькая сестра?

– Вы что такое говорите?! – вмешался в мои размышления Шакийан. – Поблагодарите лучше за то, что их всех вытащили!

С банкой в руке он уверенным и бодрым шагом направился к Симе:

– Смотри, девочка, скоро ты пойдешь на поправку!

Сима в ответ лишь закрыла глаза.

– Я кладу их сюда рядом на тумбу!

– Нет! Прошу вас, уберите их! – застонала Сима.

– Хорошо-хорошо, убираю! Но смотри, потом с меня не спрашивай, – пытался шутить Шакийан.

В течение всего времени, что мы находились в больнице имени имама Хомейни, Сима периодически плакала и капризничала, прося нас забрать ее домой.

– Надо проявить терпение, милая, – объясняла я ей. – Джаббар и Саттар тоже пережили взрыв мины и тоже вынуждены были немного подождать. Это необходимо для твоего же блага. Сима... это последний раз, когда я позволила тебе одной отправиться на гору. Больше такого не повторится.

Через семь дней пребывания в больнице, когда мы вернулись домой, нас встречало все селение. Люди радовались и радостно восклицали, видя живую и почти здоровую Симу у меня на руках, а она, в свою очередь, тоже заметно ожила. Я уложила ее в постель, вокруг которой сразу расположились Лейла, Джаббар и Саттар, и взяла на руки Сохейлу, которая тут же принялась искать грудь.

– Мама, я даже не знаю, осталось ли у меня еще молоко... – тревожно обратилась я к матери.

– Твоя дочка все это время пила теплую кипяченую воду, Фарангис. Прости... – ответила мама.

– Да убережет тебя Аллах, Фарангис! – вошел в комнату радостный Алимардан с Рахманом на руках. – Как же хорошо, что ты вернулась домой вместе с Симой. Нам тебя очень не хватало.

Улыбаясь, я крепче прижала к груди Сохейлу и обняла Рахмана.

Дети радостно столпились вокруг Симы и о чем-то с ней весело разговаривали, а я задумчиво смотрела на трех маленьких жертв мин: на руку Джаббара, пальцы Саттара и ноги Симы.

– Смотри, Сима! – говорили мальчики. – Мы уже поправились, и кровь совсем не идет. Тебе тоже скоро полегчает, и все пройдет!

От слов детей из глаз моих хлынули слезы. Сердце болело так, что казалось – оно никогда уже не излечится и навсегда останется в этих шрамах, нанесенных безжалостной жизнью.

Однажды Рахим и Ибрахим организовали под горой сельское собрание, на которое мужчины почему-то приносили доски, камни и песок.

– Что случилось? – спросила я, не понимая, что на этот раз затеяли братья.

– Мы хотим соорудить окопы и убежища.

– Здесь? Возле источника?

– Да, рядом с водой будет лучше, – ответил один из солдат КСИР, прервав работу. – Теперь эти безбожники стали сбрасывать на людей химические бомбы. Во время такой бомбежки необходимо как можно быстрее добраться до воды, чтобы смыть с кожи ядовитые газы.

Сначала мужчины выкопали большую яму, а затем накрыли ее большими листами фанеры. Окоп, вызывавший у нас искреннее удивление, действительно был сооружен в очень удачном месте и вмещал около 80 человек. Вход в это убежище тоже был сделан так, чтобы нам было удобно забираться туда в случае бомбежки.

Во время бомбежек мы сразу бежали к нашему новому убежищу, которое также сотрясалось от взрывов.

Однако все мы понимали, что находиться там было безопаснее, чем снаружи. После сильнейшей атаки с воздуха ничто не могло уцелеть на поверхности земли, но благодаря этому окопу нам все же удавалось сохранить наши жизни.

Мы уже привыкли к тому, что ежедневно на наши дома совершались воздушные атаки. Сначала в небе появлялись белые самолеты, а затем начинался прямой ракетный обстрел с черных самолетов. Иногда сбрасывали ящики, которые, раскрываясь в воздухе, выбрасывали на землю десятки бомб. Следующим этапом атаки был автоматный обстрел с самолетов, которые пролетали низко над землей.

Однажды во время прерванного сбора урожая, укрывшись в безопасном месте, я обратила внимание на то, что усиленная атака происходит в направлении селения Дейра. Не прошло и 15 минут, как солдаты сообщили нам, что все селение погибло вследствие химической атаки. Такая новость не могла не поразить наших жителей, родственники которых проживали в этом селении.

– Ближайшие дни после химической атаки вам не следует покидать свои убежища! – предупреждали нас Рахим с Ибрахимом. – Здесь очень опасно!

После атаки Дейры никто не мог скрыть своих опасений по поводу нашего селения.

– Если иракцы начнут атаковать, бегите в сторону горы или же к убежищу у источника! – наказывали нам мужчины.

В другой раз во время очередной атаки в страхе перед химическим отравлением все побежали к источнику и укрылись там, однако пожилая женщина по имени Каукаб Мейри, не сдвинувшись с места, сидела на камне перед своим домом. После того как самолеты улетели и все вышли из окопа, мы были поражены, увидев, что

бабушка Каукаб все еще продолжает как ни в чем не бывало сидеть на своем камне.

– Почему ты не спряталась, бабушка Каукаб?! – спрашивали мы у нее, пребывая в полнейшем потрясении и ужасе.

– Один из пилотов, сидящий за штурвалом самолета, был сослуживцем моего сына, – шутила она. – Он дал мне знать, что во время обстрела мне безопаснее находиться у моего дома, тогда он меня не тронет, так как стрелять будет только по людям, которые побежали к источнику.

– Ты говоришь правду, бабушка Каукаб? – с круглыми глазами спрашивали доверчивые дети.

– Да нет же, бабушка шутит, – объясняла им я. – Бабушка Каукаб хотела донести до нас лишь одну мысль. Наши жизни в руках лишь одного Всевышнего. Она полностью верила себя Его воле и поэтому не испытывала ни капли страха.

Через год после гибели Гахрамана все родственники захотели отметить годовщину со дня его смерти более подобающе, нежели день его погребения, в который мы из-за бомбежки не смогли провести полноценной траурной церемонии. Родственники тех, кто погиб в тот день вместе с Гахраманом, захотели устроить поминки по своим усопшим отдельно, поэтому и у нас было решено годовщину проводить в своем кругу. Двое братьев мужа, Реза и Неймад, также приехали вместе со своими женами, Газаль и Кешвар. Все вместе мы были заняты подготовкой к траурному мероприятию, чистили рис, разделявали говядину для плова, кто-то накрывал на стол.

Побыв с нами немного, отец, сославшись на какие-то дела в Авезине, вынужден был нас покинуть. Ради собственного спокойствия я проводила его из дома и

следила за ним до тех пор, пока он не исчез из виду. Вернувшись домой, я продолжила заниматься делами.

Однако наши надежды провести спокойное траурное мероприятие не сбылись, так как в тот самый день, когда мы все собрались в доме покойного Гахрамана, вновь началась бомбежка. Не успели послышаться взрывы, как люди привычно устремились в сторону окопов. Недалеко от нас на дом соседа упала бомба, разнесшая его в руины. Послышались крики. Джафара Шахбази, нашего соседа, подбросило в воздух взрывной волной, и его бездыханное тело упало на землю передо мной. Один из мужчин, бросившийся на помощь раненым, тоже был убит на месте.

Людям ничего не оставалось, как бежать к горе, где было безопаснее, чем в селении. Как только бомбежка приостановилась, приехало несколько машин скорой помощи, солдаты из которых в спешке забрали всех раненых и увезли их.

На горе с ночи до самого утра мы тряслись от холода, пока за нами не приехали военные на автомобилях и не увезли в селение Челле, где, по мнению солдат, было безопаснее.

Мясо и рис, что мы приготовили для поминок, так и остались нетронутыми дома. Так мы и отметили годовщину гибели Гахрамана.

В 1988 году мне исполнилось 27. Прошло уже восемь лет с начала войны, и, несмотря на то, что ежедневно мы были вынуждены слышать взрывы бомб и лязг танков, нам уже не приходилось каждый раз искать убежища на горе.

Однажды, когда я сидела на крыше дома, моем любимом месте в те времена, я увидела идущего к нам Рахима. Закинув ружье за спину и накрыв голову мок-

рым платком, чтобы как-то вынести дневную жару, он медленно приближался к нашему дому, как вдруг заметил меня на крыше.

– Салам, Фарангис! – улыбаясь, закричал он мне.

Жестом я дала ему знать о том, что у меня к нему дело, и тут же поторопилась спуститься вниз ему навстречу.

– Что ты делаешь там, на крыше?

– Строю себе вышку! – пошутила я. – Чтобы где-то там наверху спрятаться от иракцев.

– Да уж! – ухмыльнулся он. – Иракцы на самом деле очень близко и могут нанести удар в любой момент. Нам нужно быть начеку.

– Пойдем, попей чая. Посиди с нами немного.

– Нет, я недавно пил чай у мамы.

– То есть ты даже не хочешь выпить чая, которым угощает тебя родная сестра? – словно обижаясь, лукаво спросила я.

– По-моему, вы с мамой в итоге превратите меня в бочку. Под предлогом чая вечно меня задерживаете. Хорошо... задержусь у вас на несколько минут. Давай свой чай!

Предложив брату присесть во дворе, я отправилась на кухню, взяла вскипевший к тому времени на печке чайник, налила чай в пиалу и, бросив туда пару кусочков сахара, поставила перед братом.

– Рахим, что сейчас происходит на фронте? – сев напротив него, взволнованно спросила я. – Победа ведь будет на нашей стороне?

– Мы уже победили! Разве ты не видишь, что мы с ними сделали? Ты не поверишь, но я каждый день отправляюсь в их убежища, снимаю их флаги и приношу нашим!

– Это, конечно, не особо приятное явление для них, но с ними необходимо поступать и мстить совсем иначе.

– Фарангис, если бы мы не защищали эти земли, то давно бы уже проиграли эту войну. Сама подумай. Вот уже восемь лет мы живем в состоянии войны, и все это время мы гордо стоим перед ними и сопротивляемся.

– Я знаю... Но мне очень хочется, чтобы все стало как раньше... Просто очень хочется жить. Рахим, уже целых восемь лет мы не видим тебя дома...

– Мой дом – это весь Авезин и Чагалванд. Где же я, если не дома?

– Да, ты прав... Но мы так редко видимся и очень скучаем. Мама каждый день тебя ждет...

– Фарангис, пусть в эти моменты мама подумает о тех женщинах, которые уже никогда не увидят своих детей.

– Она же мать, Рахим. Сердце ее томится от того, что и ты, и Ибрахим – оба на войне. Рядом с ней нет хотя бы одного из вас, кто бы успокоил ее взволнованное материнское сердце.

– Мне уже нужно идти, – вставая, сказал он. – Но есть кое-что, о чем я должен тебе сказать, Фарангис...

Рахим посмотрел на меня так, что мое сердце задрожало.

– Я хочу попросить тебя кое о чем, но прошу тебя не отказывать мне в этой просьбе...

– О чем же ты хочешь попросить меня?

– Если иракские войска снова прорвутся, займут эти территории и войдут в наши дома, а вы снова станете беженцами, я прошу тебя больше не возвращаться в селение. Здесь будет очень опасно, и, если ты попадешь в руки иракских солдат, тебя не оставят в живых.

– Я не могу пообещать тебе этого, так как это не в моих силах, – положив руку на плечо брата, сказала я. – Но я могу пообещать тебе, что никогда не попаду в руки иракцев, даже если это будет стоить мне жизни.

Увидев угрюмое лицо брата, я вдруг засмеялась.

– Когда сам перестанешь отправляться к иракцам, тогда и я подумаю! А то я слышала, что ты уже заходишь к ним в окопы!

– Я только забираю их флаги! – улыбаясь, нарочито возмутился он.

– Все же! Это очень опасно! Рахим, прошу тебя, будь осторожен... Да хранит тебя Всевышний, – обнимая брата, сказала я.

Все во внешности Рахима говорило о том, что он дитя, рожденное среди гор: его сильное телосложение, ружье, мужской платок, свисающий с плеч, пыльные и потрепанные курдские брюки.

– Да хранит тебя Аллах... – прошептала я, глядя вслед брату. – Лучше мне самой умереть, чем узнать о твоей гибели...

С самых первых дней войны Рахима не было дома, и мне так хотелось, чтобы он остался у нас подольше. Так сильно я истосковалась по нему и так искренне хотела вдоволь наговориться. Но вот уже 8 лет его домом были степи, а наша мать вынуждена была изо дня в день ждать своих сыновей, пребывая в изнуряющей душу разлуке.

ГЛАВА 11

В июле 1988 года, когда по радио объявили о принятии 598-й резолюции ООН, провозгласившей прекращение вооруженных действий между Ираном и Ираком, я обедала на кухне. Все жители Гурсефида тут же заполнили улицы, повсюду раздавались поздравления и радостные крики. Некоторые молча стояли и наблюдали за происходящим, другие проливали слезы и не могли найти слов, чтобы описать то чувство, которое в эти минуты их переполняло.

– Разве ты не счастлива, Фаранг? – спросил меня Алимардан.

«Я бы очень хотела, чтобы Рахим был здесь с нами и объяснил, что происходит», – помедлив, подумала тогда я. Что на самом деле означает принятие этой 598-й резолюции? О чем она свидетельствует? 598... Разве это число чем-то отличается от любых других?

Через некоторое время Рахим вместе с несколькими сослуживцами приехал к нам в город, и мне не терпелось задать ему все вопросы, которые накопились у меня в голове.

– Рахим, что это за 598-я резолюция? Что это за число? Война действительно закончилась? Кто победил? – осыпала я его вопросами.

– Фарангис, забудь о самом числе 598! Знай лишь, что война и вправду закончилась!

– Мы так достойно сражались... Мы ведь их всех сокрушили?

Ничего не ответив, Рахим сел на землю, погрузился в свои мысли и, утирая слезы, напевал военную песню о своих погибших друзьях-солдатах. Растроганная пением брата, я присела рядом с ним и тоже стала тихо плакать, больше не требуя с него ответов ни на какие вопросы.

Спустя несколько дней, когда Сохейла и Рахман играли во дворе, до меня донесся рокот приближающегося трактора. Выглянув из окна, я увидела Алимардана, который на арендованном в другом селении тракторе ехал в направлении нашего дома с многочисленными мешками пшеницы и продуктов.

– Машалла! Как я вижу, у тебя очень много подарков! – улыбаясь, крикнула я.

– Фаранг, лучше помоги мне спустить все это! – смеясь, ответил Алимардан, весь покрытый пылью.

Закатав рукава и подняв подол платья, я принялась помогать мужу. Хоть мешки с пшеницей и были довольно тяжелыми, для меня носить их не представляло большого труда. Мешок за мешком, хватаясь за узелки с обеих сторон, мы складывали их во дворе.

– Алимардан, ты уже очень устал! – обратилась я к мужу через некоторое время. – Чай готов, пойдешь отдохнуть, а я закончу все сама.

Когда я занесла все оставшиеся мешки, Алимардан сказал:

– Мне нужно вернуться за другими мешками.

– Если хочешь, я поеду с тобой. Помогу тебе все загрузить в машину.

– Нет, я сам все загружу. Спасибо тебе за помощь.

– А что из этого принадлежит нам?

– Половина наша!

– Господи, слава Тебе! – обрадовалась я.

Повязав голову мокрым платком, Алимардан вновь сел за руль трактора.

– Будь осторожен в дороге!

Подумав о том, как сильно устанет муж в конце дня, мне захотелось приготовить что-то особенное, чтобы сделать ему приятное. Вспомнив о курице, я побежала на кухню и достала ее из холодильника, решив сделать любимейший всеми плов, аромат которого вскоре наполнил весь дом.

– Мама, что мы сегодня будем есть на ужин? – раздался голоса детей, почуявших манящий запах.

– Рис с курицей.

– Ура!

– А когда мы сможем поесть?

– Скоро все будет готово. Пока идите поиграйте немного во дворе.

Не успела я проводить детей, как вдруг услышала до боли знакомый шум с улицы. Подойдя к двери, я обомлела и застыла на месте, увидев колонну иранских танков, возвращавшихся с поля боя.

– Разойдитесь! Будьте осторожны! – кричали солдаты из люков.

«Неужели мы проиграли? – с дрожью в теле подумала я, посмотрев на одного из солдат с надломленной палкой в руках. – Неужели наши войска устали от войны и теперь, испытав поражение, отзываются обратно?».

Войска и вправду выглядели ужасно. Раненые и с ног до головы покрытые пылью и грязью солдаты бежали изо всех сил.

– Бегите отсюда! Поторопитесь! – кричали они, приблизившись к Гурсефиду. – Скоро здесь будут враги! За нами идут враги!

«Как? Куда нам бежать? – в смятении думала я. – Разве война не закончилась? Иракцы снова напали на нас? Мужа ведь нет дома... Что мне одной делать с двумя детьми?».

В панике подбежав к одному из солдат, я спросила:

– Брат, что случилось? Что нам делать?

– Убегать! Прямо сейчас! Не оставайся здесь! – кричал он вне себя. – Ради того, чтобы защитить свою собственную честь, беги! Иракцы напали на нас, заручившись поддержкой местных сил, поддерживающих власть Саддама.

Вокруг снова начался хаос, от которого я так быстро успела отвыкнуть. Не медля и минуты, испуганные жители Гурсефида бежали в сторону Гилянгарба, поднимая за собой тучи пыли. Не успели все обрадоваться вести о прекращении войны, как мы снова вынуждены были бежать.

Я обернулась и посмотрела сначала на свой дом, перед которым стояли испуганные и плачущие Рахман и Сохейла, затем на трассу.

«Что делать? – в ужасе размышляла я, пытаюсь собраться мыслями. – Куда бежать? Что с моими родителями, братьями с сестрами? Где мой муж? Лучше я останусь здесь... Что может случиться?».

– Сестра, почему ты все еще стоишь здесь? – окликнул меня один из солдат. – Тебе надо бежать!

– Вы убегаете и оставляете простых жителей без помощи?! Не уходите! Остановитесь!

С просьбами и криками остановиться я выбежала к танкам, размахивая руками.

– Остановитесь! Защитите нас! Не убегайте!

Ко мне присоединились и другие люди, но все наши старания были тщетны. Видя полную уверенность солдат и собственными глазами убедившись в том, что ситуация действительно вышла из-под контроля, присоединившиеся ко мне люди тоже стали разбегаться.

– Фарангис, беги! – закричала мне соседка Кешвар. – Не упрямясь и спасай свою жизнь! На этот раз атака иракцев оказалась слишком болезненной для нашей армии. Нас никто не сможет защитить!

Издали в нашем направлении надвигались самолеты, которые, становясь все ближе и ближе, сбрасывали на землю бесчисленные снаряды и бомбы. Быстро взяв на руки Сохейлу и Рахмана, обезумев, я побежала во двор, мысли отчаянно металась в голове. Казалось, полностью потеряв рассудок, я думала о том, что сначала нужно погасить печь, на которой стояла кастрюля с едой, затем я принялась давать траву корове и теленку, которых мы недавно купили, продав немного золота и взяв в долг у фонда гуманитарной помощи. Я печально посмотрела на мешки пшеницы во дворе, затем на детей и, собрав волю в кулак, решительно подошла к ним.

– Рахман, ты должен бежать за мной к дороге! Слышишь меня? – кричала я ребенку, взяв на руки Сохейлу.

– Мама, возьми и меня на руки! Я не могу!

– Малыш, ты должен! Я не смогу бежать с вами обоими на руках! Быстрее! Сейчас придут иракцы.

– Где папа? Что случилось?

– Папа тоже скоро придет. Не волнуйся! – успокаивала я ребенка, в душе страшно переживая за мужа.

Добравшись до трассы, я попыталась остановить машины, проезжавшие мимо нас, но две из них были уже заполнены, поэтому они не остановились.

«Нам лучше бежать в направлении движения, – думала я, уворачиваясь сама и защищая детей от летящих вокруг нас обломков и осколков. – Увидев нас на дороге, кто-нибудь обязательно остановится...».

Плачущие, кричащие женщины и дети бежали в сторону Гилянгарба. Кто-то был босиком и бежал из последних сил, а я все думала о том, сколько еще смогу протянуть с детьми. Возможно, легче было бы побежать в сторону горы и укрыться в какой-нибудь пещере, но я понимала, что там бы нас быстро нашли и расстреляли, поэтому все, что нам оставалось, – это бежать... бежать, пока кто-то не подберет нас.

Обернувшись назад, я увидела трактор, в котором ехала большая группа людей.

– Остановитесь! – закричала им я, размахивая руками. – Прошу вас, ради этих детей, остановитесь! Помогите!

Увидев плачущих рядом со мной Сохейлу и Рахмана, водитель резко нажал на тормоза.

– Быстрее, освободите место! Мы возьмем их с собой! – приказал он.

Сидевшие на тракторе люди протянули руки, чтобы поднять Сохейлу и Рахмана. После детей, воспользовавшись лестницей, на трактор взобралась и я сама. Лишь усевшись там в углу и обняв испуганных детей, я почувствовала, как сильно болят руки и плечи от тяжелой физической нагрузки.

Однако прошло не так много времени, как вдруг раздался звук, после которого трактор резко остановился.

– Выходите! – закричал водитель. – Дальше вам придется идти пешком! Трактор сломался!

Выбравшись из трактора, я взяла на руки Сохейлу и побежала вперед, держа за руку Рахмана, но тот стал так капризничать и плакать, что не успевает за нами и устал, что мне пришлось остановиться и, даже не переведя дыхания, спустить Сохейлу на землю и взять на руки Рахмана. Голова моя была забита мыслями о семье.

– Господи, – молилась я про себя, – молю Тебя, защиты моих родных и близких! Помогите мне найти их!

До самого Гилянгарба я пыталась успокоить испуганных детей, наблюдавших за встревоженными людьми, которые куда-то бежали.

– Не бойтесь, – говорила я им, крепко прижимая к сердцу. – Я же рядом... Вам нечего бояться. Все будет хорошо.

В Гилянгарбе обстановка была столь же панической и ужасающей.

– Сестра, здесь небезопасно! – закричал из военной машины один из солдат, резко остановившийся перед нами. – Садитесь скорее в машину! Нужно уезжать отсюда!

– Мне нужно сначала найти свою семью! – не раздумывая, ответила я.

Обойдя всю территорию въезда в город и расспросив всех людей, я так и не узнала ничего о своей семье. Поняв, что их еще никто не видел, я направилась к дороге, которая вела в Гурсефид, и стала дожидаться там, ловя удивленные взгляды убегающих людей, не понимающих, почему я стою на месте и смотрю в сторону города. Вдруг рядом со мной резко затормозила машина, из которой вышел дядя Хешмат.

– Фарангис! Слава Богу! – вскричал он, обнимая меня и детей. – Где все остальные? Где мама и дети?

– Их нигде нет, дядя! – в слезах ответила я. – Все это время я стою здесь, надеясь увидеть их.

– Не переживай! Скоро оно придут. Я тоже дождусь их вместе с тобой!

Каждая секунда ожидания в том месте тянулась для меня словно год, создавая миражи, из-за которых мне повсюду мерещилась мама.

– Дядя Хешмат, если ты присмотришь за моими детьми, я смогу вернуться в город и найти их, – истощив все свои запасы терпения, предложила я.

– Нет, нельзя! Оставайся и жди здесь.

Не успел дядя договорить, как перед нами остановился танк, из люка которого торчала голова Лейлы.

– Слава Богу! – вскричали мы, не веря своим глазам.

Из обгорелого и обстрелянного танка дядя помог вылезти Лейле, затем вышли Джаббар, Саттар, Сима и мама.

– Мама, где отец? – испуганно спросила я.

– Он отвел овец в безопасное место. Сейчас должен быть в пути к нам.

– Да воздаст вам Всевышний за благое дело, которое вы сделали для нас! – закричал дядя вспотевшему юному танкисту, высунувшему голову из люка. – Спасибо вам! Да хранит вас Аллах.

– Да убережет его Аллах! – добавила мама. – Джомэ Сарвари остановил его и попросил взять нас с собой.

– Еще чуть-чуть, и мы бы задохнулись в танке, – сказала Лейла, потянув меня за платье. – Увидев, как мне плохо, этот брат высунул мою голову из люка, чтобы я могла отдышаться.

Дети были истощены и совсем побледнели.

– Почему вы до сих пор зажимаете уши? – с удивлением спросила я Симу.

– В танке было так громко и душно, что у нас до сих пор болят уши и кружится голова.

– Быстрее садитесь в микроавтобус! – неожиданно раздался позади нас голос Теймура Хейдарпура, моего двоюродного брата. – Нас увезут в Касегяран! Поторопитесь!

Ни минуты не мешкая, с помощью солдат из КСИР, которые приехали помогать местному населению, мы зашли в микроавтобус вместе с другими людьми, услышавшими зов Теймура. В салоне началась такая давка, что мест не хватало даже стоящим.

– Быстрее! Уезжай! – закричали солдаты водителю. – Отвези их на место и скорее возвращайся!

– Мы никого не забыли? – закричал дядя Хешмат.

– Нет! – посчитав всех детей, ответила я, начав читать молитвы из Корана, которым учил нас отец, и крепко обняла испуганных Рахмана и Сохейлу, которые все сильнее прижимались ко мне.

– А где Алимардан? – спросила мама.

– Не знаю... – обеспокоенно ответила я. – Но я обязательно вернусь и найду его.

Все пятьдесят человек, которые кое-как втиснулись в салон микроавтобуса, испытывали сильнейшее чувство

удушья и нехватки воздуха. При малейшем повороте и тряске сдавливались все конечности, в воздухе дурно и невыносимо пахло рвотой детей, которые кричали во все горло.

– Ради Бога, откройте окна! – крикнула я людям, сидящим на креслах. – Мы все сейчас задохнемся!

Приблизительно через 15 минут мы приехали в село Касегран под звуки взрывов, доносившихся до нас со стороны Гилянгарба. Выйдя из микроавтобуса, все принялись жадно переводить дыхание. Ничего не подозревающие жители, до которых еще не дошли вести о вновь начавшихся боевых действиях, недоумевающе смотрели на нас и спрашивали, что случилось.

Все пассажиры микроавтобуса разделились на группы и направились по домам местных жителей. Не теряя времени, мы поспешили в дом к нашему родственнику Хейдару Парма, жена которого, увидев нас у двери, ударила себя по груди и взволнованно спросила:

– Что с вами произошло?!

– Мы пришли к вам за помощью. Нам нужно убежище.

– Что вы такое говорите! Считайте это место вашим собственным домом! Проходите скорее внутрь. Да покарает меня Аллах, если я оставлю вас в таком состоянии.

Жена дяди Хейдара тут же налила нам чая, угостила заплаканных и измученных детей хлебом и свежей сметаной.

– Мне нужно вернуться за нашими вещами, – сказал дядя Хешмат.

– Я тоже пойду с тобой! – поддержала его мама. – Наши дети в безопасности, и можно спокойно отправиться за всем необходимым.

– И я с вами! – тут же подхватила я. – Я ничего не успела взять для детей. К тому же я не могу оставаться без действия, когда ничего неизвестно об Алимардане.

– Я не могу взять тебя с собой, Фарангис. Ты слишком молода, а мы с твоей матерью уже прожили свое. Если мы попадемся в руки иракцев, с нами расправятся. Тебе нужно остаться здесь, с детьми.

– Что бы ты ни говорил, я все равно пойду с вами.

– Нет! – не сдавался дядя. – Тогда и мы никуда не поедем.

В результате горячих споров и препирательств все решили немного переждать. Я сидела, обняв колени, я вновь ушла в свои беспокойные мысли, размышляя о муже, о нашем доме, о голодных корове с телятком и в целом обо всей той долгожданной жизни, которая у нас начала было зарождаться и снова внезапно оборвалась. Взволнованно посмотрев на чумазию, перепачканную Сохейлу, я подумала о том, что не взяла для нее даже сменной одежды.

– Я так не могу! – не выдержав, сказала я жене дяди Хайдара. – Оставляю детей на вас. Пожалуйста, позаботьтесь о них, пока меня нет.

– Фарангис, прошу тебя! – обеспокоенно вскочила с места наша родственница. – С тобой там может случиться всё что угодно. Остайся. У нас дома есть все необходимые для жизни вещи. Я дам всё, что тебе нужно.

– Алимардана я тоже найду здесь?

– Алимардан – мужчина, и он сможет найти дорогу. А ты – девушка!

– Я скоро вернусь! – одернув платье, уверенно и категорично сказала я.

– Ты хочешь вернуться в Гурсефид? Ты сошла с ума! Тебя же схватят.

– Не волнуйтесь, я пойду туда в темноте и вернусь засветло. Дорогу я знаю хорошо.

Я вышла из дома и направилась к дороге, проходя мимо жителей, занятых сбором в мешки урожая пшеницы. Мужчины орудовали лопатами.

«Если бы я только знала, где сейчас Алимардан...» – подумала я и побежала по дороге в сторону Гурсефида, ловя на себе удивленные взгляды людей.

– Куда ты бежишь? – спросил солдат, проезжавший мимо на военном пикапе.

– В Гилянгарб.

– Садись! Я тебя подвезу.

К вечеру мы доехали до Гилянгарба, к тому времени заполненного иранскими военными формированиями. По всему городу, погруженному в хаос, было отключено электричество, поэтому передвигаться пришлось в темноте.

– Где сейчас иракские войска? – спросила я у одного из солдат.

– Должно быть, по ту сторону Гурсефида, напротив наших войск.

Вспомнив о наших знакомых, которые живут неподалеку, я отправилась к ним, предположив, что, может быть, они знают что-то об Алимардане. Мужчина, открывший дверь, сказал:

– Да, я видел вашего мужа. Он тоже искал вас!

Скорее направившись по адресу, который мне дал этот мужчина, я принялась искать мужа и в конце концов нашла его, растерянного и расхаживающего из стороны в сторону. Я подбежала к нему и положила руку ему на плечо.

– Фарангис! – воскликнул он вне себя от счастья. – Где дети?!

– Они в безопасности в Касергыране. Все живы и здоровы.

– Уходите отсюда скорее! – крикнул нам один из солдат. – Мы не сможем долго сопротивляться. Нас слишком мало! Спасайтесь!

– Фарангис, он прав. Нам нужно быстрее выбираться отсюда. Заберем детей и отправимся в Говавар.

– Алимардан, пока темно, я хочу вернуться в Гурсефид!

– Фарангис, прекрати! – ударив рукой о землю, возмутился он. – Зачем тебе туда идти? У нас больше нет дома! Он сейчас в руках иракцев!

– Я должна взять вещи для ребенка. Ты ведь знаешь, что по вечерам иракцев не бывает в наших домах. Мы ходили за продовольствием именно в это время. Я незаметно проскользну внутрь.

– На этот раз я тебя никуда не пущу! – гневно отвечал он, схватив меня за руку. – Говорят, что теперь некоторые иранцы тоже примкнули к иракским рядам. Они не станут раздумывать и начнут стрелять в тебя!

– Я все равно пойду! – оттолкнув его руку, резко ответила я.

– Только через мой труп! Либо ты меня убьешь и тогда отправишься туда, либо я тебя убью.

– Я как раз отправляюсь за своей смертью! Моим детям нужны вещи! Наш теленок тоже голодный.

Больше не в состоянии сопротивляться и видя мою непреклонность, Алимардан был вынужден сдаться и отправиться вместе со мной.

– Мы пойдем по тропе через холмы, – предложила я. – Дорогу мы знаем хорошо, так что все будет в порядке.

– Боже, защити нас! – подняв голову к небу, громко воскликнул Алимардан, пытаясь перекричать шум проезжавших мимо танков и машин. – Где еще женщина может так перечить мужу! Если бы я только знал, что это за сокровище ты оставила дома, что так безумно стремишься туда?! Ты не обязан идти со мной, я могу пойти одна. Такое чувство, что ты боишься.

– Боюсь? Кого или чего я боюсь?! Я боюсь за тебя. Я знаю, что, если ты попадешься в руки врагам...

– Алимардан, – перебила его я, – иракцы не знают этих мест так же хорошо, как я. Воспользовавшись этой

кромешной темнотой, я смогу незаметно пробраться в дом и забрать нужные вещи. Прошу тебя, не переживай.

Мы шли во мраке ночи под безоблачным небом, с которого ярко и невозмутимо сияющие звезды освещали нам путь. Слыша прерывистое и напряженное дыхание друг друга, мы порой настораживались от грохота взрывов, доносившихся до нас. Неожиданно вся округа осветилась. Мы тут же спрятались за большим валуном и неподалеку слышали голоса иракских военных, которые, проходя мимо нас, настороженно что-то искали. Приложив палец к губам, я дала знак мужу не издавать ни звука и подождать, пока солдаты уйдут.

Чем ближе мы подбирались к Гурсефиду, тем напряженнее становилась обстановка: вокруг раздавался свист пролетающих пуль, звуки взрывов снарядов, повсюду ходили иракские военные.

– Фарангис, собери вещи побыстрее! – прошептал мне муж, когда мы дошли до нашего дома.

Войдя в дом, я первым делом достала нож, который хранила в кухонном шкафчике, и спрятала его под одеждой. Затем, взяв небольшой вязаный мешок, стала собирать в него детскую одежду, документы и немного денег, которые лежали в сундуке. Алимардан в это время стоял на страже с палкой в руках. Взяв несколько охапок соломы, я пошла в сарай, чтобы накормить бедных изголодавшихся животных.

– Я буду навещать тебя... – прошептала я, прислонившись головой к маленькому теленку.

– Теперь она принялась разговаривать с коровами! – нетерпеливо и нервно возмутился Алимардан.

С одной стороны до нас стали доноситься звуки автоматной очереди, с другой – крики иранских и иракских солдат.

– Нужно сейчас же уходить! – сказал Алимардан, и мы побежали вон из дома в сторону трассы.

Множество мыслей промелькнуло тогда в моей голове, пока мы убегали из родного дома, и я то и дело оборачивалась в сторону Гурсефида.

– Чтoб его! – раздался из военного автомобиля голос иранского солдата, увидевшего нас бегущими по дороге. – Чтo вы делаете здесь ночью?!

– Я в плену у этой женщины! Она сейчас разрушит мою жизнь! – нервно ответил ему муж.

– Быстро залезайте в машину! Чего только не увидишь в этом мире...

Мы торопливо сели в машину, и наш спаситель резко нажал на педаль газа.

– Бог смирoстивился над вами! – продолжал сокрушаться наш спаситель. – Как вам только могло прийти в голову ночью приехать в Гурсефид?! Иракцы уже обосновались с другой стороны города и шастают по всем домам. Своими танками и пушками они скоро разнесут здесь все!

В Гилянгарбе мы пересели в другую курсирующую между городами машину солдата из КСИР, который довез нас до Касегярана. Все эти военные автомобили занимались тем, что помогали местным жителям быстро и безопасно перебираться с места на место.

Мама, дядя и жена дяди Хейдара Парма, увидев нас на пороге, не могли найти слов. Дети, успевшие за это время истосковаться, тоже были вне себя от радости. Видя, что нам с Алимарданом удалось без потерь приехать из Гурсефида с необходимыми вещами, мама с дядей рано утром также отправились домой в Азади, где они в то время проживали, и вернулись с мешком вещей. Мама позже рассказывала, что их чуть не засекли иракские солдаты, а неподалеку от них виднелись ряды танков, победоносно двигавшихся в их направлении.

– Тут тоже небезопасно. Нам нужно скорее уезжать отсюда, – предупреждала мама. – Иракцы в любую минуту могут оказаться здесь, в Касегяране.

Мама была не единственным человеком, кто так думал. Все, кто бежал из Гилянгарба, предупреждали местных о том, что лицемеры¹, как называли иранцев, прикнущих к иракцам, скоро придут в Касегяран.

– Собирай вещи, Фарангис, – обратился ко мне Алимардан. – Мы поедем в Махидашт, там сейчас безопасно. Ни в какое другое место я не согласен ехать.

– А мы поедем в Шиян, в более близкое селение, где сейчас тоже должно быть безопасно, – сказала мама, идею которой поддержал дядя.

– Алимардан, может быть, и нам стоит поехать в Шиян?

– Нет, я не согласен. Мы поедем в Махидашт, – наотрез отказался он.

Чтобы как-то предотвратить массовое бегство иранских солдат, руководство страны отдало приказ не выпускать никого за территорию Касегярана. В связи с этим, выйдя всей семьей к трассе, мы встретили ожесточенное сопротивление со стороны военных, заблокировавших нам путь из селения.

– Чего вы от нас хотите?! – кричала я им в ярости. – Вы хотите смерти наших детей?! Никто не сможет здесь за себя постоять.

Местные жители сопротивлялись и подняли настоящий бунт, в результате которого руководство позволило простым гражданам выйти за территорию селения, однако при условии наличия строгого надзора в отношении военных. Несмотря на контроль и жесткий запрет,

¹ Лицемеры, монафегины (от араб. *мунафик* – «лицемер») – так в Иране называют членов Организации моджахедов иранского народа (ОМИН) – иранской леворадикальной организации, которая вела борьбу против Исламской Республики и была признана террористической в Иране и целом ряде других стран, в том числе в США и Евросоюзе; однако последние из политических соображений впоследствии исключили ее из списка террористических организаций (*прим. ред.*).

мы видели, как, втиснувшись в наши ряды, несколько солдат все же пытались дезертировать. У трассы творился настоящий хаос, толпы людей пытались спасти свои жизни и жизни детей, которые в истерике бились рядом и безудержно кричали. Мне было очень плохо, так как я не переставала переживать о матери. Снова жить в неведении и не знать, что с нашими родными, представлялось мне невыносимым.

Сев в один из военных автомобилей, водитель которого согласился отвезти нас в Махидашт, мы вскоре тронулись в путь. Всю дорогу я молчала и не разговаривала с мужем, в душе тая обиду за его отказ ехать в Шиян. В полночь нас высадили на дороге рядом с Махидаштом.

– Ты добился своего? – ворчала я, обращаясь к Алимардану. – Мы остались здесь посреди ночи без всякой помощи. Нас могут загрызть волки. Ты ведь знаешь, что в этой местности их очень много.

Но Алимардан, ничего не ответив, принялся теплее укутывать Рахмана в одеяло и взял его на руки, я же, достав из-под платья нож, крепче обняла Сохейлу и приготовилась отразить любое неожиданное нападение.

Не прошло и нескольких минут, как внезапно в темноте ночи рядом с нами блеснули две пары звериных глаз.

– Алимардан! Волки! Волки! – закричала я, крепче прижав к себе ребенка.

Подобрав лежавшую на земле длинную палку, Алимардан принялся размахивать ею, что отпугнуло волков, но до самого утра мы так и не смогли сомкнуть глаз и оставались настороже. В тот день поднявшееся из-за гор солнце было знамением счастья для нас и большим облегчением. Мы встали и продолжили путь. По дороге нам встретилась машина, которая ехала в нашу сторону из Махидашта. Увидев нас еле волокущими ноги, с двумя детьми на руках, водитель развернулся и подвез до дома

Гулама Бегляри, моего двоюродного брата, семья которого нас очень радушно и трепетно приняла. Однако мне было очень плохо, сердце сжималось от переживаний за мать и детей, и я не знала, куда мне податься. Гулам вместе со своей семьей изо всех сил старались меня разговорить и отвлечь от беспокойства, нас угостили хлебом и чаем, поддерживали и опекали, что утешило и подбодрило детей.

На следующий день я предложила мужу:

– Алимардан, давай вернемся в Гилянгарб?

– Ты до сих пор в обиде на меня? Клянусь, я делаю все это ради тебя. Здесь безопаснее для нас всех.

– А как же моя семья, наш дом и наши корова с теленком?

– Здесь намного безопаснее для наших детей. Поверь мне, на этот раз с такой настойчивостью иракцы дойдут до самого Керманшаха.

– Они не смогут! – резко возразила я с беспокойством в голосе. – Но даже если это так... Пусть они дойдут до конца света, я все равно должна быть рядом с Гурсефидом, чтобы иметь возможность навещать в наш дом.

– Я не готов возвращаться в сторону Гилянгарба, – разочарованно и немного нервно ответил муж. – И если понадобится, мы уйдем еще дальше. Я очень устал от всего этого!

– Простите, что я вмешиваюсь, – сказал сидевший рядом Гулам, – но Алимардан прав. Иракские войска объединились с иранскими предателями и, обретя новую силу, продвигаются дальше и сокрушают все на своем пути. Ради безопасности детей и вашей собственной безопасности вам стоит остаться здесь. Это и ваш дом.

– Я не могу... – не сдержав слез, выдавила я. – Я не могу оставаться здесь. Поймите, это все равно что поги-

бель для меня. Мне нужно быть рядом со своим домом. Смерть в своем собственном доме для меня лучше, чем ожидание здесь, вдали.

Больше ничего не сказав, Алимардан, взяв сына на руки, молча вышел из дома в сторону пшеничного поля. Обняв Сохейлу, я пошла за ним и, обнаружив его задумчиво сидящим на земле, села рядом. Как же хотелось остановить время и, надышавшись полной грудью, насладиться видом неспешно качающихся на ветру золотистых пшеничных колосьев, посреди которых, словно большая змея, извивалась широкая дорога.

– Пожалуйста, не обижайся на меня... – проведя рукой по земле, тихо сказала я. – Разреши мне поехать домой и навестить отца с детьми, иначе я сама себя загублю этими переживаниями. Здесь мне не место... Может быть, кому-то здесь и хорошо, но точно не мне. Я словно осталась без воздуха и не могу дышать. Прошу тебя... Позволь мне уйти ненадолго.

Алимардан молча посмотрел на меня глазами, полными слез, и выдавил:

- Иди... но возвращайся скорее.
- Мне забрать Сохейлу? Она не сможет тут без меня.
- Забери ее тоже.
- Я скоро вернусь... – взяв мужа за руку, сказала я. –

Обещаю тебе, что верну нашего ребенка в целостности и сохранности. А ты позаботься о Рахмане.

Крепко сжав мою ладонь, Алимардан лишь опустил голову и больше не смотрел на меня. Сердце мое разрывалось, когда я видела мужа в таком состоянии. Я знала, что ему, мужчине, очень нелегко переступить через свою гордость и позволить мне уйти, но была очень благодарна за его понимание.

– Рахман, сынок, – сказала я сыну, поцеловав его в глаза, – слушайся папу и веди себя хорошо. Будь осторожен.

Алимардан, больше ни разу на меня не взглянув, встал со своего места и, взяв удивленного и ничего не понимающего сына за руку, ушел прочь. Я же подняла на руки дочь и направилась в сторону дома. Немного отдалившись, я обернулась и увидела Алимардана, державшего сына за руку. Они оба стояли и молча смотрели на нас.

– Сыночек... потерпи, я скоро вернусь, – тихо прошептала я.

Взяв с собой один лишь нож и привязав дочь к спине, уверенным шагом я отправилась к главной трассе, где села в военную машину к солдатам из КСИР и отправилась в сторону Гилянгарба.

– Расскажите о последних новостях, – попросила я солдат, сидевших рядом со мной. – Каково наше положение?

– Сестра, объединенные с предателями силы иракцев прорвались в Саре-Поле-Захаб и теперь движутся в нашу сторону. Вот каково наше положение...

Солдаты продолжали разговаривать между собой и обсуждать наши военные действия, своими словами все глубже погружая меня во мрак беспокойств и тревог. Как же мне хотелось вернуться навсегда в наше селение и, доблестно защищая его, найти свою смерть...

Из-за прямых солнечных лучей и невыносимой жары, которая очень мучила нетерпеливую Сохейлу, мне пришлось выйти из машины и дожидаться другого транспорта, которым оказался микроавтобус, заполненный дюжиной солдат, со сдержанным удивлением отреагировавших на женщину, в одиночку отправляющуюся в Гилянгарб с маленьким ребенком на руках. Я села на переднее сиденье и уставилась в окно, пытаюсь тем самым избавиться себя от излишних вопросов, которые могли раздаться со стороны недоумевающих военных.

В районе Дарбадама, когда за окном появились завораживающие зеленые степи, горы и ущелья, водитель

резко нажал на тормоза, так что Сохейла чуть не выскользнула у меня из рук, и закричал:

– Йа Аббас!

Не понимая, что произошло, мы все принялись выглядывать из окон микроавтобуса, пытаясь разглядеть причину неожиданной остановки. Услышав над головами гул и посмотрев на небо, мы ужаснулись. С невероятной скоростью к нам устремлялись несколько иракских военных самолетов.

– Выходите из машины! Спасайтесь! – закричал водитель, и все бросились к выходу.

Схватив свою чадру, я быстро выскочила из микроавтобуса и стала второпях осматриваться. Вокруг, помимо большого количества людей, было и много машин, явно привлечших внимание иракцев. Им было неважно, кого и что бомбить, массовое скопление людей всегда становилось их мишенью. Единственным спасением были горы и деревья, среди которых можно было спрятаться. Приближаясь, самолеты все сильнее оглушали ревом всю окрестность. Казалось, даже горы пришли в движение. Я зажала уши испуганной дочери, но в ответ она лишь громко заплакала. На вершине горы начался обвал, по склону посыпались камни и песок.

– Будь ты проклята, Фарангис! – злилась я на саму себя. – Что ты сейчас делаешь?! Своими же руками убиваешь собственную дочь!

Сняв с себя чадру, я закутала в нее Сохейлу, чтобы хоть как-то защитить ее от разлетающихся от взрывов обломков и осколков стекла, и помчалась к подножию горы вместе с другими людьми, которые в судорожной панике выбегали из машин. В горах среди скал и высоких дубов было безопаснее всего. В спешке поднимаясь наверх, я упала и сильно ударилась головой, ненадолго потеряв сознание, однако начавшаяся интенсивная бомбардировка заставила меня очнуться. Взявшись голыми

руками за колючки, я поднялась, чтобы бежать дальше. На секунду обернувшись назад, я заметила нескольких военных и гражданских, которые также бежали от дороги к горе. Через несколько секунд взрыв упавшей рядом с ними бомбы взметнул их тела к небу и швырнул на обочину дороги. Атака была произведена в первую очередь по стоящим автомобилям, из которых выбегали люди. Одна из бомб упала совсем рядом с нашим микроавтобусом.

Неожиданно рядом с дорогой я увидела небольшое стадо овец, которое гнал мужчина с ружьем в руках. Прислонившись к стволу дерева и присмотревшись, я узнала в этом человеке своего дядю, также спешившего к горе.

– Дядя Ахмад! Дядя Ахмад! – изо всех сил закричала я.

Заметив меня, дядя устремился в нашу сторону.

– Руле! Что ты здесь делаешь, девочка?! – кричал он, пока бежал к нам. – Зачем ты приехала в самое сердце войны?! Почему ты никогда никого не слушаешься?!

Подбежав к нам за несколько минут затишья, пока стихли взрывы и шум двигателей самолетов, он крепко обнял нас с Сохейлой и продолжал возмущаться:

– Фарангис, ты по своей воле вот этими ногами пришла встретить свою собственную смерть?!

– Дядя... но мой дом...

– Ты не думаешь даже о родной дочери? Вам нужно сейчас же укрыться среди скал!

– А что ты здесь делаешь?

– Не видишь? – спросил он, указывая на овец. – Мне нужно было пригнать их в какое-то безопасное место. Я не допущу, чтобы мое стадо досталось врагам... Фарангис, самолеты возвращаются!

Дядя тут же ринулся к овцам, пытаясь собрать их в более компактную группу, однако чем больше он торопился, тем больше разбегались испуганные животные.

– Дядя! Будь осторожен... – не успела крикнуть я, как на нас обрушилась новая волна бомбежки, повлекшая за собой повторный обвал камней.

Среди пыли, криков и блеяния овец единственным, о чем я думала, была Сохейла. Не знаю, сколько длилась эта бомбардировка, показавшаяся мне вечностью, но, когда я открыла глаза и вышла из убежища, мне не захотелось верить в реальность картины ада, представшей моим глазам. На дороге лежали многочисленные трупы людей, а рядом с ними – овцы дяди, также бездыханные и разорванные в клочья. Однако на этом нападение иракцев не завершилось, бомбы снова начали падать на землю с самолетов, которые стали летать еще ниже над землей. Плотнее укутав дочь в чадру и зажав руками ее уши, я легла на землю, прикрыв девочку своим телом. Сохейла кричала. Мы обе кричали во все горло, не сдерживая страха и злости, пока на нас сыпался песок и падали сломанные ветви деревьев. Через некоторое время по людям начался обстрел из автоматов. Казалось, целью иракцев во время этого нападения было – никого не оставить в живых. Я старалась не двигаться и закрыть Сохейлу так, чтобы обезопасить ее от пули или падающей ветки.

После того как самолеты улетели, я еще долго распахнутыми от ужаса глазами смотрела в землю и лежала на дочери, боясь подняться на ноги. Все это время мне казалось, что на меня кто-то смотрит. Медленно подняв голову, я увидела устремленный на меня взгляд трупа, лежавшего прямо надо моей головой. В испуге резко обернувшись вправо, я увидела разбросанные по земле тела овец, некоторые из животных, жалобно глядя на меня и содрогаясь, испускали дух.

Окровавленный дядя Ахмад, держась за голову и пошатываясь, медленно поднимался к нам, но, обессилев, упал на землю. Вскочив и осмотревшись вокруг, я в слезах побежала к нему, слыша вокруг стоны раненых.

– Ничего страшного, Фарангис. Просто немного повредил голову, – опередил мой вопрос дядя, лицо которого было всё в крови.

Увидев нас в таком состоянии, испуганная Сохейла громко заплакала. Дядя окинул взглядом своих овец и начал бить себя в грудь.

– Остановись! Остановись, дядя! Не бей себя, – захлебываясь слезами, кричала ему я. – Мы прошли такой путь...

Дядя поднялся на ноги и, что-то бормоча и плача, принялся медленно обходить овец, словно разглядывая мертвые тела своих самых близких людей. Я снова подошла к нему и, взяв за руку, посадила на камень.

– Это я привел их на эту бойню... Я убил их своими же руками... – повторял он.

Оторвав кусок ткани от своего платья, дрожащими руками я перевязала дяде голову и говорила:

– Прошу тебя, дядя, не плачь... Ты же ведь не знал, что все так произойдет. Тебе нужно в больницу... Ох, дядя, да падут все твои боли и печали на мои плечи. Жизни этих овец не дороже жизни всех тех людей, которые сейчас бездыханно лежат вокруг нас.

Словно постепенно пробуждаясь и выходя из состояния помутнения, дядя медленно поднял голову и стал осматриваться вокруг, замечая многочисленные трупы людей, потоки крови, нескончаемо льющиеся со всех сторон, и разбросанные человеческие конечности. Внизу оставшиеся в живых помогали сдвигать трупы, чтобы расчистить дорогу для машин, наполненных ранеными. Снова привязав Сохейлу к спине, я начала помогать солдатам, приехавшим на небольших пикапах, и людям, которые не могли сами двигаться.

– Сестра, ты ранена? – спросил один из солдат, увидев мое пропитанное кровью платье.

– Нет, я не ранена, – покачала я головой.

– Мне кажется, она контужена, но сама не понимает, что ранена, – сказал ему другой военный.

– Нет, со мной точно все хорошо. На мне кровь раненых. Это не моя кровь.

– Садитесь в машину и уезжайте отсюда!

Не согласившись на мои уговоры, дядя, который, держась за голову, периодически терял сознание, не захотел ехать с нами и остался со своими уцелевшими овцами, которых он намеревался довести до безопасного места и спрятать.

Обняв Сохейлу, я села в пикап, заполненный ранеными людьми, голоса которых, словно выстрелы из пушки, сокрушали мою голову. Закрыв глаза, чтобы как-то унять непрекращающуюся головную боль, я вспомнила о словах тех солдат, которые сказали, что я попала под удар звуковой волны.

Я смутно помню дорогу, которую мы проехали. Тогда череду моих нескончаемых запутанных мыслей прервал голос водителя.

– Сестра, мы доехали до Кофравара. Вам надо выйти.

Выйдя из автомобиля, я некоторое время стояла на дороге в пыли и крови и не могла понять, где я и что мне надо делать. Немного погодя, посмотрев на обессиленную Сохейлу у меня на руках, я решила, что мне лучше отправиться к семье жены моего брата. У двери нас с дочерью встретили со слезами и ужасом.

– Фарангис! Что случилось? Кто-то умер? Как вы? – сыпались на меня вопросы.

Не в силах что-то рассказывать, я лишь передала дочь сестре нашей невестки и вышла в степь, где дала волю своим чувствам. Тот комок, подкативший к горлу, который все последнее время не давал мне дышать, казалось, взорвался и запустил поток нескончаемых слез.

Ближе к вечеру, когда еще не стемнело, с неба вновь послышался гул самолетов.

«Они теперь и сюда добрались!» – в панике подумала я и поспешила поскорее найти дочь.

Крепко обняв Сохейлу, под завывание противозвушной сирены и крики испуганных детей вместе с толпой местных жителей я побежала в сторону гор, где были расположены зенитные установки противозвушной обороны, стрелявшие по приближающимся иракским самолетам. Добежав до безопасного места, затаив дыхание и зажав уши дочери, я наблюдала за обстрелом и увидела, как один из вражеских самолетов, задымившись, перевернулся и стал неотвратно и стремительно падать на землю.

– Аллах велик! Аллах велик! – закричали люди, обрадовавшиеся потере иракцев.

Самолет рухнул на землю недалеко от селения, издав оглушительный грохот, сотрясший все вокруг. Увидев это, ликующие люди побежали к месту падения самолета.

– Нет! Стойте! Не бегите туда! – пыталась я остановить толпу, вспомнив слова Ибрахима, когда-то предупреждавшего нас о том, что приближаться к упавшему самолету опасно, так как находящиеся внутри бомбы могут взорваться.

В страхе за людей я сидела с дочерью на скале и молилась о том, чтобы беда миновала и бомбы не взорвались. К моему успокоению и облегчению через некоторое время несколько человек целыми и невредимыми стали возвращаться обратно в гору и рассказывать, что самолет разбился вдребезги и никто внутри не уцелел.

Я очень хотела увидеть Алимардана с Рахманом, поэтому следующим утром сказала родственникам новость, что хочу вернуться в Махидашт. Все поддержали меня, а некоторые даже изъявили желание поехать со мной.

По пути, проезжая мимо Исламабада, мы встретили группу солдат.

– Расскажите нам о последних новостях, – попросила их я.

– Дорога перекрыта! Вы не сможете проехать дальше, – как будто не слыша меня, сказал один из военных.

– Предатели разрушили Саре-Поле-Захаб и Каранд и сейчас достигли Чехарзабара, – ответил второй.

– А что с Исламабадом?

– Исламабад тоже повержен, – покачав головой, ответил один из солдат, этими словами нанеся мне сильнейший удар.

– Но... Как я... Моя семья в Махидаште... – несвязно произнесла я, не сумев сдержать слез.

– Пойдем, Фарангис... Бог смилостивится над нами. Все будет хорошо, – принялась успокаивать меня одна из родственниц.

Однако я не могла пошевелиться. Весть о том, что вражеские войска через Саре-Поле-Захаб дошли до Исламабада, привела меня в состояние ужасающего оцепенения. Дорога в сторону Махидашта, пролегающая в направлении Исламабада, также была перекрыта военными. Мысль о том, что я больше не увижу мужа и сына, начала медленно сводить меня с ума.

Мне ничего не оставалось, как в слезах вернуться вместе с родственниками невестки в Кофравар. До самого утра я так и не смогла сомкнуть глаз, перебирая в голове самые страшные мысли.

«Неужели я больше никогда их не увижу? – переживала я. – Иракцы могут добраться до них... Вдруг Алимардан не сможет нигде спастись?!».

Утром, дождавшись пробуждения приютивших меня на ночь родственников, я отпросилась поехать в Шиян, где в кругу семьи мне будет хоть немного спокойнее. Добравшись до дороги, я стала поджидать автомобиль, который сможет подвезти меня к селению, и, к своему удивлению, в первой же остановившейся передо мной

машине иранской марки «Пейкан» я обнаружила нашего родственника – Ибрахима Нурбахша.

– Да пребудет над тобой защита Всевышнего! Фарангис, это ты?! Что ты здесь делаешь? – с радостью и одновременно с беспокойством восклицал Ибрахим.

– Я еду в Шиян.

– Садись в машину! И давай рассказывай, что с вами стряслось.

– Я хотела вернуться домой, – не зная, с чего начать, проговорила я, сев в машину, – но по пути, в Дарбадаме, иракцы совершили на нас ожесточенное нападение. Дядя потерял почти все свое стадо и сам был тяжело ранен.

– А где твой муж и Рахман?

– Они в Махидаште, – не сумев сдержать слез, ответила я. – Я осталась на этой стороне и теперь не могу вернуться.

– Не плачь, все будет хорошо... Наши войска ведут ожесточенную борьбу с иракцами и предателями. Я сейчас еду за своей семьей, а потом должен вернуться, чтобы помочь остальным.

– Где сейчас твоя семья?

– Я тоже в таком же положении, как и ты, – печально покачав головой, ответил Ибрахим. – Они в Керманшахе, а я остался здесь.

Ибрахим высадил меня на окраине Шияна и отправился дальше. Привязав Сохейлу к спине, медленным и тяжелым шагом, напевая грустные и тоскливые песни, я направилась к селению, расположенному у трассы, которая шла вдоль главной дороги.

«Если иракцы дошли до Махидашта, то Алимардан уже должен был уехать оттуда... – размышляла я. – Господи, но как я их найду? Живы ли они?».

Через некоторое время я дошла до дома нашего родственника Шейхана Барзуи, где, согласно моим пред-

положениям, и гостила моя семья. Не успела я войти в шумный дом, наполненный почти полусотней людей, как вокруг раздались крики.

– Фарангис! Это Фарангис пришла! – раздавались родные детские голоса.

В одно мгновение меня окружили ликующие братья и сестры, мама со слезами на глазах целовала и обнимала меня.

– А где Алимардан и Рахман? – взволнованно спросила она.

Стоило мне услышать эти имена, как из глаз вновь хлынули слезы.

– Что случилось? Почему ты плачешь? Где они? С ними что-то случилось?

– Нет, просто мы разделились. Они в Махидаште.

– Почему же вы разделились?

– Я хотела ненадолго вернуться домой, в Гурсефид.

– Фарангис! Все-таки ты настояла на своем! – стукнув себя по груди, вскричала мама. – Разве я не просила тебя быть осторожной?!

– Что ты хочешь от нее, женщина? – вмешался папа. – Сейчас не время заниматься упреками. Она просто не выдержала разлуки. Там ведь ее дом.

Отец как будто всегда знал, что творится в моем сердце. Он подошел ко мне, крепко обнял и, как в детстве, нежно поцеловал в лоб.

– Фарангис, дочка, не переживай. Аллах милостив. Все будет хорошо.

– Я боюсь, что с Рахманом может что-то случиться...

– Хватит, Фарангис, – уверенно отрезал отец. – Алимардан – взрослый и умный мужчина, и он не позволит причинить боль сыну. Все будет хорошо.

В ответ я лишь сильнее прижалась к отцовскому плечу и немного успокоилась.

Лейла и Сима взяли на руки совсем изголодавшуюся Сохейлу и принялись ее кормить. Меня также угостили вкусной едой и пытались разговорами отвлечь от беспокойных мыслей. Я же не знала, как рассказать матери о раненом дяде Ахмаде, которого встретила по дороге, и решила, что, для ее же блага, не буду пока ничего говорить.

Хотя дом дяди был невелик, он все же вмещал в себя довольно много людей из разных селений, приток которых не прекращался. Мама не спала и о чем-то разговаривала с женщинами, я же, крепко обняв дочь и тем самым пытаюсь как-то оградить ее от ночных кошмаров, легла рядом со своими братьями и сестрами. За окном на безоблачном иссиня-черном небе сияли звезды, при взгляде на которые, напевая наши мелодии, я стала размышлять о том, что сейчас делает мой сынок и как там мой муж.

Рано утром, видя, что в доме становится совсем мало места, женщины принялись размышлять, как быть. Дядя рассказал, что неподалеку есть школа, которая может стать хорошим местом для временного размещения. Поддержав его идею, мы в сопровождении нескольких людей отправились в эту школу. Разбив оконное стекло, дядя забрался внутрь и, убедившись, что это место подходит для проживания, молотком сломал замок и впустил нас внутрь.

В здании школы было два больших зала и довольно просторный коридор. Вместе с другими женщинами мы принялись вычищать все помещения и постелили на пол старые выцветшие ковры, которыми поделились с нами местные жители. Жена дяди принесла переносную плиту, на которой мы смогли вскипятить воду и выпить чая, спокойно вытянув ноги, чего нам не удалось сделать в тесноте дядино дома.

– Фарангис, а как твои коровы? – вдруг спросила меня Сима, застав врасплох. – Они ведь не умерли?

– Нет, что ты. Я знаю, что они могут найти себе пропитание. Это ведь мои коровы! Значит, выкрутятся и спасут свои жизни, – пошутила я.

– Если твои коровы хоть немного похожи на тебя, то иракцам несдобровать, – улыбнулась в ответ одна из родственниц, услышав наш диалог.

– Эх, как хорошо было бы вернуться домой, – вздохнула заметно развеселившаяся от шуток Лейла.

– Люди! Бегите! – вдруг раздались громкие крики мужчин снаружи.

Выскочив на улицу, мы увидели нескольких мужчин с оружием в руках.

– Спасайтесь! Иракцы и лицемеры близко! Они дошли до Шияна! Забирайте детей и убегайте отсюда, – кричали они.

Второпях, забрав необходимые вещи и взяв на руки детей, все выбежали из домов и направились в селение Шитиль, где, как нам сказали, было безопаснее. Эти бегства, казалось, никогда не закончатся. Не успевали мы осесть где-нибудь, как каждый раз объявлялась новая угроза.

По пути в Шитиль мы обнаружили зеленые луга и небольшой сад, на деревьях которого было множество спелых фруктов. Не удержавшись и обрадовавшись подобной находке, дети и взрослые начали лакомиться дарами природы, как вдруг раздался голос испуганного хозяина сада:

– Эй! Кто вы? Что вы здесь делаете?

– Мы беженцы! – ответила я. – И пришли сюда не из праздности! Иракцы близко.

– Вы шутите? Как могли иракцы добраться до этих мест? Где Ирак и где мы?

– Вы, похоже, даже не знаете о том, что происходило в последнее время... – удивленно сказали мы.

– Уже сколько времени, будучи беженцами, мы бродим с места на место и теперь дошли до вашего сада.

– Как же долго вы засиделись один в своем саду, что даже не ведаете ни о чем, – осмелился пошутить кто-то.

– Прекратите издеваться надо мной! – занервничал хозяин. – Уходите из моего сада!

– Брат, клянусь Богом, мы не шутим над тобой, – сказал дядя, грозно посмотрев на веселые лица детей. – Нам не нужны твои фрукты.

– Пятьдесят человек ворвались в мой сад, чтобы поесть фруктов... А вы подумали, что же тогда останется моей семье?

– Мы все родом из Гурсефида и Авезина и пришли сюда не затем, чтобы враждовать с тобой, – продолжил дядя, пожимая руку все еще рассерженному хозяину сада, который с неохотой ответил на рукопожатие.

Дядя прочитал небольшое стихотворение на курдском языке, которое сразу же заметно смягчило сердце нашего собеседника.

– У тебя приятный голос, – сказал хозяин сада, – и стихи ты тоже очень хорошо читаешь.

Дядя в ответ мягко улыбнулся и спросил:

– Ты не хочешь дать приют этим беженцам?

– Кто поверит, что мужчина из клана Кальхор не приютил нуждающихся людей?

– Поверь, брат, мы побывали во многих селениях, из которых каждый раз вынуждены были бежать и скитаться дальше. В этой местности у нас нет близких, у которых мы могли бы укрыться. Искренне просим тебя стать нашим родственником, а мы станем твоими гостями.

– Я принесу вам чай... – минуту помолчав и оглядев нас сочувствующим взглядом, сказал хозяин сада.

Через некоторое время, еще более раскрепостившись и даже прочитав несколько стихов вместе с дядей, он позвал свою жену и детей, чтобы познакомить с нами. Улыбчивая и гостеприимная женщина не переставала настаивать:

– Что же вы все сидите здесь, в саду? Пройдемте внутрь, в дом.

– Что вы?! Неужели вам надоел ваш дом? Посмотрите, сколько нас.

– Вставайте и ешьте фруктов, сколько хотите, – неожиданно поднявшись с места, сказал хозяин дома. – Сегодня вы мои гости! Ешьте с аппетитом!

– Спасибо за вашу доброту, но нам ничего не надо. Мы лишь просим остаться у вас на ночлег, чтобы перевести дух с дороги. Дети очень устали.

– Клянусь Богом, я не прощу вас, если вы откажете мне!

После такого утверждения дети, попросив разрешения у взрослых, принялись с удовольствием срывать с разнообразных фруктовых деревьев сочные плоды. Я поднимала на руках Сохейлу и с удовольствием наблюдала за тем, сколько счастья ей доставляет этот процесс.

Вечером, когда стемнело, я тихонько подошла к дяде и сказала:

– Дядя, может, нам все же стоит вернуться в Шиян? По ночам трусливые иракцы покидают наши дома. Что, если они даже не дошли до Шияна?

– Хорошо, я тоже так думаю... – поразмыслив, согласился дядя.

Вернувшись к школе, мы не могли поверить своим глазам. Во дворе и внутри здания собрались сотни беженцев, прибывших из близлежащих и отдаленных селений. В жару не нуждаясь в одеялах и подушках, мы нашли себе место, легли на землю и заснули беспробудным сном.

Рано утром жители селения позвали к себе по несколько семей и угостили всех свежее испеченным хлебом и чаем.

ГЛАВА 12

Спустя некоторое время до нас все-таки дошли долгожданные хорошие новости, о которых всенародно объявили по радио. Диктор во время одной из передач рассказал о том, что вражеские войска, дошедшие до Керманшаха, встретили ожесточенное сопротивление с иранской стороны и потерпели поражение. Жители выбегали из своих домов и громко радовались победе.

– Что-то странно блестят твои глаза, Фарангис... – с подозрением посмотрела на меня мама. – Тебе опять хочется куда-то уехать? Но придется еще потерпеть, потому что опасность полностью не миновала. Когда все утихнет, мы вместе уедем отсюда, и ты сможешь увидеть сына.

– Правильно говорит мама, – поддержал сестру дядя. – Тебе надо подождать, чтобы снова не скитаться по селениям.

В ответ я лишь промолчала, сдерживая в себе ту бурю эмоций и чувств, о которых, казалось, никто и не подозревал.

Взяв на руки дочь, никому ничего не сказав, я чуть позже тайно вышла из дома и отправилась в сторону холмов к главной трассе. Солнце к тому времени поднялось в зенит, палящая жара с трудом позволяла передвигаться, а я все шла с дочкой, рассказывая ей разные сказки, которые помнила со времен своего детства. Пережи-

вания мои нарастали по мере приближения к трассе. Я очень боялась, что мое отсутствие обнаружат, поэтому ускорила шаг, пока, наконец, не увидела машины, проезжавшие из Исламабада в сторону Гилянгарба. Над головой пролетали вертолеты, а машин на дороге было не так много, однако через несколько минут мне удалось сесть в военный автомобиль, в котором ехали вооруженные иранские солдаты. Водитель согласился подвести меня до Исламабада, и я, облегченно выдохнув, сняла со спины Сохейлу и села у окна.

Чем ближе мы подъезжали к Исламабаду, тем учащеннее билось мое сердце. Стремительно мчась по трассе, мы часто встречали сожженные вражеские автомобили и трупы в одинаковой одежде, которых стало особенно много на перекрестке у Саре-Поле-Захаб. Выглянув из машины, я увидела маленькую девочку, которая в грязной одежде сидела у дороги. Казалось, мы созерцали Судный день.

– Вам лучше не смотреть, – сказал один из солдат, обернувшись ко мне. – Вот, возьмите мою каску и закройте окно, чтобы ребенок ничего не видел.

– Боже, здесь даже непонятно, какие тела наши, а какие вражеские... – в потрясении сказала я, приняв заботливый жест солдата.

Некоторые автомобили до сих пор горели, выпуская клубы едкого черного дыма в небо.

– Где сейчас иракцы? – спросила я.

– Они дошли до Чахарзабара и Хасанабада, где наши войска смогли их остановить.

Ветер, раздувавший мое платье и платок, даровал мне ощущение свободы. Мне не верилось, что силы безбожников наконец остановлены и я могу воссоединиться семьей.

Доехав до Исламабада, я вышла из автомобиля и не могла поверить своим глазам. Город превратился в раз-

валины, заваленные горами мертвых тел, запах от разложения которых выжимал слезы из глаз и не давал дышать.

– Руле, ни в коем случае не открывай рот, иначе задохнешься, – наказала я дочери, обвязав наши лица платками.

Около часа, пробираясь между истерзанными трупами, я шла через город, чтобы с другой его окраины продолжить путь до Махидашта. От былых магазинов тоже ничего не осталось. Стекла и двери были выбиты, а товар валялся на улице. Ювелирные и фарфоровые лавки были разграблены. Случайно обнаружив осколок фарфоровой тарелки, на котором была нарисована маленькая девочка на фоне мелких алых цветочков, я вспомнила, как когда-то женщины нашего селения восхищенно описывали этот сервиз.

Машины скорой помощи забирали раненых в больницы. Добровольцы складывали трупы в бульдозеры, закапывали в большие ямы или же раскладывали в две стороны: в одной стороне лежали тела наших преданно сражавшихся соотечественников, с другой – тела иракцев и предателей. Немного поодаль я обнаружила гору трупов, которые складывали в специально сооруженном железном ангаре.

– Зачем в такую жару вы складываете трупы именно здесь? – спросила я у одного из мужчин.

– Это временная мера. Скоро их отсюда увезут.

Сердце мое разрывалось при взгляде на тела солдат, многие из которых были совсем юными.

– Да паду я жертвой за сердца ваших матерей, братья... – в слезах шептала я, проходя мимо трупов. – Братья, погибшие на чужбине, вдали от своих близких и родных...

Постаравшись прийти в себя от перенесенного шока и всего увиденного, я бегом покинула город трупов,

вспомнив, что впереди еще предстоит дорога до Махидашта. Однако на городской окраине я обнаружила, что мертвых тел стало еще больше. Вокруг виднелось множество сожженных танков и автомобилей, разорванных частей тел и следов от пуль, что говорило о том, что борьба в этих местах шла ожесточенно и до победного конца. Взяв в одном из магазинов стакан воды, я дала сначала попить Сохейле, с интересом засматривавшейся на вертолеты, летавшие над нашей головой, затем немного отпила сама и поспешила покинуть эти выжженные войной края.

Сев в машину, я отправилась в сторону Керманшаха, однако по дороге туда в районе Чахарзабара, где были сосредоточены иранские войска, нам перекрыли путь из-за возможной опасности в тех районах. Леса были сожжены, земля изрыта взрывами бомб и снарядов, вся гора и степи, расположенные неподалеку, были завалены мертвыми телами, зловоние от разложения которых в жару казалось просто невыносимым.

Сев в тени величественного дуба и обняв колени, я пыталась пережить все увиденное за последние часы и, несмотря на данное самой себе обещание быть стойкой и запомнить пережитые моим народом несчастья, была обессилена и подавлена. Мне было жаль всех этих людей, наши земли, этот дуб, в тени которого я спаслась от собственных мыслей, и саму себя... Мне было жаль саму себя...

Немного переведя дух, я продолжила путь, пока у одного из постов района Чахарзабар меня не спросили:

– Сестра, кто вы и куда вы направляетесь?

– Меня зовут Фарангис Хейдарпур. Я родом из Гурсефида и сейчас направляюсь в Махидашт, чтобы встретиться с мужем и сыном.

– Мы не можем пустить вас дальше. Там еще слишком опасно, – объяснил мне один из бойцов КСИР.

– Умоляю вас, пропустите. Моя безопасность лежит на моей собственной совести. Вы даже не представляете себе, через что я прошла и что пережила, чтобы дойти до своего ребенка.

– Дайте ей пройти, – после недолгих раздумий приказал один из военных, который, очевидно, занимал более высокое положение.

Облегченно выдохнув, я прошла мимо поста.

«Где сейчас Алимардан и Рахман? Живы ли они вообще?» – размышляла я, еле передвигая ноги.

Несмотря на уличную жару, все мое тело охватил нестерпимый озноб: я не могла унять дрожь в руках и ногах. На мое счастье, рядом остановилась машина, водитель которой согласился довезти меня до Махидашта. Всю дорогу я пребывала в каком-то беспамятстве и даже не помню, как и когда добралась, но, выйдя из машины, собрав в кулак всю волю и все остатки сил, я ринулась в сторону дома, где когда-то оставила мужа с сыном.

Ни минуты не медля, я постучалась в дверь, которую открыл мой маленький Рахман. Упав на землю, я обняла сына и в слезах повторяла:

– Господи! Спасибо тебе! Господи! Благодарю тебя!

Рахман удивленно и радостно переводил взгляд с меня на сестру, а я все никак не могла им надышаться. Подняв голову, я увидела стоящего передо мной в слезах поседевшего Алимардана. Мне показалось, что он постарел разом на несколько лет. Его впалые печальные глаза, длинная борода и исхудавшее тело за секунду рассказали мне о том, что пережил мой муж за все это время.

В тот момент, когда я обнимала своих целых и невредимых детей и мужа, мне казалось, что мне подарили целый мир и я – самый богатый человек на свете. Родственники в доме моего двоюродного брата, решившие, что мы с Сохейлой уже давно погибли, тоже не могли найти слов, чтобы выразить свое счастье.

– Слава тебе, Боже, за то, что уберег мою жену и дочь... – сказал Алимардан, сначала позволивший себе немного поворчать на непослушную супругу.

– Алимардан, теперь мы все вместе сможем вернуться домой и зажить нормальной жизнью.

– Зная твой характер и что ты все равно отправишься туда, лучше мне сразу согласиться и отправиться вместе с тобой, – улыбнулся он. – Либо вместе останемся живы, либо вместе умрем. Но будем вместе!

– Фарангис, какая же ты все-таки неугомонная, – смеялся мой двоюродный брат. – Стоит дать тебе хоть немного передохнуть, как ты вновь готова куда-то бежать.

– Тебе все же нужно меня прогнать, брат. Я больше не могу терпеть разлуку со своим домом. К тому же мои корова с теленком должны быть все еще живы, и они нуждаются в заботе и уходе.

Попрощавшись с родственниками, мы всей семьей сели в машину, водитель которой согласился отвезти нас в Гилянгарб. Однако не успели мы доехать до города, как нас остановила группа военных.

– Вам нельзя ехать дальше! Вы можете попасть на мины или под обстрел!

– Пропустите нас! – закричала я, разозлившись от появления очередного препятствия. – Нам лучше умереть у себя дома, чем продолжать жить жизнью беженцев!

– Нет, сестра, – покачав головой, сказал второй военный, по внешнему виду которого было ясно, что он из других краев. – Гилянгарб еще не расчищен, и мы не можем пропустить вас.

– Либо вы пропускаете нас, либо я остаюсь прямо здесь, у дороги, с этими детьми! – препиралась я.

– Прошу вас, пропустите нас, – сказал Алимардан. – Если эта женщина чего-то захотела, то она обязательно добьется своего.

– Неужели вы не понимаете, что идете прямо в логово врага?

– Боже, помоги нам! – я, плача, воздела руки к небу.

Увидев мои слезы и плачущих детей, военные все же сжалились, и им ничего не оставалось, как ответить согласием на нашу настойчивость и уверенность.

Ступая по земле ватными ногами, я шла за мужем, державшим за руки детей, пока мы не дошли до нашего дома. Дай Бог, дорогой читатель, чтобы ваши глаза никогда не видели боли и того, что увидели мы. Наше когда-то уютное гнездышко превратилось в разворованную и разрушенную пещеру. Вся домашняя утварь была поломана и перебита, наши вещи валялись на полу. Новую детскую одежду, предназначавшуюся «на выход», я обнаружила порванной и разбросанной по всей земле. Холодильник и телевизор пропали. В доме не было ни электричества, ни воды. Держась за стену, я начала медленно пробираться в сторону двора, где мы держали корову с теленком, и прошла мимо разорванных в клочья мешков с пшеницей, которые Алимардан привез домой незадолго до иракского вторжения.

Алимардан вместе с детьми сидел на лестнице не в состоянии вымолвить ни слова. Взявшись за голову, он лишь молча смотрел на наш разоренный дом, словно на свои разрушенные мечты. Я же тем временем, вытряхнув веник, из которого посыпались мелкие камни и пыль, повязав лицо и взяв старое ведро, отправилась к колодцу. Набрав немного воды, я вернулась домой и, намочив пол, принялась подметать.

– Фарангис, что ты делаешь? – удивленно спросил Алимардан. – Неужели ты хочешь остаться здесь на ночь?

– Да, я хочу остаться в нашем доме, – встав перед мужем, уверенно ответила я. – Алимардан, даже не думай просить меня вновь вернуться к жизни беженцев. Лучше найди и подготовь место, чтобы уложить детей,

и отправляйся за питьевой водой. Я тем временем приберусь в комнатах.

Постепенно отовсюду стали раздаваться знакомые голоса односельчан, которые по одному возвращались проведать свои дома, а затем привозили всех остальных членов семей. Мне было очень радостно видеть, как наше селение вновь заполняется прибывающими родственниками и друзьями.

– Фарангис, ты, должно быть, приехала сюда самая первая? – смеялись все, встречая меня.

Однажды, когда я прибиралась в небольшом сарайчике у нас во дворе, где мы держали корову с телянком, ко мне подошла соседка.

– Фарангис, я слышала, что твой теленок жив! Он сейчас в безопасности в соседнем селении.

– Клянусь Богом, если ты говоришь правду, я обязательно подарю тебе что-нибудь! – радостно вскричала я.

Побежав к мужу, я сказала:

– Алимардан, последи за детьми! Похоже, я знаю, где наш теленок! Я пойду за ним!

– Фаранг, что ты говоришь! Где ты сейчас найдешь нашего телянка? Его наверняка уже убили или же украли. Ты поражаешь меня своей наивностью. Скажи на милость, кто, найдя телянка, захочет тебе его отдать?

– Этот теленок принадлежит нам! И мы приобретаем его с большими трудностями. Аллах поможет мне вернуть его. Вот увидишь! Если этот теленок все еще жив, то он вернется к нам домой!

– Знаешь... Не понаслышке зная твой характер, я уверен в том, что ты достанешь этого телянка, даже если он будет в Ираке.

– Почему ты так говоришь? Тебе разве не хочется, чтобы я вернула нашего телянка?

– Нет, я не против, – продолжая убираться, ответил он.

Обрадовавшись, я тут же взяла из дома длинную деревянную палку и отправилась за нашим теленком в самое дневное пекло. Встречая по пути многочисленные разорванные трупы овец и собак, я осторожно ступала по обожженной земле, палкой проверяя, нет ли поблизости мин. Вдруг впереди я увидела на земле мертвую корову, по своим размерам и цвету напоминавшую нашу. Подбежав к ней, я упала на колени и заплакала, поняв, что это действительно наша корова. Должно быть, кто-то выпустил ее на волю в степь, и она попала под обстрел. Мне было до слез обидно и больно видеть разлагающееся и разорванное на части тело бедного животного, к которому я успела так привязаться, но, встав, я принялась искать теленка, надеясь, что хотя бы он все еще жив и находится где-то поблизости.

Я продолжила свой путь к селению Каллечуб-Алия, встречая по дороге военные автомобили, направлявшиеся в сторону Касре-Ширин.

– Салам, Фарангис! Что ты здесь делаешь? – узнала меня одна из женщин, когда я добралась до селения.

– Алейкум салам! Ищу своего теленка, надеюсь, что в отличие от нашей коровы, он все еще жив, – подавленно ответила я.

– Тогда у меня есть для тебя хорошая новость. Мне говорили, что твой теленок в нашем селении.

– Это правда? Ты не шутишь?!

– Какой смысл мне тебе врать? – рассмеялась женщина, подавая мне стакан с водой.

Утолив немного жажду и вылив остаток воды на свой платок, чтобы мне было хоть чуть-чуть попрохладнее, я продолжила свой путь значительно быстрее, ободрившаяся и радостная. Решив, что у дороги будет безопаснее, я решила избегать степных путей, так как там легко можно было нарваться на злополучную мину. Земля вокруг была настолько обгоревшей, иссохшей и изрытой

взрывами многочисленных бомб и снарядов, что мне не верилось, что здесь когда-то всё было покрытой травой и цветами.

По пути одна добрая женщина, увидев, как я изнурена от жары, вынесла для меня бочонок с прохладной водой, отпив из которого, я почувствовала себя значительно легче.

– Я проделала весь этот путь, чтобы найти своего теленка, – обратилась я к ней, немного придя в себя. – Вы ничего не слышали о том, чтобы кто-то находил бесхозного теленка?

– Нет, к сожалению, не слышала, – отрицательно покачав головой, ответила она.

– Фарангис, это ты? – послышался голос сзади.

Это была Зейнаб, молодая женщина, которую я несколько раз видела на наших всеобщих траурных мероприятиях. Она только что вернулась с работы и вышла из-за дома в запыленном платье.

– Что-то случилось? Ты что-то ищешь? – спросила она, подойдя ближе.

– Ищу... своего теленка.

– Ступай за мной. Мы нашли твоего теленка! – улыбаясь, ответила она. – Я собиралась отвести его к тебе сама, но догадывалась, что ты придешь сюда раньше меня.

– Зейнаб! Это же ведь голос моего теленка, – обрадовалась я, когда мы приблизились к двери их дома.

Я не могла поверить своим глазам, увидев своего маленького теленка. Он был привязан к столбу во дворе дома.

– Слава Богу! – воскликнула я и почувствовала, что теленок тоже меня узнал.

– Фарангис, смотри, как он топнул копытом и подошел к тебе! – удивлялась Зейнаб. – Он точно тебя узнал.

– Как вы его нашли?

– Однажды, возвращаясь домой, я увидела, как он бродит по окрестностям в поисках еды. Ты не поверишь, но он тогда выпил за раз целое ведро воды!

– Он чувствует, как сильно я скучала по нему и сколько прошла ради него. Хотя я и потеряла корову, но все же смогла вернуть теленка.

– Ты очень устала, Фарангис. Прежде чем возвращаться домой, зайди к нам и попей немного чая, отдохни.

– Сейчас не время пить чай, Зейнаб. Спасибо тебе большое за то, что спасла моего теленка и ухаживала за ним. Да воздаст тебе Аллах благом за то, что ты сделала для нас.

Возвращаясь той же дорогой, я повела теленка домой.

– Как же ты один дошел до этих мест? – спрашивала я у него по пути, направляя в правильную сторону своей палкой. – Как ты смог прожить столько без еды и питья да еще и избежать стольких пуль и снарядов?

Дома, привязав теленка в сарае и дав ему поесть, я со спокойным сердцем принялась за работу над своим домом, немного нервничая от того, что не знала, с чего начать. Дом был настолько разрушен и перевернут вверх дном, что первое время нам еле удавалось найти посуду для того, чтобы просто выпить чай. Телевизор, ковры, холодильник – всё было украдено. Первым делом мне захотелось сложить все уцелевшие вещи в одном месте, а затем постепенно приступить к чистке и уборке.

Поначалу у нас не было электричества, поэтому мы с осторожностью использовали зажигательные смеси, с помощью которых освещали близлежащую местность. По ночам всем было очень страшно, то и дело казалось, что иракцы совершат новое нападение. Мы тоже ради

безопасности каждую ночь поднимались с детьми на крышу и спали там, чтобы враги, в случае возможного нападения, нас не заметили. Несмотря на все эти сложности и на отсутствие многих элементарных средств для существования, мы не уезжали из селения и оставались в своем доме.

Через некоторое время в наше селение направили электрика и бригаду рабочих, которые снабдили нас долгожданным электричеством и восстановили колодец с пресной водой, после чего жизнь сделалась заметно легче. Затем нам стали привозить продукты, в числе которых были сухофрукты, рис и мука. Члены того же государственного благотворительного фонда для помощи пострадавшим на войне каждый день работали над строительством жилья для жителей Гилянгарба и его окрестностей.

Жизнь стала постепенно налаживаться, и после поступления первой гуманитарной помощи я тут же поспешила домой, чтобы приготовить свежего хлеба. Стоило мне начать месить тесто, как дети сразу стали радостно вертеться вокруг меня в предвкушении любимого и теплого хлеба.

Я развела костер в яме, которую предварительно выкопала, и, установив над ним толстый железный лист, по одной жарила лепешки; по округе разносился вкуснейший запах свежее испеченного хлеба.

– Слава Богу! – воскликнул сияющий от удовольствия Алимардан, заставший нас всех вместе. – Наконец-то моя жена в своем собственном доме в окружении детей печет нам хлеб!

– Мама, дай нам тоже что-нибудь сделать из теста! – кричали дети.

– Вот вам каждому по кусочку.

– Я слеплю из него ружье! – восклицал Рахман.

– А я сделаю танк! – подхватила Сохейла.

«Бедные дети... – подумала я. – С самого рождения они видели только войну, и сейчас готовы играть в нее, не зная ничего другого».

– Мама, ты плачешь? Мы тебя обидели?

– Нет, малыш, что ты. Это из-за дыма костра. Все хорошо... – ответила я, забирая из их рук аккуратно вылепленные ружье и танк и кладя на противень.

Через две недели, к моей огромной радости и облегчению, к нам приехали родители с детьми. Немного у нас отдохнув и погостив, они собрались домой в Авезин, и я, понимая, что их может ожидать там, решила отправиться вместе с ними.

Увидев дом в разрушенном состоянии, отец сначала пришел в смятение и долго молчал, но постепенно, собрав волю в кулак, общими усилиями мы приступили к приведению дома в порядок, пребывая под опекой членов КСИР. Ежедневно они предупреждали местных жителей о том, что передвигаться необходимо лишь по асфальтированной и видимой дороге, дабы избежать возможных мин. Хоть многим это и не нравилось, так как сильно затрудняло посадку саженцев и восстановление сельскохозяйственной деятельности, нам не оставалось ничего другого, как запастись терпением и ждать, пока саперы не очистят близлежащие территории.

Продав свои серьги за 4 тысячи туманов и взяв в кредит 20 тысяч туманов в местном банке, я купила еще одну корову, чтобы как-то облегчить наше существование. Теперь я могла продавать молоко, сметану и масло. А такие продукты, как мясо и яйца, нам раздавали члены благотворительного фонда. Помимо продовольствия, нам также поставляли одеяла, подстилки и небольшие палатки, представлявшие для всех пострадавших довольно значимую помощь.

– Алимардан, у меня что-то беспокоит на сердце, – однажды сказала я мужу. – Я хочу поговорить с родителями.

– Я тоже пойду с тобой, мама, – тут же, почистив ручки свои маленькие резиновые тапочки, воскликнула Сохейла.

– Нет, милая, ты очень устанешь в пути. Лучше я одна быстренько сбегаю и вернусь, – ответила я, желая пойти туда безо всякого сопровождения. – А ты останься с тельцем и поухаживай за ним.

– Нет, мама! Я пойду с тобой!

– А ты сможешь пройти всю дорогу сама? – не сумев скрыть улыбку, спросила я, невольно вспоминая свое собственное упрямство в детстве.

– Смогу! Я знаю дорогу до Авезина наизусть.

Так и не сумев переубедить эту настойчивую девочку, я отправилась в Авезин вместе с ней. Дорогу эта упрямец действительно знала наизусть и уверенными маленькими шажочками шагала впереди меня по кукурузным полям в знойный жаркий день, не соглашаясь даже взять меня за руку. Однако через некоторое время, признав свою усталость, она молча подошла ко мне и протянула обе ручки. Обняв дочь, с улыбкой на лице я шла вперед, глядя на гору Чагалванд. Как же я все-таки любила эту гору, и как сильно мне хотелось пойти по тропинке, которая вела через степь. Однако боязнь нарваться на мины, ежедневно продолжавшие уносить жизни наших близких, была определенно сильнее.

Добравшись до родительского дома, я обнаружила отца сидящим на крыльце в одиночестве.

– Салам, папа.

– Алейкум салам, доченька, – ответил отец с очевидной для меня ноткой беспокойства в голосе.

– Что-то случилось? – спустив со спины Сохейлу, взволнованно спросила я. – Почему ты грустишь?

В ответ на молчание отца я подошла к нему ближе и поцеловала в лоб.

– Заходи внутрь, я тоже сейчас приду, – сказал отец, крепко меня обняв.

– Я все же пока посижу рядом с тобой.

– Мне очень плохо, Руле...

– Расскажи, что случилось? – взяв отцовские сухие и потрескавшиеся руки, спросила я.

– Все же пойдем в дом...

– А ты когда пришла? – удивленно спросила меня мама, застав нас с отцом на пороге.

– Только что. Мама, что с папой?

– Он недавно вернулся из Гилянгарба в таком состоянии и не рассказывает о том, что там случилось.

– Сердце мое обливается кровью из-за этих людей... – вернувшись из ванной, сказал отец. – Чего мы только не пережили во время войны...

– Кто эти люди? О ком ты говоришь?

– Ни о ком...

– Тебе хочется с кем-то поругаться? Папа, скажи мне просто, что случилось. Обещаю, я не буду ничего предпринимать.

– Ничего страшного не произошло... Сегодня в Фонде по делам мучеников мне сказали, что подорвавшийся на mine Джомэ мучеником не считается, – не сдержав слез, выпалил отец.

– Они ошибаются... Так нельзя говорить... Они ведь не видели истерзанного тела ребенка после взрыва... – с трудом сказала я, пытаюсь проглотить комок в горле.

– Прекратите... – не выдержала мама.

– Дело не в правах Джомэ... Я просто хочу знать, мученик ли мой сын, – говорил метавшийся из стороны в сторону отец. – Жена, подай мне сумку. Мне надо уйти.

– Куда ты идешь?

– Я хочу поговорить с Рахбаром¹.

– Папа, ты плохо себя чувствуешь. Лучше останься дома, завтра утром я сама отправлюсь в город.

– Нет, Фарангис! Хватит! Я не хочу, чтобы шла ты! Мне плохо, и я хочу пойти к Рахбару один!

– Ты же ведь погибнешь по пути! – переживая, воскликнула мама, видя серьезность намерений мужа. – Когда в последний раз ты ездил в Тегеран! Это слишком далеко.

– Это моя страна, и никто меня здесь не убьет. Я отправлюсь в Тегеран один и скоро вернусь!

Схватив свою сумку и хлопнув дверью, отец вышел из дома.

Взяв на руки дочь, я поспешила за ним и тут же вспомнила те дни, когда мы вместе шли на утренние работы.

– Отец, остановись! – закричала я вслед ему, не в силах больше сдерживать слезы, хлынувшие у меня из глаз при взгляде на согбенную спину отца. – Прошу тебя, остановись ради Джаббара, Саттара, Симы и Лейлы... Разве кто-то видел, как Сима села на мину, как оторвало пальцы Саттару или, может, ампутированную руку Джаббара?

– Кровь Джомэ на камнях Авезина! Разве ты этого не понимаешь, Фарангис?

До самого Гурсефида с Сохейлой на спине я шла за отцом, пытаюсь переубедить его, однако все мои попытки были безуспешны.

– Не переживай, Руле, – целуя внучку, сказал отец. – Я скоро вернусь...

Понимая, что ничто не способно успокоить бунтующее сердце отца, я больше не настаивала и проводила его в путь, посадив в одну из встречных машин.

¹ Рахбар – высшая государственная должность в Исламской Республике Иран (*прим. пер.*).

С тех пор каждый день я сидела перед домом и наблюдала за машинами, проезжавшими мимо по трассе, в ожидании увидеть родное отцовское лицо. При каждом взгляде на стариков, которые выходили из машин, я вздрагивала и все чаще повторяла себе:

– Если с ним что-то случится, я себе этого не прощу...

Однажды вечером, через пять дней, отец все-таки вернулся домой.

– Ты увиделся с Рахбаром? – сразу же спросила я.

– Увиделся! – победоносно воскликнул он, крепко меня обняв.

Я не могла поверить собственным ушам. Как старый человек из какого-то отдаленного приграничного иранского селения смог повидаться с самим Рахбаром в Тегеране?!

– Вот! – размахивая конвертом, кричал прослезившийся отец, то и дело прикладывая письмо к губам и глазам. – Это почерк самого Рахбара!

Нас тут же окружили односельчане, на всех лицах были написаны радость и удивление. Вместе мы отправились домой в Авезин, где, собравшись в одной комнате и слушая отца, долго плакали и смеялись.

– Но отец, как же тебя так просто пропустили к Рахбару?

– Вы думаете, что, раз я стар и родом из села, то не смогу добраться до самого Рахбара?

– Нет, что ты! Ты у нас очень шустрый! Ты же ведь мой отец! – смеялась я, даже не припоминая, когда в последний раз я видела его настолько счастливым.

– Мне составило много труда найти его адрес. Когда я все-таки добрался вечером до его дома, меня не хотели пропускать внутрь. «Пропустите меня! – кричал я им. – Я родом из Гилянгарба! Я приехал издалека! Мой сын стал мучеником, трое детей стали инвалидами из-за

мин, а дочь – герой войны! Мне нужно увидеть Рахбара!».

Я просидел там всю ночь и утро, пока про меня, немолитимого и упрямого старика, наконец, не доложили ему. Увидев Рахбара, я поначалу обомлел и не осмеливался подойти ближе, однако потом все-таки поцеловал ему руку. Я рассказал ему, откуда я родом, поделился историей нашей семьи и пожаловался на то, что Джомэ не хотят причислять к мученикам. Всё внимательно выслушав, он очень взволновался и тут же принялся писать письмо, которое вручил мне, а затем, неожиданно поцеловав в голову, велел со спокойным сердцем отправляться домой.

От слов отца у меня потекли слезы по щекам.

– Как же тебе повезло, что ты увиделся с имамом, – крепко обняв отца, сказала я. – Ты оказался еще более бойким, чем я. У тебя очень чистое сердце, папа...

Много соседей и родственников приходило с тех пор, чтобы повидаться с отцом и выслушать его необычную историю. Отец же очень гордился письмом, которое он впоследствии по указанию Рахбара отнес в Фонд по делам мучеников.

Через несколько лет после этого события мое сердце испытало очередной нестерпимый удар, когда умер отец. Мой муж Алимардан, тяжело заболев, умер 10 лет тому назад и оставил меня одну с четырьмя детьми: Рахманом, Сохейлой, Йазданом и Сасаном. С тех пор на моих плечах лежали обязанности, касающиеся не только дома, но и работы, так как детей необходимо было на что-то содержать. С каждым днем мне становилось все труднее и тоскливее, сердце все больше наполнялось съедавшим меня чувством одиночества.

Через год мы потеряли Рахима, месяцами лежавшего в больнице из-за проблем с легкими. Каждый день я наве-

щала его в палате и слушала рассказы о войне, которыми он будто бы хотел мне передать совсем иной посыл.

«Фарангис, помни о том, что мы пережили, – словно обращался он ко мне. – Знай, что Аллах захотел, чтобы мы выжили».

После смерти Рахима, который был мне не просто братом, но лучшим другом, я словно потеряла частичку своей души, став еще более одинокой. Еще со времен войны, надев черное, я его больше не снимала, год за годом нося траур. Я до сих пор питаю ненависть к иракцам из-за того, что они заставили нас пережить. Не успевали мы отволноваться из-за ноги одного ребенка, как второй попадал на мину, затем третий лишался жизни. Я часто сожалею о том, что во время войны у меня не было достаточно силы и власти, чтобы показать врагам, чего они по-настоящему заслуживают.

У меня часто спрашивают до сих пор:

– Если это повторится с тобой еще раз, как ты поступишь?

– Так же, если не еще решительнее. Я возьму ружье и буду сражаться с врагами до победного конца. Я готова убить еще раз.

Мой народ пережил столько горя и несчастий, что наша черная одежда не просто отражает траур, который мы теперь вечно будем носить с собой, но и олицетворяет черные раны, которыми покрыты наши сердца. До сих пор день ото дня мы лишаемся близких, которые по неосторожности подрываются на минах во время сельскохозяйственных работ или выгула скота в степях. Этот неожиданно раздавшийся в тишине взрыв сотрясает не только землю, но и наши души. Ныне каждая семья, имеющая либо мучеников, либо инвалидов, имеет что рассказать о своих несчастях.

Гурсефид, находившийся на передовой линии войны, до сих пор притягивает людей, которые интересу-

ются жизнью пострадавших, и я всегда рассказываю им истории о военных событиях и людях, которые будут жить в моей памяти вечно. Мне кажется, что это является моим долгом по отношению к моему собственному народу. Никто не остается равнодушным к нашим ранам, которые уже никогда не заживут.

Однажды осенним вечером 2012 года я сидела на крыльце дома в раздумьях. Сентябрьские вечера всегда приводили меня в какое-то тоскливое и тяжелое состояние.

«В эти дни 31 год тому назад мы находили убежище в горах, променяв наши пуховые подушки на каменные валуны...» – думала я, глядя на корову, которая неподдалеку от меня неспешно жевала свежую траву.

По всему городу распространился слух о том, что Рахбар прибыл с визитом в Керманшах. Вспомнив об этом, я тут же побежала в дом, чтобы по телевизору узнать о последних новостях. В одной из передач показывали кадры, где имам Хаменеи сидел в белой машине, которую, словно стая мотыльков, окружила многочисленная толпа восхищенных людей.

– Руле, посмотри! – быстро позвала я дочку. – По телевизору показывают Рахбара в Керманшахе.

– Да, вижу, мама, – сказала Сохейла, поставив передо мной поднос с чаем. – Он словно светится... Как же счастлив тот, кто имел возможность увидеть его вживую.

– Говорят, что он приедет в Гилянгарб. Мы тоже обязательно поедem к нему!

– Иншалла...

Вдруг нас перебил стук в дверь. Накинув на голову платок, Сохейла выбежала, чтобы посмотреть, кто бы это мог быть.

– Мама, подойди, пожалуйста! – раздался ее голос через минуту.

– Кто это там? – спросила я, приближаясь к двери, у которой стояли несколько мужчин.

Одного из них я узнала. Это был губернатор города.

– Салам алейкум, господин Рустами, – поспешила я поздороваться.

– Алейкум салам, Фарангис-ханум. Разрешите пройти внутрь?

– Конечно, заходите. Чувствуйте себя как дома... – немного смешавшись, отвечала я, пропустив в дом шестерых мужчин.

– По воле Всевышнего наш вождь через пару дней приедет в Гилянгарб, и нам хотелось бы устроить вашу личную встречу. Ах да! Совсем забыл вам представить этого господина, – опомнился Рустами, указывая на мужчину в чалме. – Перед вами представитель администрации Рахбара, а также главнокомандующий войсками и член КСИР, господин Азими. Ну, а господина Хасанпура вы, должно быть, уже знаете.

– Да, это ведь глава Фонда по делам мучеников. Простите, пожалуйста, что принимаем вас так скромно, – стеснительно ответила я, пока Соheyла расставляла перед гостями чай. – Нам стоило бы зарезать барана перед вашим приходом.

– Нам важно лишь ваше здоровье и благополучие, сестра. Благодарю.

Не веря своим глазам, я задумчиво и смущенно оглядывала своих гостей, словно ангелов, спустившихся с небес, чтобы сообщить мне самую радостную весть в мире.

Через некоторое время, когда гости собрались уходить, Соheyла осторожно подергала меня за платье и сказала:

– Мама...

– Господин Рустами, – быстро обратилась я к губернатору, без слов поняв, о чем хочет попросить Соheyла. –

Можно ли как-то сделать так, чтобы на встрече с вождем моя дочь тоже присутствовала?

– Мы постараемся что-то придумать.

Стоит ли говорить, как обрадовалась Сохейла, когда после звонка нам сообщили о том, что она тоже сможет отправиться на встречу и понадобится лишь номер ее паспорта.

Ночью в предвкушении встречи с имамом Хаменеи я не могла заснуть. Глядя на звездное небо за окном, я так и пролежала в постели, размышляя о том, как бы мне хотелось поделиться с имамом всем тем, что в моем сердце. Если бы он смог уделить мне достаточно времени и выслушать обо всех страданиях, которые нам пришлось пережить! Так и не сумев заснуть, в 5 утра я встала, совершила утренний намаз и, поставив чайник, разбудила детей.

– Так же нельзя, – попивая свой чай и хитро улыбаясь, сказал Йаздан. – Нечестно же нам идти в зал к большой толпе людей, а тебе с Сохейлой – на личную встречу с имамом. Сохейлу ты берешь с собой, а о нас не подумала.

– Понятное дело! – весело подхватил мысли брата Рахман. – Сохейлу она любит больше нас.

– Я всех вас люблю одинаково. И, если бы была возможность, взяла бы всех. К тому же, кроме нас, там будут еще представители семей героев войны Шируды, Кешвари и Пичак.

Надев традиционные клетчатые платки басиджей¹, мы вместе с огромной толпой воодушевленных жителей города направились в сторону стадиона, где всех ожидала встреча с очень долгожданным и дорогим гостем.

¹ Басиджи – члены иранского народного ополчения (прим. ред.).

– Фарангис-ханум, вам с дочкой следует пройти сюда! – обратился ко мне один из военных при входе, где мы и разделились с Йазданом, Рахманом и Сасаном.

– Мама, не иди так быстро, – крепко взявшись за мою чадру, попросила Сохейла. – Нам надо держаться вместе.

Однако я, казалось, не слышала дочь и, сама того не замечая, довольно быстрым шагом продвигалась к месту, на которое нам указали, несколько раз споткнувшись и чуть не упав. Господин Ширпорнур и главнокомандующий Азими вместе с главой отделения КСИР в Гилян-гарбе уже находились за территорией спортивного зала, где предстояла наша встреча с имамом. Зайдя в помещение, я заметила отдельную группу женщин, среди которых сначала увидела матерей мучеников Шируди и Пичак, а затем и мать мученика Кешвари на инвалидной коляске, которую толкал ее сын.

«Это матери настоящих героев войны...» – подумала я, посмотрев на этих женщин, и в мыслях погрузилась в те страшные дни нашего прошлого, когда мы впервые увидели вертолеты, которыми управляли покойные Шируди и Кешвари.

Вокруг словно царил запах войны, смешивавшийся с ароматом букетов цветов, которые принесли все посетители мероприятия, периодически хором выкрикивавшие политические и патриотические лозунги. В зале под открытым небом сидели журналисты, фотографы, юные дочери бывших в плену и освобожденных военных, которые в ожидании встречи аккуратно поправляли свои платья.

Вдруг подъехала черная машина, из которой неспешно вышел сам имам Хаменеи, вождь и предводитель иранского народа. Из зала посыпались салаваты и крики:

– Да здравствует Рахбар!

Мой отец, Алимардан, Гахраман, Джомэ, дяди и двоюродный брат – все покойные предстали в тот момент перед моими глазами и словно говорили:

– Фарангис, поприветствуй имама вместо нас!

Уделив время семьям мучеников Шируди, Кешвари и Пичак, имам в сопровождении свиты высокопоставленных чиновников подошел и поздоровался со мной.

– Салам алейкум, Фарангис-ханум.

– Алейкум салам.

– Фарангис Хейдарпур родом из Гилянгарба, – начал рассказывать имаму господин Азими. – Это настоящая героиня, которая в годы войны топором убила иракского военного, а второго взяла в плен.

– Да-да, я слышал о вас... – сказал имам.

– Я очень рада, что вы приехали к нам в Гилянгарб и своим прибытием осветили этот город, – сглотнув, с волнением произнесла я.

Имам улыбнулся в ответ на мои слова и как ни в чем ни бывало продолжил.

– Как же вы смогли так поступить? Вам не было страшно, когда вы убили иракского солдата?

– Я ударила его по голове топором. Нет, мне не было страшно в тот момент.

– Это похвально. Желаю вам всегда пребывать в здравии и благополучии.

– Спасибо. Это моя дочь Сохейла.

– Салам алейкум. Мы рады приветствовать вас в нашем городе, – не растерявшись, скромно сказала Сохейла.

– Алейкум салам. Какая вы умница.

Во время паузы, которую выждал имам, я тут же подумала о том, что было бы лучше рассказать ему не о моей личной трагедии, а о состоянии всего народа.

– Мой вождь, мы в Гилянгарбе очень нуждаемся в вашем внимании, так как лишены многочисленных условий для жизни...

Несколько минут имам уделил нам, отвечая на вопросы и внимательно выслушивая наши просьбы. В тот момент я чувствовала себя ребенком, которому, наконец, дали возможность выговориться старшим и рассказать о том, что так долго томилось в душе. Слова поддержки имама, словно какое-то целебное и успокоительное средство, проливались на мое израненное сердце.

– Да здравствует Рахбар! – раздавались возгласы толпы со всех сторон.

Рахбар направился к трибуне, с которой прочитал очень трогательную и сильную речь о районах Барафтаб, Гилянгарб и Танге-Хаджиян, тем самым удивив всех своими знаниями о перенесенных нами трудностях. Нам не нужно было рассказывать вождю о наших страданиях, он сам уже обо всем знал и пришел, чтобы поддержать и показать, что не забыл нас и наши подвиги, что знает о том, что мы до сих пор теряем близких из-за нескончаемых мин.

– Мама, ты слышишь?! – взяв меня за руку, сказала Сохейла. – Он сейчас говорит о тебе!

– ...в вашем городе живет храбрая женщина, – раздавался голос имама из каждого громкоговорителя по всему стадиону, – которая, защищаясь, смогла взять в плен врага и повергла наземь силы агрессора. Помните это всегда и дорожите этим!

ЭПИЛОГ

Сегодня Фарангис, претерпевая многочисленные трудности, вместе со своими детьми одна живет в селе-нии Гурсефид, став вдовой в 2001 году. Ее муж Алимардан скончался в больнице от рака легких.

С апреля 2014 года Гилянгарбское отделение Корпуса стражей Исламской революции ежемесячно выделяет ее семье денежное пособие, часть которого Фарангис раз-дает нуждающимся, так как дала такой обет на случай, если ей будут выдаваться ежемесячные субсидии. До сих пор с большой охотой и рвением она рассказывает о вой-не всем интересующимся гостям города, которые приез-жают в зоны бывших боевых действий.

Рахман, сын Фарангис, женился на своей родствен-нице Зейнаб Керами и работает в пекарне, обеспечивая деньгами не только свою семью, но и мать с братьями. Безработные и неженатые Сасан и Йаздан до сих пор про-должают жить с матерью. Сохейла вышла замуж за Али Шахбази и проживает вместе с его семьей в Гилянгарбе. Единственное, о чем сейчас мечтает Фарангис, – чтобы ее дети нашли хорошую работу и смогли обеспечивать себя и свои семьи.

В 2011 году в исламабадской больнице после дли-тельного лечения от пневмонии скончался Рахим, брат Фарангис. Последний год жизни брата она заботилась о нем, а затем собственными руками похоронила.

Болезнь и смерть Рахима сильно сказались на здоровье и эмоциональном состоянии Фарангис.

Рахим был женат на своей двоюродной сестре – Зари Хейдарпур, дочери Мухаммадхана Хейдарпура, который в начале войны отправился за первой группой добровольцев из селения. После смерти мужа Зари осталась одна с двумя дочерьми и двумя сыновьями: Кульсум, Масуме, Мухаммадом и Али. Семья покойного Рахима также получает ежемесячное денежное пособие.

Более 6 лет участвовавший в войне Ибрахим, не имея какой-либо работы, вместе со своими тремя сыновьями: Хамидом Резой, Умидом и Мухаммадом Махди – сейчас проживает в Исламабаде, где он обратился в офис КСИР за получением пенсии ветерана. Среди всех сыновей Ибрахима лишь один окончил институт и получил диплом, но также не смог найти работу.

Саттар, по документам официально получивший 20% инвалидности, женился на своей двоюродной сестре Маниже Санагу, от которой у него пока нет детей, и также проживает в Гурсефиде.

Лейла, без вести потеряв мужа, уже несколько лет одна воспитывает троих сыновей: Эхсана, Ашкана и Ирфана.

Джаббар, по документам официально получивший 30% инвалидности, учился и одновременно преподавал в институте «Пайам-е нур» города Касре-Ширин. Он также выступал с лекциями в Исламабаде, Керманшахе, Паве, Гилянгарбе и Саре-Поле-Захаб. До конца своей жизни он так и не согласился сделать себе протез руки, так как потерянная рука всегда служила ему напоминанием о военных годах. В 2012 году Джаббар погиб в аварии по пути из Касре-Ширин в Исламабад, оставив после себя четырехлетнюю дочку по имени Сана и восьмилетнего сына Абольфазла. Зейнаб Рустами, жена Джаббара, когда-то работавшая в сфере культуры, в данный момент, являясь домохозяйкой, занимается воспитанием детей.

Сима вышла замуж в Саре-Поле-Захаб и имеет троих детей: Арама, Али и Сарина. Ее четвертый сын Бибак в 2012 году погиб во время аварии вместе с Джаббаром. Несколько лет безуспешных попыток добиться документа об инвалидности и отсутствие страховки очень сильно сказываются на жизни Симы. Дело по поводу инвалидности в данный момент находится на рассмотрении в комитете Гилянгарба.

Мать Фарангис живет в селении Авезин в доме рядом с домом Рахима.

Жена Гахрамана, получившая инвалидность на 55%, вместе с детьми, Мусаййибом и Муслимом, живет в Гилянгарбе. Получив диплом по компьютерной инженерии, Муслим работает в прокуратуре, а Мусаййиб, когда-то родившийся в микроавтобусе, стал врачом – специалистом по УЗИ.

Реза и Неймад Хаддади, братья Гахрамана и Алимардана, живут в Исламабаде.

8 лет назад вследствие болезни скончался Ахмад Хейдарпур, а Хешмат Хейдарпур вместе со своей семьей продолжает жить в Авезине рядом с матерью Фарангис.

Фарангис рассказывала: «От моего маленького домика в Исламабаде уже ничего не осталось. Город сильно разросся, и ныне на том месте после выравнивания земли построено множество домов».

Фарангис сегодня является живой памятью о прошлом, о тяжелых днях изнурительной войны...

Военная проза

Махназ Фаттах

ФАРАНГИС

Воспоминания Фарангис Хейдарпур

Научный редактор: *С.Н. Табаи*

Редактор: *Т.Г. Ханина*

Корректор: *Т.Ю. Кречко*

Верстка: *Т.Г. Ханина*

Дизайн обложки: *И.Т. Картвелишвили*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Adobe Stock

К 30-летию
Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ)
(Russian Publishers Association)

Подписано в печать 25.06.2020. Формат 60×90¹/₁₆.

Гарнитура CharterITC. Печать офсетная.

Объем 17,0 печ.л. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»,

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499) 270-7359

ООО «Садра»

www.sadrabook.ru

مهناز فتاحی

فرنگیس

خاطرات فرنگیس حیدرپور

ترجمه: زهرا کریم اوا
ویراستار علمی: سید ناصر طبایی
ویراستار ادبی: تاتیانا خانینا
تصحیح: تاتیانا کریچکو
صفحه بندی: تاتیانا خانینا
طراح جلد: ایرینا کار تولیشویلی

انتشارات صدرا روسیه

مسکو

۲۰۲۰